

Колдовские Миры

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Случай из практики

Кира Измайлова

Случай из практики

«ЭКСМО»

2010

Измайлова К. А.

Случай из практики / К. А. Измайлова — «Эксмо»,
2010 — (Случай из практики)

ISBN 978-5-699-46441-8

В поединке рыцаря с драконом убит дракон – высшая справедливость восторжествовала. Хотя, конечно, зверя жалко, тем более молодого и неопытного. В ходе поединка погиб и сам рыцарь. Печально, но бывает – что называется, профессиональный риск. На месте поединка обнаружена дочь короля Никкея Третьего. Мертвая. В обнимку с мертвым... драконом! Что не лезет уже ни в какие ворота. Адепт судебной магии Флоссия Нарен в тупике. Что означает гибель принцессы Майрин: убийство или несчастный случай? Кому выгодно исчезновение основных улик? И как в этом замешана королевская гвардия? И кто и с какой вдруг стати организовал покушение на королевского расследователя?.. Дело крайне сложное, но госпожа Нарен наверняка сумеет его распутать, даже с риском для жизни. На то она и судебный маг.

ISBN 978-5-699-46441-8

© Измайлова К. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	72
Глава 7	84
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Кира Измайлова

Случай из практики

Глава 1

Драконье горе

Зрелище... Да, зрелище. Впечатляюще, что и говорить. Какого-то новобранца до сих пор выворачивало наизнанку за большим камнем, да и мне, хоть видать мне доводилось и не такое, сделалось не по себе. Другое дело, что по моему лицу никто бы об этом не догадался при всем желании, а прилюдно блевать при виде таких натюрмортов я давно отучилась.

Довольно широкая каменная площадка перед пещерой – снег не белый, а темно-красный, почти черный, насквозь пропитался густой кровью. Не снег, а каша.

Обезображенный донельзя труп в помятых старинных доспехах у самого края обрыва – лица не разобрать, оно обожжено, изъедено чуть не до кости.

Немного поодаль, ближе к пещере, распласталась громадная туша дракона: широкие крылья, выломанные, словно бы в последней попытке взлететь, громоздятся, напоминая изодранные паруса на сломанных мачтах; мощные лапы неловко подогнуты, – это его кровью залито все вокруг. И в кровавом снегу, рядом с мучительно оскаленной, чудовищной, но все-таки по-своему привлекательной мордой дракона – мертвая принцесса.

Впрочем, дракон казался огромным только на первый взгляд. Стоило подойти поближе, как становилось ясно: он не так уж и велик, во всяком случае, по сравнению со зрелыми особями. Чешуя у него была красновато-коричневой, тогда как у взрослых драконов она обычно черная, с металлическим отливом. Очень редко встречаются драконы с серебряной, золотистой или стальной чешуей, мне доводилось видеть только их чешуйки в собрании Коллегии. Впрочем, я и взрослого дракона вживе ни разу не видела...

– Это... это он его сжег?... – полушепотом спросил молоденький гвардейский лейтенант, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь. Несколько солдат с ним во главе были приданы мне в качестве сопровождения. Не то чтобы я в самом деле нуждалась в сопровождении, скорее наоборот, но где это видано, чтобы судебные маги лично ворочали трупы?

– Нет, – соизволила я раскрыть рот. Лейтенант уставился на меня снизу вверх одновременно с испугом и любопытством.

Я тяжело вздохнула. Ну не объяснять же ему подробно, что следов огня на окружающих скалах нет, доспехи тоже не оплавлены: этот дракон так и не воспользовался своим самым знаменитым оружием. Не потому, что не успел, просто понадеялся на физическую силу, дурачок.

– А что же здесь... – Лейтенант не закончил фразы, решив, видимо, что чересчур нагнетает. Так оно, кстати говоря, и было. Я не обязана отчитываться перед каждым мальчишкой в военной форме.

Зачем меня отправили в эти дикие края, сказать сложно. Да, дракон, как водится у этого племени, похитил девушку. Надо думать, предполагалось, что я сумею убедить его вернуть пленницу родным. Не рассчитывал же мой наниматель, будто я стану сражаться с драконом! Это все же не мой профиль деятельности... Отказываться от задания я не стала: это было, по меньшей мере, интересно. Увы, пока я добралась до места, многое успело произойти... В горном поселении, ближайшем к обиталищу дракона, меня ждали новости: оказывается, меня опередили, причем не более чем на двое суток. Некто добрался до дракона раньше меня, вот только обратно не вернулся. Да и дракон больше не появлялся... Как бы там ни было, пришлось

отправляться еще выше в горы, чтобы разобраться, в чем же дело, где дракон и что случилось с принцессой.

Мне было предельно ясно, что здесь произошло. У парня в старинных доспехах, вооруженного длинным – и как только на гору его затащил? – копьем, не было ни одного шанса выстоять против дракона. Ни единого реального шанса! Вот только жизнь частенько выкидывает забавные штуки, и все реальные шансы летят псу под хвост.

Судя по следам, дракон разоружил самозваного рыцаря играючи – просто сломал его копье и отшвырнул бедолагу на край обрыва. А вот потом, полагаю, дракон решил пугнуть парня напоследок, а заодно похвастаться перед единственной зрительницей своим благородством, оставив его в живых. Так бы оно и произошло, если бы ошалевший от ужаса «рыцарь» не выставил перед собой обломок копья. Это не причинило бы никакого вреда дракону, но, по нелепому стечению обстоятельств, нелепый драконоборец ухитрился намертво заклинить пятку бывшего копья между камнями. Острый обломок угодил точно в горло самонадеянному молодому дракону, в то место, где чешуя еще не обрела достаточной прочности, и тот, не успев остановиться, сам насадил себя на древко. Видимо, обломок копья разорвал артерию, иначе бы дракон не умер так просто, – крови вокруг было столько, что под ногами хлюпало, и это подтверждало мою версию. Драконья кровь ядовита для большинства людей; обрадовавшегося было вояку окатило с головы до ног, и радоваться победе ему пришлось недолго: спустя несколько минут от него остался вопящий от нестерпимой боли и ужаса окровавленный кусок мяса. При таком болевом шоке долго не живут. Думаю, он протянул пару минут, не больше.

Впрочем, объяснять все это лейтенанту я не собиралась. Достаточно того, что придется отчитываться перед королевским советом.

– Прикажите своим людям быть осторожнее, – сказала я, рассудив, что калечить солдат вовсе не обязательно. Драконья кровь в ранах хозяина сворачивается быстро, а вот вытекающая – не застывает даже на морозе, потому под ногами и хлюпает. Остывшая, она уже не так опасна, но все равно можно заработать приличный ожог. – До дракона не дотрагиваться, голыми руками ни за что не братья. Все ясно?

– Так точно, госпожа Нарен, – вытянулся в струнку мальчишка и покосился на скорчившуюся в снегу мертвую принцессу, комкая в руках шапку (трудно сказать, снял он ее из уважения к покойнице или же из почтения передо мной). Жаль девушку, говорят, она была дивно хороша...

Лейтенант снова не удержал язык на привязи, видимо, любопытство его было сильнее, чем трепет перед судебным магом:

– А она-то что же, от страха, что ли?..

Я подошла поближе, наступив прямо на подол роскошного платья, чтобы не перепачкать сапоги еще больше, присела, взглянула на девушку поближе, осторожно повернула ее голову. И правда хорошенькая, даже смерть ее не изуродовала. Решительное бледное личико, заплаканное и перепачканное темной кровью, щека прижата к драконьей чешуе, красивые тонкие руки обнимают страшную морду. В ушах – великолепные серьги старинной работы, рубины с бриллиантами, на шее такое же ожерелье. Ничего этого не было в перечне драгоценностей, оказавшихся на принцессе на момент похищения, – дракон уволок ее из купальни, на девушке было лишь нижнее платье, скромные сережки да несколько тоненьких золотых колечек... Опять же и драконья кровь не причинила ей вреда. Да, все именно так, как я предполагала...

На теле принцессы не обнаружилось ран, она просто замерзла насмерть. Немудрено, мороз стоял такой, что даже тепло одетые солдаты ежились от холода, у лейтенанта вон нос и уши покраснели, если шапку не наденет – точно отморозит. Принцесса же была одета в тонкое платье из какой-то воздушной материи, я никогда прежде такой не видывала, должно быть, это драконья добыча из каких-то заморских стран... Сколько девушка провела здесь, в снегу? Не меньше суток, думается...

За спиной шмыгал замерзшим носом молоденький лейтенант, но больше ни о чем не спрашивал.

Я одернула короткую куртку, вздохнула, но говорить ничего не стала: в нашем деле лучше держать язык за зубами до поры до времени. Бедная девчонка...

Я окинула взглядом площадку перед пещерой. В душе поднималось глухое раздражение на несправедливость жизни – чувство бесполезное, но неизбежное. Я еще раз посмотрела на убитого дракона и мертвую принцессу. Папина гордость, умная и славная девочка... Умная славная девочка предпочла навсегда уснуть в кровавом снегу в обнимку с мертвым драконом, а не дожидаться спасения в теплой уютной пещере!

Я была готова держать пари на свой годовой заработок (а это не так уж мало), что в человеческом облике этот дракон был очень красивым, веселым и добрым – по-своему, по-драконьи, конечно, – парнем. Много ли надо молоденькой девушке, чтобы влюбиться? Особенно если учесть: уж что-что, а ухаживать за дамами драконы умели всегда... И если бы не этот дурак в прадедушкиных латах со своим копьем и не глупая самонадеянность молодого дракона, они с принцессой, скорее всего, жили бы счастливо до конца ее короткой человеческой жизни. За что я всегда уважала драконов, так это за то, что они всегда оставались со своими избранницами до самого конца, не бросали их, едва заметив признаки надвигающейся старости. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что и женщины, связавшие свои жизни с драконами, никогда не превращались в дряхлые развалины, до самой смерти сохраняя красоту. А драконы – они на своем длинном веку влюблялись множество раз, но каждый раз по-настоящему, и потом искренне и подолгу оплакивали своих недолговечных подруг.

Нелепое стечение обстоятельств, чтоб его! И вот я стою по щиколотку в кровавом снегу и мысленно сочиняю отчет, который одинаково устроит и потерявшего любимую дочь безутешного отца, и владельца земель, на которых произошло это несчастье, – Его величество Арнелия. Нелегкая задача, что и говорить...

– Госпожа Нарен? – Лейтенант все же рискнул нарушить мое сосредоточенное молчание. – Мои люди закончили с пещерой... Можно?..

Значит, сокровищницу вывезли. По правде сказать, не так уж много там и было. Я же говорю, совсем молодой дракон, глупенький мальчишка... хотя и странно так говорить о существе, старшем тебя минимум на сотню лет. Но сто лет – только для человека солидный возраст, и то если он не маг, а для дракона, считай, еще детство.

Я заставила себя вернуться к реальности. По правилам, тело дракона принадлежало занимающемуся расследованием судебному магу, мне в данном случае. Я имела право проинформировать вскрытие в исследовательских целях, но сердце и печень дракона должна была передать Коллегии магов. Эти органы – слишком ценный материал, чтобы принадлежать кому-то одному: из них готовятся определенного рода препараты, за которые некоторые люди душу готовы продать, было бы что и кому предложить. Драконы, конечно, не исчезающий вид, но все же встречаются достаточно редко. Желающих охотиться на них, что вовсе не удивительно, немного, поэтому заполучить для исследования тело дракона – большая удача! Они очень уважительно относятся к своим усопшим и погребальным ритуалам: насколько мне известно, умерший дракон должен сгореть в пламени, разожженном его соплеменниками. Однако существует неофициальное соглашение, по которому тело дракона, погибшего в честном бою с человеком, принадлежит победителю. (Стоит ли говорить, что число таких случаев стремится к минус бесконечности?) Данный случай относился именно к честным поединкам, хоть и выглядел нелепо до крайности...

Мне лишь однажды довелось присутствовать на вскрытии дракона, довольно давно, в годы моего ученичества, да и то в компании целого десятка таких же, как я, юнцов. Вскрытие проводил мой наставник, и было это достаточно интересно. А теперь мне предоставляется случай самой заняться этим... Беда только в том, что мне вовсе не хотелось кропать именно этого

дракона, так глупо погибшего в самом начале своей долгой и интересной жизни. Не потому, что мне не хотелось пачкаться, – уж трупов я повидала предостаточно... Но стоило взглянуть на них – дракона и принцессу, и в сердце что-то неприятно сжималось, хотя уж чем-чем, а сентиментальностью я отроду не страдала. Мой наставник не одобрил бы такой чувствительности, более приставшей барышне на выданье, а не судебному магу, но... Наставник давно уже не был для меня непререкаемым авторитетом.

– Лейтенант! – Я скосила глаза на изведшегося юношу. Тот вытянулся в струнку:

– Госпожа Нарен?

– С этим я закончила. – Я кивнула в сторону трупа в старинных доспехах. – Можете забирать.

– Так точно!

– Лейтенант... – поморщилась я. – Без громких звуков, прошу вас. Иначе эта скала, – я посмотрела вверх, – в один прекрасный момент свалится нам на голову.

Лейтенант посмотрел туда же, куда смотрела я, и заметно побледнел. Над входом в пещеру нависала изрядных размеров скала, этакий козырек. По правде сказать, держалась она прочно и без хорошего землетрясения не сдвинулась бы с места, а землетрясений в этих краях не бывает. Но то ли юноша не был силен в землеописательных науках, то ли побоялся спорить со мной, но просьбу мою выполнил.

– Вы, двое! – Командовал он теперь сдавленным шепотом. – Взяли... понесли...

Я скупно усмехнулась. Лейтенант косился на меня одновременно с испугом и чем-то вроде любопытства. Немудрено... Я знала, как выгляжу со стороны, и никогда не строила иллюзий по поводу собственной внешности. К тому же на людей нужно производить определенное впечатление, а потому я вынуждена поддерживать определенный образ. Не сказала бы, впрочем, чтобы меня это сильно тяготило.

Так. Пока двое солдат возьмется, пытаюсь поудобнее перехватить труп нашего драконоборца, самое время сосредоточиться. Хорошо. Большого усилия не потребуется.

– И – раз... – Тело перекинули на импровизированные носилки. – И... два... И-и...

– Мать твою!! – Бедняга солдат споткнулся о невесть откуда взявшийся камень, неловко упал и то ли расшиб, то ли вывихнул ногу. – Ах ты!..

– Берегись!! – Мой зычный голос легко перекрыл вопль бедолаги, а камни под ногами мучительно вздрогнули. – В стороны, спасайтесь!..

Никого не накрыло – я хорошо рассчитала. На том месте, где только что лежали мертвый дракон и принцесса, теперь возвышалась такая каменная гора, что было ясно – разобрать ее не удастся и за месяц. Да и смысла нет – под завалом остались кровавые ошметки, и только, тела размазало по камням.

– Лейтенант... – Я как ни в чем не бывало дымила своей трубкой: одна из немногих моих слабостей, курю с пятнадцати лет. – Я, кажется, предупреждала, что кричать здесь нельзя?

– Госпожа Нарен...

– Из-за вашей безалаберности я потеряла ценнейшие образцы тканей молодого дракона, – отчеканила я, по-прежнему не глядя на лейтенанта. Бедный мальчишка, дальше краснеть уже некуда... – Его величество Никкей Третий лишился возможности похоронить свою дочь, как полагается по обычаям королевского дома Стальвии. Что, по-вашему, это означает?

Это означало конец его карьеры, и молоденький лейтенант это прекрасно понимал.

– Мы... мы разберем завал, мы... – прошептал он, но я осталась непреклонна.

– К весне – может быть, разберете. К несчастью, у меня нет времени ждать.

Я смерила мальчишку холодным взглядом. Лейтенант перестал краснеть и сделался мертвенно-бледным. Его солдаты притихли чуть поодаль, даже так некстати споткнувшийся бедняга бросил стонать и ругаться сквозь зубы.

– Хорошо, – медленно процедила я, выдержав внушительную паузу. – Будем считать, что скала обрушилась по естественным причинам. Раненый дракон ударами хвоста разрушил основание скального козырька, он держался только чудом и рухнул, опять-таки чудом никого не покалечив. Многовато чудес для одной скалы, ну да сойдет... Вам понятно?

– Г-госпожа Нарен!.. – выдавил лейтенант. Должно быть, он хотел высказать благодарность или, наоборот, отказаться участвовать в обмане, но я уже отвернулась и начала спускаться по узкой тропинке вниз. До столицы достаточно далеко, чтобы мне хватило времени сочинить убедительный доклад для королевского совета. Всей правды говорить, пожалуй, не стоит, а значит, придется потрудиться, изобретая жизнеспособную версию произошедшего...

... – Смерть принцессы наступила, по моим оценкам, почти сразу же после гибели рыцаря, предположительно, от разрыва сердца. Крайний испуг оказался для нее губительным. – Я остановилась, давая понять, что доклад закончен и я жду вопросов.

Члены королевского совета, за исключением председателя – Его величества Арнелия, радовали взор дивной гаммой чувств, написанной на лицах, – от раздражения до откровенной неприязни. Главный казначей, похоже, подсчитывает, во что обошелся этот добрососедский жест: плату за свои услуги я, как, впрочем, и все хорошие специалисты, беру немалую, а потому нейр Деллен не любит всех магов скопом, а меня отчего-то в особенности. Он скуп, как сотня ростовщиков, и с каждым аром расстается так, будто деньги на государственные нужды выдает из собственного кармана. По-моему, в дни празднеств и всяческих торжеств нейр Деллен укладывается в постель с сердечным приступом, будучи не в силах пережить столь бессмысленное разбазаривание средств. Впрочем, это видимость, Деллен прекрасный казначей, Его величество им весьма доволен, а потому прощает ему вечное брюзжание, не всегда беспочвенное, надо сказать...

Трое военных советников тоже поглядывали на меня не особенно дружелюбно: по их мнению, вполне можно было бы обойтись своими силами, а не приглашать судебного мага. Что там расследовать, в самом-то деле? Все очевидно! А вот если бы потребовалось дракона... усмирить, то надо было нанимать боевого мага, что обошлось бы не в пример дешевле. Вслух, разумеется, они этого не высказывали, но мнение их было мне прекрасно известно. Но, увы, дракон – это дракон, существо, владеющее магией, а в подобных случаях привлечение судебного мага обязательно. Вздумай Его величество обойтись без моей помощи, могла бы вмешаться Коллегия, и военные, разумеется, это прекрасно понимали, что, впрочем, не умаляло их ко мне неприязни.

Арнелий глядел в сторону с выражением легкой скуки на породистом холемом лице. Гость – Его величество Никкей Третий, отец несчастной принцессы, – выглядел раздавленным горем и на меня не смотрел вообще, изучая собственные пальцы.

– Не может быть... – выговорил он наконец. – От испуга?.. Но ведь она была такой смелой девочкой...

– Повторяю, это всего лишь гипотеза, – произнесла я холодно, всем своим видом давая понять, как я отношусь к сомневающимся в моих словах, будь они хоть десять раз королями. – Я готова провести вскрытие с целью установления причины смерти принцессы, но только в том случае, если мне будет предоставлено тело. Я надеюсь, королевский совет не настаивает на том, чтобы я лично разгребала завал на месте происшествия?

Королевский совет не настаивал. Я в этом и не сомневалась.

– Кстати, госпожа Нарен, почему случился обвал? – встрепенулся один из присутствующих. – Как это произошло?

– Над входом в пещеру нависал довольно массивный скальный козырек, – равнодушно ответила я, не выпуская трубки из зубов.

С этим можно было не церемониться: младший помощник казначея, в совет вошел совсем недавно и, видимо, горел желанием обратить на себя внимание Его величества. По слухам, был нейр Гресс трусоват и в меру беспринципен, одно хорошо: Арнелия он боялся более чего бы то ни было, а потому служил честно. Впрочем, не будь Арнелий уверен в Грессе, не видать бы тому места в совете, как булыжника в цвету.

– Видимо, он служил дракону защитой от непогоды, – продолжала я. – Осматривая место происшествия, я обнаружила, что скала готова рухнуть в любой момент. Скорее всего, раненый дракон произвел несколько ударов хвостом по скале, чем нарушил ее устойчивость. – Я заложила руки за спину и сделала несколько шагов вдоль длинного стола, за которым расположился королевский совет. – Я предупредила, что на месте происшествия надлежит соблюдать тишину, однако люди господина лейтенанта предпочли пропустить мои слова мимо ушей. – Молоденький лейтенант, присутствовавший на совете в качестве свидетеля событий и несказанно маявшийся в присутствии столь высокопоставленных господ, заметно покраснел. – В результате неосмотрительного поведения одного из солдат произошло обрушение скального козырька. Только по счастливой случайности никто не пострадал.

– Кто это сделал? – неприятным голосом осведомился Его величество Арнелий.

– Я не обязана знать поименно каждого солдата, – отрезала я. Разумеется, это было неправдой. Память у меня, как и полагается судебному магу, отменная, и я прекрасно помнила, как зовут тех, с кем я провела бок о бок не одну неделю. Другое дело, что я не собиралась этого обнаруживать: я говорила уже – в нашем деле выгоднее держать язык за зубами.

Слова мои прозвучали достаточно резко, но хороший судебный маг может многое себе позволить, в том числе и подобный тон при общении с коронованными особами. А еще никто не осмеливался оспорить того факта, что я – именно хороший судебный маг.

– Думаю, с этим вопросом лучше обратиться к присутствующему здесь господину лейтенанту, – добавила я.

Лейтенант из густо-багрового сделался мертвенно-бледным. Подобную смену колера его физиономии я уже неоднократно наблюдала и в очередной раз подумала, что с такими нервами в королевской гвардии делать нечего. Думаю, юноше больше подойдет место белошвейки!

– Хорошо. Мы непременно это выясним, не так ли? – Арнелий повернулся к мальчишке, и тот вытянулся в струнку, преданно поедая глазами Его величество. На висках у него и над верхней губой выступили капельки пота, хотя в зале было совсем не жарко. – Выясним, по чьей вине наш уважаемый брат, – последовал взгляд в сторону Никкея, – лишен возможности похоронить свою единственную дочь как полагается. Лейтенант?..

– Так точно, Ваше величество! – отчеканил тот, делаясь вовсе уж невозможного мучнистого цвета. Как бы в обморок не хлопнулся...

– Виновный будет наказан, мой уважаемый брат. – Арнелий повернулся в сторону Никкея. Меня всегда забавлял обычай коронованных особ именовать друг друга братьями и сестрами: по-моему, ничего более нелепого и придумать нельзя. Хотя, возможно, я ошибаюсь...

Речь Арнелия все журчала и журчала – Его величество мастерски умеет заговаривать зубы. Можно не сомневаться, вскоре Никкей вконец одуреет, и хорошо, если не забудет, зачем приехал. Впрочем, ему свита напомнит, иначе зачем она вообще нужна?

Мне слушать короля вовсе не хотелось, однако меня еще не отпустили, а хотя бы видимость приличий соблюдать следовало. Не вникая особенно в сладкие речи Арнелия, я прошла по залу, глянула в высокое, от пола до потолка, окно. Уже сгустились сумерки, и темное стекло служило неплохим зеркалом. Отражалась в нем рослая худая женщина неопределенного возраста, в мужских шароварах (не в юбке же карабкаться на гору, право слово!) и куртке на меху. Переодеться я не успела: меня перехватили у городских ворот и передали просьбу Его величества явиться немедленно по прибытии. Стоило, конечно, снять хотя бы верхнюю одежду, но рубашка моя была не сказать чтобы свежей. От жары я не страдала, потому решила

остаться в куртке. Я поправила красный платок, которым всегда туго повязывала голову – волосы, кстати, тоже не мешало бы вымыть, – подтянула потуже широкий пояс с уймой зловещего вида побрякушек (именно побрякушек, ничего серьезного я на виду не держу)... Больше исправлять в своем облике мне оказалось нечего.

Одеваюсь я непривычно для этих мест, но это даже удобно – люди обращают внимание на мою одежду и разные безделушки, на ту же трубку, на мое малопривлекательное лицо и слишком высокий для женщины рост, ну а я в это время могу наблюдать за ними. Что поделать, профессия судебного мага – а я, ко всему прочему, потомственный судебный маг – располагает к тому, чтобы поддерживать определенный образ. Будь я светловолосой румяной хохотушкой, мне было бы сложнее делать карьеру...

Мое отражение быстро мне наскучило, и я перевела взгляд на колонны, поддерживающие сводчатый потолок. В этом зале мне бывать раньше не доводилось: король затеял перестраивать дворец и лишь недавно повелел проводить заседания королевского совета в новом, только что законченном крыле здания. Что ж, красивый камень, светло-синий, с алыми и золотистыми прожилками. Выглядит нарядно, но не аляповато: вкусом Его величество не обделен... А вот в природе такого камня не встречается. Я прищурилась, пригляделась – что здесь у нас? (Многие из моих коллег сочли бы мое маленькое развлечение недостойным высококвалифицированного судебного мага, но я люблю тренироваться на таких вот мелочах.) Хм... неплохо. Изменение сродства элементов с последующей модификацией кристаллической решетки... В результате из самого обычного строительного камня унылого серого цвета получились колонны, вполне достойные королевского дворца. Но неужели Арнелий сподобился раскошелиться на полную замену материала? Подобного рода магические услуги стоят недешево, а работал тут мастер, я даже могу предположить, кто именно. Король же наш, мягко говоря, скуповат... Я присмотрелась внимательнее и ухмыльнулась. Материал был заменен не полностью. Сердцевина колонн осталась прежней, из строительного камня, и была словно заключена в скорлупу из прочной и красивой лазурной отделки, толщиной примерно пальца в три. Что ж, неглупо придумано. Вес перекрытий такие колонны выдержат отменно, а Арнелий недурно сэкономил на работе мага.

Арнелий наконец завершил свой монолог. Я к тому моменту уже успела изучить убранство зала и прийти к выводу, что Его величеству нельзя отказать не только в скупости, но и в выдумке: колонны оказались далеко не самым забавным из того, что тут имелось...

– Мы вас более не задерживаем, госпожа Нарен, – вежливо наклонил голову в мою сторону Арнелий. – Мы полностью удовлетворены проведенным вами расследованием. Ваш гонорар вы получите незамедлительно.

– Благодарю, – сухо ответила я. – Надеюсь, Ваше величество, вы не забудете: помимо оговоренной платы, мне причитается пять процентов от найденного в драконьей сокровищнице. Пять, а не два и не полтора.

Арнелий поджал губы, но промолчал. Казначей подавил тоскливый вздох.

Помимо того что я лучший судебный маг в округе, я не состою в Коллегии и не принадлежу ни к одному из цехов. Цеховой договор меня не связывает, а значит, я в любой момент могу собрать немногочисленные пожитки и отправиться, скажем, под крыло того же Никкея, в Стальвию, а то и к великому князю Вельскому или Тарнайскому (впрочем, у последних вряд ли хватит средств на оплату моих услуг). С этим приходится считаться – судебные маги на дороге не валяются, и Арнелий это прекрасно осознает.

Я коротко поклонилась Никкею:

– Сочувствую вашей утрате, Ваше величество.

С этими словами, не тратя более времени на придворные расшаркивания, я прошла к выходу. Взоры сидящих за длинным столом скрестились на несчастном лейтенанте, и я невольно ему посочувствовала. Впрочем, ни малейших угрызений совести оттого, что я под-

ставила его и малознакомого мне солдата, я не испытывала. Самое большее, что может им грозить, – так это лишение месячного жалования. Король Арнелий отходчив и, как я уже говорила, скуповат, поэтому телесным наказаниям предпочитает денежные.

Задерживаться во дворце я не стала: делать мне там было совершенно нечего, а слушать шипение за спиной удовольствие невеликое. Меня не любят, хоть и уважают; впрочем, я сама даю к тому немало поводов: скверный нрав – это почти визитная карточка судебных магов.

В отличие от обычных магов, вынужденных идти на службу к правителям различных мастей и испытывающих на своей шкуре все прелести жестокой конкуренции, мы не настолько дорожим покровительством высородных. Это, к примеру, магов-медиков пруд пруди, куда больше, чем теплых местечек при знатных и богатых людях: освободись такое, мгновенно выстроится очередь из желающих его занять!

Да, магов немало. Нередки и преступления, совершаемые с помощью магии, и вот здесь-то и нужны такие, как я. Обычный человек не заметит ничего там, где для мага налицо будет масса улик. Впрочем, мы можем заниматься и обычными преступлениями, здесь тоже выручают определенного рода умения.

Кто и когда нарек моих коллег судебными магами, неизвестно, выносить приговор все-таки задача властей или Коллегии – в случае, если преступник окажется магом. Должно быть, это повелось с давних пор, когда мы действительно имели право решать чью-то участь единолично... Впрочем, это название не хуже любого другого, да и, если задуматься, мы все же судим – о первопричинах того или иного преступления...

Представители нашего племени настолько редки и востребованы, что ни один правитель, каким бы самодуром и деспотом он ни был, не станет перечить настоящему судебному магу или пытаться обмануть его с оплатой. Хотя бы потому, что на него немедленно ополчится Коллегия магов, которой причитается некоторый процент от наших немалых доходов, и если бедолаге даже удастся уладить дело миром, платить он впоследствии будет минимум по двойным расценкам.

Его величество Арнелий уже испытал подобное на себе, когда однажды попытался изящно надуть меня с гонораром (вполне возможно, что то была инициатива нейра Деллена). Я на первый раз переговорила с ним лично, не привлекая официального представителя Коллегии, и этого оказалось вполне достаточно. С тех пор мы сосуществовали вполне мирно...

Что ж, а теперь – домой, домой, домой... Как я уже говорила, гонец перехватил наш отряд на въезде в столицу, так что пришлось отправляться на королевский совет в походном обмундировании, от которого я уже не чаяла избавиться. Я неприхотлива, но когда пару недель не имеешь возможности сменить одежду, начинаешь ценить домашний уют!

Мой дом примостился между двумя роскошными купеческими особняками на Заречной улице. Та часть города, что была отделена от старого центра рекой, так целиком и звалась Заречьем, а моя улица считалась прибежищем самых богатых жителей города, пусть и не дворянского сословия. Честно признаться, я бы с гораздо большим удовольствием перебралась куда-нибудь на окраину – там и поспокойнее, и десятки глаз не следят за каждым твоим шагом, – но судебный маг, к сожалению, вынужден заботиться о своей репутации. Раз я обитаю на Заречной, значит, дела у меня идут лучше некуда, а услуги мои пользуются спросом. Ну, а с другой стороны, жить во дворце намного хуже, поэтому я относилась к любопытным взглядам соседей с философским спокойствием. Тем более что им быстро надоело за мной наблюдать. Да я и дома-то бываю не так уж часто, если уж на то пошло...

Ворота были закрыты – давно стемнело, а на Заречной не принято гулять ночами, здесь живут добропорядочные горожане. Я стукнула в ворота, подождала немного. Наконец мне открыли. Конюх поклонился, принял у меня поводья лошади:

– Простите, госпожа, что ворота закрыли, не ждали вас так поздно...

– Пустяки, – махнула я рукой. Кто ж знал, что Его величество потребует меня немедленно! Спасибо и на том, что не задержал до утра, с него бы случилось...

В доме было тихо и темно. Надо полагать, все уже улеглись спать.

Я бесшумно поднялась по лестнице на второй этаж, где находились мои комнаты, распахнула дверь, и тут же меня едва не сбили с ног.

– Фло!.. – Лелья повисла у меня на шее, глядя снизу вверх сияющими глазами. – Фло, ты вернулась!..

– Похоже на то. – Я осторожно поставила Лелью на пол и огляделась. – Слушай, на кухне найдется что-нибудь поесть?

– Конечно, найдется, Фло! – Лелья метнулась к двери, но тут же вернулась: – А ванну, Фло?..

– На ночь глядя с этим затеваться? – поморщилась я, со стуком сбрасывая на пол тяжелый пояс и расстегивая теплую куртку, хотя, если честно, всю дорогу лелеяла мысли о горячей ванне и чистой одежде.

– А у меня все готово, Фло!.. – Лелья радостно улыбнулась. – Я тебя каждый вечер ждала... Я же знаю, ты приедешь голодная и усталая, а у меня все готово, и ждать не надо!

– Что бы я без тебя делала? – сказала я без тени насмешки, глядя на ее сияющее личико.

Пока Лелья возилась с ванной, я на скорую руку перекусила холодным мясом с хлебом. Лелья рвалась было разогреть мне ужин, но я отказалась – сойдет и так. Я лениво жевала и смотрела, как Лелья носится туда-сюда то с полотенцами, то еще с чем-нибудь. Пожалуй, день, в который я ее купила, в самом деле был удачным во всех отношениях.

Мне всего лишь понадобилась еще одна служанка. У меня уже имелось двое слуг, оба невольники – конюх Дим и кухарка Рима, а вот за домом следить было некому. Наемные служанки у меня отчего-то не задерживались, поэтому прибиралась в доме Рима, но она была немолода, и ей приходилось тяжело. Доходы мои вполне позволяли купить еще одну служанку – рабыня не станет капризничать, как наемная прислуга. Я отправилась именно за такой служанкой: опытной женщиной, желательно средних лет, и в мои планы вовсе не входило покупать зареванную девчонку лет двенадцати, да к тому же почти не говорящую на нашем языке. До сих пор не понимаю, что на меня нашло.

Как Лелья попала на невольничий рынок, она смогла объяснить мне только полгода спустя, когда более-менее сносно научилась разговаривать по-нашему. Впрочем, я и сама догадывалась. Лелью увезли с какого-то из многочисленных островков западного архипелага пираты – северяне промышляли не только разбоем, но и работоторговлей, не брезгуя и похищать людей, в особенности красивых девушек, и об этом знали все. Лелью ждал бордель, причем, можно не сомневаться, один из самых дорогих в столице – она обладала необычной для наших краев красотой. Маленькая, стройная, белокожая, с копной светло-рыжих кудрей и яркими голубыми глазами, Лелья, безусловно, пользовалась бы большим спросом, могла бы и в своего рода знаменитости выбиться, знавала я такие случаи. То, что у меня случилось, надо думать, временное помутнение рассудка и я зачем-то купила совершенно ненужную мне девчонку, Лелья могла считать самой большой удачей в своей жизни. Надо полагать, именно так она и думала, потому что не отходила от меня ни на шаг (изрядно тем самым раздражая).

Надо сказать, в результате я не прогадала: Лелья, едва освоившись на новом месте, взялась наводить порядок в доме, и даже Рима, увидев такое усердие, перестала недовольно поджимать губы.

С тех пор прошло уже лет шесть. Из хорошенькой девочки Лелья выросла в ослепительно красивую девушку, на которую заглядываются многие мужчины с нашей улицы, и продолжает заниматься моим домом, поскольку мне до хозяйства дела никогда не было...

– Все готово, Фло! – Лелья присела на пол, чтобы помочь мне снять сапоги. Возражать было бесполезно – однажды она решила для себя, что должна оказывать мне почести, кото-

рые, по обычаю ее семьи, положено воздавать главе рода. По-нашему, получается, чуть ли не королю. Сперва это меня раздражало, затем стало смешить, а потом я привыкла.

– Нет уж, – вовремя остановила я руки Лельи. – Штаны я как-нибудь сама сниму.

Я через голову стянула рубашку и критически глянула на себя в зеркало. Забавный парадокс – в женском платье, даже сшитом лучшей портнихой, я больше всего смахиваю на огородное пугало. В мужской одежде я уже больше похожу на женщину, правда, чересчур высокую и худую, если не сказать костлявую. Поскольку ничто человеческое мне не чуждо, я предпочитаю походить все-таки на некрасивую женщину, чем на огородное пугало. Хотя, если честно, лучше всего я выгляжу вовсе без одежды. Ну да, худая, если не сказать жилистая, слишком уж пышными формами мое тело мужской глаз не порадует. А как иначе, если больше половины года я провожу или в седле, или взбираясь на горы, или шатаюсь по лесам и городским трущобам?.. Жаль только – тут я ухмыльнулась про себя, – что в королевском дворце нельзя появиться в таком вот виде.

– Фло, а к гостю ты спустишься, или сказать, чтобы приходил завтра? – спросила Лелья, подавая мне сорочку.

– К какому еще гостю? – удивилась я. – Ты хочешь сказать, меня кто-то ждет, но ты ни слова мне об этом не сказала?

– Это господин Нарен... – Она опустила голову, так что мне была видна только рыжая макушка – Лелья приходится мне ростом всего по грудь. – Фло, я...

Дальше можно было не слушать. Впрочем, ругать Лелью я не собиралась. Если поразмыслить, то встречаться с дражайшим дедушкой сразу по прибытии мне не улыбалось. Вот теперь, перекусив и приведя себя в порядок, я, пожалуй, готова была выслушать родственные наставления. Однако... что это деда принесло на ночь глядя?

– Давно он ждет? – поинтересовалась я, накидывая на плечи шаль.

– Появился за два часа до того, как ты приехала, – по-прежнему потупившись, тихо ответила Лелья. – Так и сидит внизу...

Любопытно. Значит, у дедушки имеется соглядатай, который понесся к нему с доносом, как только я въехала в городские ворота. После чего дорогой дедуля приехал ко мне, не ожидая, очевидно, что Его величество потребует доклада немедленно.

– Я надеюсь, хотя бы поужинать гостю предложили? – спросила я, скручивая влажные волосы в узел и заматывая голову шарфом.

– Я подавала ужин, только господин Нарен отказался, – сообщила Лелья.

Это было вполне в духе деда. Что же ему все-таки понадобилось? А, что гадать, нужно спуститься и выяснить...

– Добрый вечер, – сказала я, входя в гостиную, освещенную только горящим камином.

– Ночь на дворе, – недовольно каркнул дед. Он и в самом деле был похож на старого облезлого ворона, и именно от него мне в наследство достались резкие черты лица и скверный характер. Ну и, помимо всего прочего, способности к магии. – Я тебя предупреждал, чтобы эта твоя рыжая шлюха не показывалась мне на глаза?

– Предупреждал, – миролюбиво ответила я, набивая трубку. Дед отчего-то сразу невзлюбил Лелью (надо сказать, взаимно). – И что?

Дед раздраженно фыркнул и уставился на меня немигающим взглядом. Впрочем, я тоже превосходно умела так смотреть, так что некоторое время мы играли в гляделки. Деду это надоело первому.

– Ничего, – буркнул он. – Скажи ей, чтобы не вертела передо мной подолом, я ей не купеческий сынок.

– Непременно скажу, – кивнула я.

– И ты могла бы шевелиться побыстрее, знала же, что я жду, – продолжал брюзжать дед. Выдавать Лелью с ее мелкой местью я не стала, придав лицу почтительное выражение.

– А что привело тебя ко мне в такой час? – спросила я, когда деду надоело ворчать.

– Уж без дела бы не приехал, – хмыкнул дед и, перегнувшись через стол, уставился на меня в упор: – Где дракон?

– Какой дракон? – не поняла я.

– Флошша! – У деда не хватало нескольких зубов, поэтому мое имя он выговаривал именно так. – Не делай из меня идиота! Я говорю о туше того дракона, из-за которого ты потащила в такую даль. Или ты хочешь сказать, что оставила его где-то без присмотра, а сама явилась домой? Ты в своем уме?

Мне все стало ясно.

– Нет никакого дракона, – устало ответила я, выпуская колечко дыма и наблюдая, как оно уплывает в темноту.

– Что значит – нет?.. – Дед опешил, осел обратно в кресло и с такой силой вцепился в подлокотники, что я побоялась – как бы не сломал. Силы бы ему хватило, а кресло жаль, удобное.

– Могу повторить то, что рассказала Его величеству Арнелию сегодня на королевском совете. – Я подавила зевок. – Скала над пещерой держалась на честном слове. Она рухнула, дракон и принцесса остались под завалом. Не разгребать же его было?

Дед снова уставился на меня.

– Не заговаривай мне зубов, Флошша, – сказал он наконец. – Эту чушь ты можешь рассказывать хоть королевскому совету, хоть кому угодно, но не мне!.. – Он прокашлялся. – Не знаю, что опять взбрело тебе в голову... но надо ж было сотворить такую глупость!! Ты сама, своими руками лишила себя уникальной возможности...

– Скала рухнула сама, – сообщила я невозмутимо. Дед мог сколько угодно говорить мне об уникальных возможностях, но причина его негодования была мне предельно ясна – он рассчитывал принять участие во вскрытии дракона на правах моего ближайшего родственника и, кстати сказать, наставника. – А вообще-то меня никогда не тянуло копаться в чьих-то потрохах. И я, если на то пошло, не собираюсь посвящать жизнь исследованию драконов.

– Ты дура! – гаркнул дед, надолго закашлялся и просипел: – В точности как твой покойный папаша!..

– Дурная наследственность, – ответила я. Разговор свернул со скользкой темы о причинах обрушения скалы в привычную колею, и я могла расслабиться. – Говорят, папа был вылитый ты в молодости.

– Флошша!.. – Дед окончательно вышел из себя, хотел было сказать еще что-то неприятное в мой адрес, но передумал и только плюнул: – И это моя наследница... С таким подходом к делу ты навсегда останешься ремесленницей! И прекрати дымить! Я все еще надеюсь дождаться от тебя здорового наследника! – Дед уставился на меня исподлобья. – И я бы на твоём месте поторопился с этим, пока я еще жив и могу сам заняться обучением правнука. Представить страшно, чему ты сможешь научить, с твоими-то способностями!

Я могла бы сказать, что я, с моими способностями и подходом к делу, небезосновательно считаюсь одним из лучших судебных магов в обитаемых краях, и клиенты ко мне в буквальном смысле выстраиваются в очередь. Дедушка же лет десять как отошел от дел – здоровье уже не позволяло ему отправляться по первому зову за тридевять земель на место преступления. И, кстати сказать, за наем его дома плачу я, я же нанимаю прислугу, равно как и оплачиваю небольшие дедовы прихоти. Но об этом лучше было помалкивать, иначе дед непременно заявил бы, что я попрекаю его куском хлеба на старости лет.

– Я понимаю, что тебе, с твоей страхолюдной рожей, на мужское внимание рассчитывать нечего, – заявил тем временем мой тактичный родственник. – Но зачаровать-то достойного мужика на ночь тебе по силам, я надеюсь?..

– Вполне, – миролюбиво кивнула я. Многих придворных кавалеров не смутила бы и моя физиономия (сказать по правде, не столько страхолюдная, сколько нетипичная для здешних мест). В конце концов, в темноте лица не видно, а любопытство разбирало всех – от зеленых юнцов до убеленных сединами отцов семейств. Предложения мне порой поступали вполне недвусмысленные, но я пропускала их мимо ушей: портить себе репутацию мимолетной интрижкой я не собиралась. Точно так же я не собиралась осчастливливать деда наследником, но об этом тоже лучше было помалкивать. Дед, сам потомственный судебный маг, был одержим идеей создания династии, и это у него почти получилось – я была уже четвертым в нашем роду судебным магом, но на этом дело застопорилось. – А лицом я, кстати, удалась в тебя.

– А, да что с тобой говорить... – махнул рукой дед. Времена, когда он мог мне указывать просто потому, что я была его внучкой и его ученицей, давно прошли, но он никак не мог этого осознать. – Бестолочь!

С этими словами он поднялся и прошествовал к дверям. Я знала, что за воротами его ждет наемный экипаж – заметила его в переулке, когда подъезжала к дому, но не придавала значения этому факту; мало ли кого могла ждать карета, – потому не предложила проводить.

Я поднялась наверх. Лелья, свернувшаяся клубочком в кресле, подняла голову, услышав мои шаги.

– Господин Нарен сильно сердился? – спросила она жалобно. – Я знаю, он не велел мне показываться, но Рима уже легла спать, и я решила сама подать ужин...

– Переживет, – отмахнулась я. Хотела бы я знать, за что дед так невзлюбил Лелью! – Давай-ка спать...

...Я решила отоспаться за все время, проведенное в пути, и открыла глаза только после полудня. Лелья знала о моей привычке подолгу валяться в кровати, когда дела позволяли, потому тяжелые портьеры с вечера были плотно задернуты, и в комнате царил приятный полумрак.

Я неторопливо поднялась, умылась, оделась и спустилась вниз. Лелья, вскочившая, как обычно, ни свет ни заря, подала мне завтрак и, пока я не спеша уничтожала Римину великолепную стряпню, пересказывала мне последние городские новости. Больше новостей меня интересовали слухи и сплетни, но за этим нужно было обращаться к Риме. Лелья чесать языком с другими служанками не умела и не любила, а вот Рима – та была прирожденной сплетницей.

– Ой, Фло, тебя какой-то господин ждет! – делано спохватилась Лелья, когда я покончила с завтраком.

– Давно ждет? – поинтересовалась я. Пытаться переделать Лелью было бесполезно: если я спала или трапезничала, тревожить меня она не позволяла. Любому посетителю, будь то хоть сам король, пришлось бы дожидаться ровно столько, сколько понадобится.

– Не больше часа, – успокоила Лелья. – Я спросила, срочное ли у него дело, а он сказал, что просто хочет с тобой поговорить и будет ждать, сколько придется...

– Ну что же, пойду взгляну на этого господина... – вздохнула я. Что-то в последнее время в мой дом зачастили гости...

...Дверь кабинета отворилась, пропуская посетителя. Им оказался высокий темноволосый мужчина средних лет. А может быть, и пожилой – по его лицу возраст не угадывался, в волосах не было заметно седины, да и двигался он не как старик, но вот взгляд... Взгляд принадлежал очень немолодому человеку. Нет, не человеку, поняла я, приглядевшись внимательнее.

– Добрый день, – произнесла я. – Что привело в мой скромный дом дракона?

– Добрый день, госпожа Нарен, – чуть наклонил голову мой гость, занимая свободное кресло. – Я вижу, мой маскарад вас не обманул.

– Может быть, представитесь? – предложила я.

– Называйте меня Гарреш, – сказал он.

– Чем могу быть полезна, господин Гарреш? – поинтересовалась я. Без сомнения, этот странный визит – драконы очень редко появлялись в наших городах, во всяком случае, без веской на то причины, – был связан с последним моим исследованием.

– Я... – Гарреш посмотрел на меня в упор, и я невольно вздрогнула. Этому дракону, похоже, было очень много лет, и он оказался первым существом в моей жизни, которому я не смогла смотреть в глаза. Я первой отвела взгляд, и Гарреш продолжил: – Я пришел поблагодарить вас за сына, госпожа Нарен.

– Я не совсем понимаю, что вы... – начала было я, но Гарреш перебил:

– Я знаю, что вы сделали и что рассказали королевскому совету, госпожа Нарен.

– Складывается впечатление, будто все уже знают, что я сделала... – проворчала я. – Вы-то как догадались?

– Эхо вашей магии еще держалось на том месте, когда я туда наведалься, – невесело улыбнулся Гарреш. – Не волнуйтесь, человеческие маги ничего бы не заметили даже сразу после обвала, вы в самом деле мастер своего дела, госпожа Нарен, но для нас...

Он не закончил, но я поняла и так – драконы куда ближе к магии, чем мы, люди, а потому наши жалкие попытки воздействовать с ее помощью на мир для них очевидны, как бы мы ни старались их скрыть.

– Откуда вы узнали о случившемся? – спросила я.

– Араш звал на помощь, – сказал Гарреш так, будто это все объясняло, однако, увидев, что я не вполне его понимаю, пояснил: – Мы чувствуем, когда с кем-то из нашего племени случается беда, особенно если это кто-то близкий. Мне трудно объяснить вам, как проделать это...

– Я всего лишь человек, – усмехнулась я.

– Верно, – без улыбки ответил Гарреш. – И все же, полагаю, услышать такой зов вы бы смогли, если бы знали, как настроиться на его восприятие.

– Любопытно было бы попробовать... – Я взглянула на гостя. – Однако сейчас речь не обо мне. Итак, вы слышали зов сына и...

– Бросился к нему, конечно, – ответил Гарреш. – Увы, я оказался слишком далеко... спешил, как мог, но чувствовал уже, что сыну помочь не успею. Я хотел спасти хотя бы эту девочку... Но опоздал. – Он помолчал, потом продолжил: – Я не знаю, почему вы это сделали, и я не буду спрашивать, потому что для меня это не важно. Я просто хотел поблагодарить вас за то, что мой сын остался в горах, а не попал на разделочный стол к вашим коллегам. – Гарреш помолчал, глядя в пол, потом добавил: – Араш был таким хорошим мальчиком...

– Он ваш единственный сын? – спросила я.

– Нет. – Гарреш покачал головой. – Третий, самый младший. Но от того, что у меня осталось еще двое сыновей, мне не легче, госпожа Нарен.

– Я понимаю, – сказала я.

– Он впервые влюбился... – Гарреш улыбнулся, взглянув на меня, но лучше бы он продолжал смотреть в пол. – Ему повезло, эта девочка, Майрин, она была такой... Я завидовал собственному сыну, можете себе представить? – Он умолк. – Простите, что-то я заговорился. Мне пора, госпожа Нарен.

– Пойдите! – остановила его я. Редчайший случай – дракон в моем доме, разве же я могла отпустить его просто так! – Господин Гарреш, позвольте один вопрос. Возможно, он несколько не к месту, но... Позволите?

– Задавайте ваш вопрос, – кивнул он.

– Почему вы похищаете человеческих девушек? – спросила я. – Над этим вопросом бьются лучшие умы, придумана масса теорий, но, как мне кажется, все это чушь.

– Все очень просто. – На этот раз Гарреш улыбнулся по-настоящему. – Нас не так уж мало, госпожа Нарен. Другое дело, что мы стараемся пореже показываться на глаза людям. Так вот... среди нас слишком много мужчин и очень мало женщин. Если бы не человеческие девушки, наш род давно бы угас. Я ответил на ваш вопрос?

– Но почему именно непорочные девы? – сорвалось у меня с языка. Тот факт, что женщины, случалось, рожали своим любовникам-драконам детей, сомнения не вызывал, как и то, что эти дети наследовали все особенности своих отцов, но вот это... – Это обычай или что-то иное?

– Этот вопрос уже сложнее. – Гарреш поставил локти на стол и подпер руками подбородок. – Почему-то именно в этом случае вероятность того, что у дракона и человеческой девушки появится потомство, наиболее велика. Часто случалось, что кто-то из нас выбирал не юную девушку, а, скажем, вдову или даже замужнюю... Я сейчас не говорю о чувствах, но детей у таких пар отчего-то не появлялось никогда. – Он вздохнул. – Я не знаю, в чем тут дело, если на то пошло, то теоретическая часть вопроса меня никогда не интересовала. – Гарреш искоса взглянул на меня. – Кстати, теперь вам понятно, отчего мы предпочитаем девиц благородного происхождения?

Я невольно усмехнулась. Еще бы! Чистоту наследниц благородных семейств блюдут с такой строгостью, что бедные девушки до замужества чаще всего и не подозревают, откуда берутся дети. И чем выше положение семьи в обществе, тем больше вероятность, что красавица-дочь окажется девственницей. Вот откуда сказки о похищенных принцессах – дело тут, оказывается, вовсе не в богатом выкупе.

– Теперь понятно, – ответила я. – Простите за нескромный вопрос, господин Гарреш, а ваши сыновья от кого?

– Я женился на девушке из своего рода, – усмехнулся Гарреш. – В чем-то мне, можно сказать, повезло. Но Арашу я все равно завидовал. – Улыбка снова погасла. – Араш всегда был везунчиком. Ему и в этом улыбнулась удача, с первого же раза... – Гарреш опустил голову. – Они ведь были у нас в гостях недавно, моя супруга сразу все поняла, ее не проведешь. Знай я, как обернется дело, заставил бы Араша остаться с нами...

«Ему и в этом улыбнулась удача, с первого же раза», – повторила я про себя.

– В чем ему повезло? – спросила я, привстав из кресла и забывая, что я не допрос веду. – Господин Гарреш, что вы имели в виду?

Гарреш взглянул на меня непонимающе, потом, видимо, вспомнил собственные слова.

– Я хотел сказать, что мои старшие сыновья не спешат сделать меня дедом, а Араш...

Я, не дослушав, рухнула обратно в кресло. Ничего себе! Получается, обрушив эту клятую скалу, я изрядно облегчила жизнь не только себе самой, но и многим другим! Пес с ним, с Арашем, но принцесса! Если бы ее тело привезли в столицу и король Никкей настоял на точном определении причины ее смерти, то есть на вскрытии... Я даже вообразить не могу, какой бы произошел скандал! Вряд ли бы удалось утаить такое: единственная дочь, наследница – мало того, что была похищена драконом, так еще и беременна от него! Думаю, не нужно объяснять, какие выводы могут сделать люди из такой новости. «Драконы воруют наших женщин, драконы используют их, как племенных кобыл, у драконов много золота...» – и люди схватятся за оружие. Короли, положим, неглупы, особенно наш Арнелий, но ослепленный горем Никкей мог бы выдать что-нибудь этакое, и... О спокойствии драконам можно было бы забыть навсегда. И тут уж не шла бы речь об относительно мирном сосуществовании...

Возможно, мне стоит почаще давать волю сентиментальности?

Гарреш внимательно наблюдал за сменой выражений моего лица.

– Я вижу, вы все поняли, госпожа Нарен, – тихо сказал он. – Думаю, мне стоит поблагодарить вас не только за своего сына, но и за многих других... которые останутся живы. Прощайте.

Он положил что-то на стол и направился к двери.

– Заберите, – окликнула я, даже не прикасаясь к оставленной Гаррешем вещице. – Я сделала это не за плату.

– Это не плата, – возразил Гарреш, открывая дверь. – Это подарок.

Я взяла вещицу в руки. Небольшой, с полпальца длиной гладкий камешек угольно-черного цвета, на простой цепочке. На вид – обычная речная галька, а на самом деле... А на самом деле – непонятно. Я знала, что обычных подарков драконы не делают (не считая тех случаев, когда осыпают драгоценностями понравившихся девиц), а потому к камешку стоило относиться с уважением, по крайней мере до тех пор, пока я не пойму, что это такое и для чего оно предназначено...

...Несколькими днями позже я прогуливалась по дворцовому парку. Мне назначила встречу одна из придворных дам, собиралась нанять меня для какой-то ерунды, при этом за хорошие деньги, но на свидание не явилась. Видимо, решила, что выследить, к какой красотке таскается ее муж, дешевле станет с помощью парочки наемников. Не пришла так не пришла, я прошла по аллее, заглянула в пруд, где летом плавали лебеди, отметила, что его давно пора чистить, иначе вскоре лебеди будут шлепать по болоту, и совсем было собралась идти к выходу, как сзади послышался громкий топот. Кто-то очень торопился мне вдогонку, и я любезно решила подождать и посмотреть, кому не терпится меня увидеть. Вряд ли придворная дама стала бы так топтать, стало быть, это мужчина. Интересно, кто именно?

Это оказался мой знакомый лейтенант. Видимо, Его величество все же сжалился и решил не разжаловать мальчишку в простые солдаты, или же знатные родственники замолвили за него словечко. Хотя... при взгляде на лейтенанта и мысли не возникнет, будто у него могут оказаться знатные родственники! Сравнить хотя бы с другими молодыми гвардейцами: форма формой, от нее никуда не денешься, но – рубашки из тончайшей дорогой материи, шпаги от знаменитых оружейников, до блеска вычищенные сапоги из лучшей кожи... Этот же определенно жил только на собственное жалованье. Не могу сказать, что он был неопрятен или плохо одет, нет, скорее наоборот, он был подтянут, очень аккуратен, но это была истовая аккуратность, свойственная бедным. Отчего-то угадывалось, что даже шпага у него не фамильная, а казенная, а за душой ни гроша. Младший сын в большой и бедной семье? Связей хватило, чтобы пристроить мальчишку в гвардию, но содержать его уже не получается? Должно быть, он еще бо́льшую часть жалованья отправляет домой... Да, пожалуй, так и есть.

– Г-госпожа Нарен!.. – выпалил лейтенант, добежав до меня.

– Война началась? – спросила я. Облако дыма достигло мальчишки, и он закашлялся. Мерзавец этакий, ведь это лучший карис, какой только можно купить в Арастене! Контрабандный, между прочим... – Или короля убили?

– Почему вы так решили? – изумился он.

– А зачем иначе вы за мной бежали? – подняла я бровь. – Вероятно, чтобы вызвать во дворец по срочному делу. Или вы не за мной бежали?

– За вами... – Лейтенант заметно покраснел. – Госпожа Нарен, я хотел вам сказать... в общем... – Я терпеливо ждала. Лейтенант наконец перестал мямлить и, посмотрев мне в лицо, неожиданно зло выпалил: – Вы знаете, что того солдата повесили?

– Какого еще солдата? – без особого интереса спросила я, глядя на него в упор.

– Того, что закричал тогда в горах... – Лейтенант сглотнул. Очевидно, он собирался сказать мне много всего, возможно, даже отрепетировал речь, но под моим немигающим взглядом явно ее позабыл. – Когда скала обвалилась...

– Ах, этого... – Я посмотрела на холодное серое небо. Интересно, настоящая зима в этом году собирается наступать или нет? – И при чем здесь я?

– Но... – Лейтенант потерял дар речи. Вероятно, он ожидал, что я буду скорбеть вместе с ним. – Неужели вы... вам... все равно?!

– Если вы считаете, что мне должно быть его жаль, то вы ошиблись, – холодно произнесла я. Пожалуй, мне в самом деле было чуточку жаль бедолагу, попавшего под горячую руку – вероятно, это король Никкей настоял на казни, Арнелий, как я уже говорила, отходчив, да и не его ведь дочь погибла, – вот только в свете того, что поведал мне Гарреш, судьба одного солдата не представлялась чем-то особенно значительным. Пусть на этом Никкей и успокоится и не станет докапываться до сути... – Вы бы лучше порадовались, что не болтаетесь рядом с ним.

Лейтенант побелел так, что стали видны все его веснушки. Интересно, а как поведет себя это тепличное создание в бою, если вдруг война случится?

– Вы... вы... – выговорил он онемевшими губами. – Вы чудовище!..

На мгновение повисла тишина. Вероятно, мальчишка ожидал, что я испепелю его на месте, но я не собиралась оправдывать его ожиданий.

– Лейтенант, я не превращу вас за эти слова в жабу только по одной причине, – произнесла я сухо. – Вы умрете с голоду – вам ведь будет жаль ловить комаров. Постарайтесь больше не попадаться мне на глаза. Второй раз я могу и не сдержаться.

Я неторопливо зашагала дальше по аллее, чувствуя спиной взгляд лейтенанта. Похоже, у меня прибавилось врагов. Впрочем, одним больше, одним меньше – особого значения уже не имеет.

С той придворной дамой я все же встретилась: она, бедняжка, заплутала в парке – это настоящий лабиринт. А поскольку провожатых она, по понятным причинам, с собой не взяла, то и вывести ее на нужную аллею было некому. Столкнулись мы совершенно случайно, чему дама весьма обрадовалась, а я не слишком. Впрочем, услышав, зачем дама хочет меня нанять, я немного развеселилась. Оказывается, проследить нужно было вовсе не за мужем дамы («Я и так знаю, к кому он таскается», – заявила стареющая красотка), а за одним из ее любовников, которого дама, несмотря на все свои старания, выследить ни самолично, ни с помощью наперсниц не могла. Сей достойный юноша, по ее словам, проявлял просто-таки сверхъестественные способности к маскировке и уходу от слежки. Дама подозревала, что тут дело не обошлось без магии, потому и обратилась ко мне. И так далее, и так далее... Платила она щедро, а я не гнушаюсь даже такими мелочами, когда нет более крупных заказов.

Это поручение я, к слову сказать, выполнила. Как выяснилось, все было проще простого, никакой магией там и не пахло. Ушлый молодой человек переодевал в свое платье доверенного слугу, схожего с ним ростом и фигурой, а тот, выросший на городских улицах и знающий каждый закоулок, легко уходил от дилетантской слежки. Сам же юноша, избавившись от пристального внимания престарелой красотки, тем временем навещал ее старшую дочь. Скандал в благородном семействе разразился оглушительный, но в конце концов все устроилось к обоюдному удовольствию: молодого человека женили на обещанной девице (он не возражал, ибо за ней давали солидное приданое, и кроме того, семья, в которую он вошел, была много знатнее его собственной), а ее матушка утешилась обществом троих оставшихся у нее кавалеров.

Впрочем, меня это уже мало занимало. После этого заказа я получила еще несколько и, как обычно, с головой погрузилась в работу.

Безутешный король Никкей тем временем отбыл к себе на родину, в сопредельную Стальвию, после чего все во дворце вздохнуло с облегчением: принимать августейшего собрата, невзирая на траур, следовало пышно, а наш Арнелий тратиться попусту не любил, вследствие чего в последнее время пребывал в дурном настроении. Теперь же все мало-помалу входило в привычную колею...

Глава 2

Моя крепость

Ранним холодным утром я завтракала перед тем, как отбыть на место очередного преступления, совершенного на окраине города, и слушала болтовню Лельи. В неверном свете двух свечей ее рыжие волосы казались золотыми, а милое курносое личико выглядело неожиданно взрослым и таинственным.

– Что-что? – услышала я вдруг нечто, показавшееся мне любопытным. – Повтори-ка, что ты сказала?

– Ой, Фло, да чепуха... – попробовала было увильнуть Лелья, но тут же сдалась: – Господин Саврин с нашей улицы, ну, младший сын купца Саврина, мне предложение сделал... говорит, выкуплю тебя у хозяйки и женюсь на тебе...

– А отец свою палку об его спину после этого не обломает? – хмыкнула я. – Или, вероятнее, до этого, как только прослышит о деточкиных забавах.

– Не-ет! – Лелья подняла на меня по-детски круглые голубые глазищи. – Отец его любит, он старших троих женил выгодно, а младшему все позволяет...

– Полагаю, жениться на тебе младший Саврин не собирается, – холодно сказала я. – Позабавится с годик, потом ты ему надоешь, и он продаст тебя следующему хозяину, только и всего. Впрочем, я в любом случае тебя продавать не собираюсь, и довольно об этом.

– Я так и подумала, Фло! – Лелья завладела моей рукой и прижала ее к нежной щеке. – Ты меня никому не отдашь?

– Никому, – подтвердила я, взъерошив ее роскошные кудри. – А с младшим Саврином я побеседую, чтобы перестал глупости городить. Кстати, может, еще кто тебе предложения делал?

– Делали... – заметно покраснела Лелья. – Только уж жениться не обещали и выкупить тоже. Просто говорили, мол, пойдем со мной, а уж денег сулили...

– Хм... – произнесла я. Однако... вот вам и приличная улица! Впрочем, что уж тут, Лелья выросла красавицей, а почтенные купцы – тоже мужчины, которым, думаю, надоели постаревшие и подурневшие жены и которых потянуло на юную необычную красоту. А что уж говорить о купеческих сынках, которые никогда ни в чем не знали отказа! – Вот что, Лелья. Одна чтобы больше на улицу носа не казала. Если на рынок – то с Римой, а лучше Дима с собой берите. Заодно покупки донесет. А то знаю я этих купчиков...

– Ты обо мне беспокоишься?.. – удивленно спросила Лелья, глядя на меня снизу вверх.

– Конечно, – усмехнулась я. – Попортят ведь такую красоту, охальники. Все, мне пора. Не жди меня, не знаю, когда вернусь.

– Возвращайся скорей! – жалобно попросила Лелья. – Без тебя скучно...

Я вышла, ничего не ответив. Можно подумать, со мной весело! Когда я не занята делом и не принимаю посетителей, я чаще всего или размышляю, глядя в потолок и дымя трубкой, или читаю, или просто сплю – бывает, что на сон у меня времени вовсе не остается, так что приходится отсыпаться впрок. На пустопорожние разговоры у меня нет ни времени, ни желания, да и о чем можно разговаривать с Лельей? Она в жизни ничего не видела, кроме моего дома и пары окрестных улиц, даже невольничий рынок и родной остров она почти не помнит. Ну, перескажет она мне городские новости, и только-то. А я – не стану же я с ней делиться своими идеями по поводу очередного расследования! Да и не поймет она. Славная, конечно, девочка, я к ней привыкла, и за домом она хорошо следит, но и только. А что так ко мне привязана... Ну что ж с того, собаки к хозяевам тоже привязываются, скучают без них, а как хозяин в дом – то-то псу радости! Должно быть, Лельино веселье той же разновидности.

А вот купчин все же стоит предупредить, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них мою Лелью обрюхатит – мне только этого еще и не хватало!..

Некоторое время спустя я вернулась домой глубокой ночью, если не сказать очень ранним утром. И до места, и обратно меня на сей раз отвозил экипаж заказчика, так что будить конюха не пришлось. Я тихо прошла в дом, там тоже царила тишина. Негромко похрапывала в своей комнатухе кухарка Рима, Лелья, наверно, тоже давно спала; я, помнится, говорила, чтобы не ждали меня. Хотя с нее станется полуночничать...

Я поднялась в свою комнату, не зажигая свечей, не спеша переоделась на ночь и начала было расчесывать волосы, как вдруг почувствовала чье-то присутствие.

– Лелья? – негромко спросила я, понимая уже, что это не Лелья, в доме кто-то чужой. Предпринять я ничего не успела, отвлеченная внезапной мыслью – а что с Лельей и где она? Секундой позже сильнейший удар обрушился мне на затылок, а лицо закрыла смоченная чем-то отчаянно вонючим тряпка...

...Очнулась я от холода и от тряски. Меня определенно куда-то везли, причем, судя по тому, как подбрасывало повозку, мы были уже не на тщательно замощенных улицах Заречья, а где-то на окраинах. Однако... долго же я провалялась без сознания!

Обнаруживать перед своими похитителями тот факт, что я пришла в себя, я, конечно, не стала. Раз уж попалась по-глупому, теперь придется выкручиваться... Не меняя ритма дыхания, не дав даже реснице лишний раз дрогнуть, – чему-чему, а управлению собственным телом хороший маг учится раньше, чем читать и писать, – я прислушалась к своим ощущениям. Затылок ноет, это естественно, после такого-то удара. Подташнивает – очевидно, из-за той вонючей дряни. Просто оглушить меня похитителям показалось мало, решили подстраховаться каким-то дурманящим составом, сейчас уже не важно, каким именно. Руки связаны так, что даже пальцем не пошевелить. Похоже, кисти рук еще и замотаны чем-то вроде мешковины. Ноги тоже связаны. Во рту кляп, глаза завязаны. Любопытно. Крайне любопытно.

Неизвестные похитители совершили поступок крайне опрометчивый. Похищение судебного мага, более того, умышленное создание угрозы жизни такого мага карается всегда одинаково – немедленной смертью. Таков закон Коллегии магов, и ни один властитель против этого закона не пойдет: настоящих судебных магов очень мало, и они слишком ценны. На моем веку меня не раз пытались убить, но это все были то грабители с большой дороги, понятия не имеющие, кто я такая, то преступники, слишком сильно боявшиеся разоблачения. Наемных убийц, помню, подсылали всего однажды. Заказчиков они выдали на первом же допросе, ну а после их казни таких покушений больше не случалось. Но все это было понятно. А вот то, что сотворили мои похитители, ни в какие ворота не лезло!

Зачем им понадобилось меня похищать? И к тому же предпринимать меры, которые, несомненно, правильны и обоснованы при захвате любого мага? Эти люди не могли не знать, кто я такая, раз уж забрались в мой дом, они знали, что я судебный маг, возможно, слышали о том, что я маг независимый, но... Похоже, ключевым для них в любом случае являлось слово «маг». Тогда все верно. Чтобы лишить классического мага возможности работать, нужно обездвигнуть его руки, да и ноги тоже (хорошо еще, конечности мне просто связали, а не переломали, с них бы случилось), а также как следует заткнуть рот. Увы, классическая магия именно этим и уязвима – магу нужны свободные руки (или хотя бы пальцы) для произведения пассов, а также рот – для произнесения нужных формул, в просторечии именуемых заклинаниями. Так что, по идее, похитители все сделали верно. Но, совершенно очевидно, они не знали, чем независимый маг отличается от мага классического.

Мои размышления прервала резкая остановка: видимо, мы прибыли на место. Кто-то, кряхтя от натуги, попытался вытащить меня из повозки, потерпел неудачу (поднять абсолютно

расслабленное тело, да еще такое увесистое, как мое, задача не из простых даже для сильного мужчины), и за дело принялись уже вдвоем. Меня потащили куда-то вниз, очевидно, в подвал.

– Привезли, – сказал хриплый мужской голос, когда меня без особой осторожности уложили на холодный каменный пол.

– Отлично, – ответил другой голос, моложе и звонче. – Давайте-ка помогите мне.

Кто-то принялся распутывать мне руки. Потом меня снова подняли и, не без натуги удерживая в вертикальном положении (я искренне наслаждалась доставляемыми своим похитителям трудностями), защелкнули на моих запястьях холодные металлические браслеты. Хорошо хоть догадались не разматывать кисти рук, олухи... Висеть на руках, да еще когда кандалы впиваются в кожу, было больно и неудобно, поэтому я решила, что пора приходить в себя.

– Смотри-ка, оклемалась! – удивленно произнес уже знакомый хриплый голос, и с моих глаз сдернули повязку, выдрав при этом изрядный клочок неприбранных волос. – Сильна баба!

– Заткнись и выйди за дверь. Посторожи там, – велел второй голос. Чуть повернув голову, я увидела поразительно знакомое лицо. Вот только вспомнить бы теперь, где именно я его видела. И ведь неоднократно встречала этого по-военному подтянутого молодого человека...

Впрочем, не столь интересно, где я его встречала. Куда более важно, в каком положении я нахожусь. Что ж... Фактически распята на каменной стене, спине, между прочим, холодно, а кисти рук уже онемели. Бывало и хуже...

– Теперь вы все нам расскажете, – вежливо произнес молодой человек. – Все, как было на самом деле, без утайки.

Я поглядела на него, как на умалишенного, и, если бы могла, покрутила бы пальцем у виска. Интересно, как он предполагает, я должна все рассказать, если у меня во рту кляп?

Видимо, понял это и второй мужчина, обладатель хриплого голоса, все никак не могущий собраться выйти за дверь (видимо, его снедало любопытство), потому что тронул за рукав своего командира – сразу чувствовалось, что, несмотря на молодость, именно этот парень тут главный, – и указал на злосчастный кляп.

– Но если его вынуть, она же сможет колдовать, – обескураженно произнес молодой человек. К такому повороту событий он явно не был готов. Что поделать, искусство допрашивать магов дано не каждому. Этому, знаете ли, тоже нужно учиться, долго и упорно. Подобные мастера есть только у Коллегии – теоретически, во всяком случае, – и ценятся они не менее судебных магов.

– Ну, чтобы произнести заклинание, ей потребуется время, – вступил третий персонаж, выглядящий столь же молодо, как и главарь этой шайки. – Мы успеем среагировать. Потом я точно знаю, что простые словесные заклинания обычно не очень действенны, магам нужна помощь рук, а руками она двигать не может.

– Ну ладно, – нехотя согласился главарь и вытащил у меня изо рта скомканную тряпку, после чего послал обладателю хриплого голоса свирепый взгляд. Тот, поняв, видимо, что при нем больше ничего интересного сказано не будет, покорно отправился вверх по лестнице – я услышала, как хлопнула дверь.

Первое, что я сделала, – это от души плюнула на пол, стараясь избавиться от гадкого привкуса грязной материи во рту, и только потом угрюмо спросила:

– Молодые люди, вы хотя бы понимаете, что сотворили?

– Прекрасно понимаем, можете быть уверены, – сказал главарь.

– Вы знаете, что полагается за покушение на судебного мага? – поинтересовалась я.

– Знаем, – кивнул главарь. – Вот как раз об этом мы прекрасно осведомлены, так что давайте не будем больше отвлекаться. Нам нужно получить от вас вполне конкретные сведения, только и всего.

– Ну а после этого, надо полагать, вы меня отпустите, – хмыкнула я.

– Вы же не столь наивны, чтобы в это поверить, даже если мы пообещаем, – сказал главарь. – Мы ведь не самоубийцы. Но если вы расскажете все добровольно, я обещаю, что вы умрете быстро. Если же нет... ну что ж... Стены тут толстые. Никто ничего не услышит.

– Весьма любопытно, – усмехнулась я, пытаясь слуть со лба прядь волос. – И что же это за сведения такие, ради которых вы рискнули напасть на меня в моем собственном доме?

– Мы хотим знать, как на самом деле погибла принцесса Майрин, – негромко произнес другой юноша, сделав шаг вперед. – Вы должны рассказать нам. Вы наверняка это знаете, но по каким-то причинам предпочли скрыть эти сведения.

– Ах вот оно что... – протянула я. Ну конечно, вот где я видела этих мальчишек – в свите короля Никкея! Военную выправку не скроешь, даже сняв мундир. Должно быть, это молодые офицеры, которые, как водится, были по уши влюблены в погибшую принцессу. Но какими же надо быть идиотами, чтобы учинить эдакое безобразие! – А Его величество Никкей знает, как в свободное время развлекаются офицеры его гвардии?

– Король ничего не знает! – грубо оборвал главарь. – Это наше личное дело!

Как бы не так! Ни за что не поверю, будто парочка несчастных влюбленных при поддержке какого-то головореза пошла на подобное преступление, просто чтобы выведать, как умерла принцесса Майрин. Нет, за ними определенно кто-то стоит, глупых щенков умело науськали, но вот кто? И зачем? Впрочем, думаю, вскоре они сами мне об этом расскажут.

– Говори, – велел этот самонадеянный мальчишка, поднося к моим глазам острый нож. – Лучше говори по-хорошему, слышишь, ты, ведьма?!

«За «ведьму» тебе дополнительная оплеуха», – мысленно пообещала я. Додумался тоже... Назвать судебного мага ведьмой! Это надо вовсе никакого соображения не иметь...

Острое лезвие коснулось моей шеи, пореза я не почувствовала, но кожу защекотали капли крови. Ерунда какая, он что, вздумал меня этим запугать? Ладно. Пора заканчивать с этим балаганом и устроить настоящий разговор по душам...

В словосочетании «независимый судебный маг» ключевым, как ни странно, является слово «независимый». Оно обозначает не только и не столько нашу независимость от любых властей. О нет, все несколько сложнее! Мы не зависим не только от королей и прочих властителей, но и от той самой составляющей классической магии, которая делает такими уязвимыми ее последователей. Проще говоря, мне нет нужды бормотать заклинания и размахивать руками, чтобы предпринять какие-то действия, например превратить в ржавчину мои оковы. Разумеется, для особенно сложных и опасных заклятий требуются некоторые элементы магии классической, но сейчас я не собиралась применять силы стихий или устраивать землетрясение. Мне нужно было всего-навсего освободиться из оков...

Но в тот самый момент, когда только что плотно охватывавшие мои запястья металлические кольца жалкими струйками ржавой трухи осыпались на пол, произошло нечто, спутавшее все мои планы. Дверь, ведущая в подвал, с грохотом вылетела, и внутрь ворвались двое. Главарь, все еще прижимающий лезвие ножа к моей шее, вздрогнул, наваливаясь на меня всей своей тяжестью, и рухнул на пол: между лопаток у него торчала рукоять метательного ножа, вошедшего в тело чуть не на всю длину лезвия. Второй юноша медленно сползал по стене, пытаясь зажать рану на шее. Кровь хлестала фонтаном, должно быть, еще один брошенный нож зацепил артерию. Через пару секунд с ним все было кончено, а я смогла рассмотреть своих спасителей. То, что это именно спасители, я поняла, как только взглянула на первого из вояк.

– Госпожа Нарен! – воскликнул он. – Вы... с вами все в порядке?

– Несомненно, – ответила я, сдирая с рук щедро намотанные тряпки. – Чего не скажешь об этих бедолагах... Я, конечно, очень признательна вам за вмешательство, однако, лейтенант, вы в рвении своем лишили меня возможности доверительно побеседовать с этими двумя господами, ныне, увы, покойными.

Лейтенант – а это, как нетрудно догадаться, был именно тот самый мальчишка, который сопровождал меня в моем путешествии в горы, – смешался. Очевидно, он рассчитывал предстать героем, спасшим юную деву. Увы, я мало того что давно не дева, так еще и далеко не юная, да и со спасением своим вполне справилась бы сама.

К несчастью, бросать остро отточенные железки лейтенант умел отлично – оба моих похитителя были мертвы окончательно и бесповоротно. Надо полагать, третьего их поделника, стоявшего на страже, постигла та же печальная участь. Хм... как любопытно: я была уверена, что у лейтенанта нервная организация певчей птички, однако же при виде мертвецов – причем, прошу заметить, собственноручно убитых, – в обморок он не валится, да и рвотных позывов явно не испытывает. Неужто это у него не первые... «клиенты»? Вот уж никогда бы не подумала...

– Г-госпожа Нарен, – выдавил было лейтенант, но я, отстранив его, уже направлялась вверх по лестнице. Так и есть, третий мужчина тоже мертв. – Но кто это был? Зачем они похитили вас?

– Лейтенант! – Я остановилась и посмотрела на него через плечо. – Я же ясно вам сказала – благодаря вашей прыти я не успела этого выяснить. Вернее, я знаю, и кто они такие, и чего от меня хотели – они, видите ли, любезно сообщили мне об этом, – но и только.

– Разве этого мало? – Мальчишка дерзко уставился на меня снизу вверх.

– Представьте себе, да, – ответила я, выходя на улицу.

Так и есть, Старый город, самая окраина, какой-то заброшенный дом. Рассвет только-только занимался – что поделывать, поздняя осень, светает поздно...

В задумчивости я перешла на другую сторону улицы, повернулась, посмотрела на дом еще раз. Нет. Что-то здесь не так... Кто отправил этих молодых глупцов за мной? Зачем потребовалось выяснять истинные обстоятельства смерти сталинской принцессы? И кому? Охотно верю, что не самому королю Никкею, но, вероятно, кому-то из его ближайшего окружения. И что же, этот кто-то не знал отличия независимого мага от классического? Или он намеренно не сообщил об этом различии своим исполнителям? Очень странно. Проще всего, конечно, было поверить, что мальчишки устроили все это по собственной глупости, но я привыкла доверять своей интуиции, без которой хорошему магу никуда, а та в голос кричала, что дело нечисто. Возможно, меня просто предупредили? Пока предупредили... Вот только о чем? Сплошные загадки!

Ну что ж... На то и существуют загадки, чтобы можно было искать к ним разгадки, и я докопаюсь до истины. Тем более что это дело непосредственно касается моей драгоценной особы.

– Госпожа Нарен, – негромко произнес рядом голос лейтенанта. – Так все же... кто это был?

– Молодые идиоты вроде вас, – охотно ответила я. Смерила взглядом спутника лейтенанта, пожилого, но крепкого капрала, скалой возвышавшегося за спиной мальчишки. – Капрал, у вас закурить не найдется?

– Найдется, как не найтись, – поспешил заверить тот. – Только... госпожа... у нас, того, карис из дешевых...

– Все равно, – махнула я рукой и тут же получила ловко свернутую самокрутку. Огонек привычно вспыхнул сам собой, и я глубоко затянулась солдатским горлодером.

– Я обязан доложить своему командованию, – заявил лейтенант, что-то обмозговав: на лице его отражалась усиленная работа мысли.

– О чем? – удивилась я.

– О нападении на вас, – еще больше удивился лейтенант. – В конце концов, есть доказательства – тела этих троих. И... госпожа Нарен, я вспомнил, где видел одного – он был в свите Его величества Никкея...

– Вот именно, – сказала я резко. – Именно поэтому вы никому ни о чем не будете докладывать. И доказательств никаких нет.

– Почему нет, а как же... – начал было лейтенант, но я жестом велела ему замолчать, с удовольствием затянувшись еще раз.

Искра сорвалась с догорающей самокрутки, канула в темноту. Я на мгновение сосредоточилась. А еще через секунду покинутый нами дом вспыхнул жарким и страшным пламенем, от которого крошился камень стен, а уж от тел не должно было остаться даже пепла.

– Никаких доказательств, – удовлетворенно произнесла я. – Вам ясно, лейтенант?

– Но... – не успокаивался он.

– Мне странно, что я должна объяснять вам такие вещи, – сказала я. – Лейтенант, вам так хочется поучаствовать в военных действиях? Могу вас заверить, это очень скучное занятие.

Кажется, до мальчишки стало доходить. Если подданные одного короля, более того, его офицеры, покушаются на жизнь судебного мага, находящегося под покровительством другого короля, это отличный повод для развязывания военных действий. Никто никогда не поверит, что эти глупцы пошли на такое из-за несчастной любви к принцессе Майрин. Люди скорее поверят, что они сделали это по заданию своего повелителя, дабы осложнить жизнь августейшему соседу. Хм... а не было как раз это целью неизвестного пока подстрекателя? Версия не хуже прочих, стоит ее запомнить! Выходит, я поломала ему игру, уничтожив все улики. Тоже неплохо.

– Кстати, лейтенант, а как вы тут оказались? – довольно дружелюбно осведомилась я.

Тот встрепенулся, очнулся от тяжких дум, кажется, только теперь заметил, что на мне надета одна лишь сорочка, едва прикрывающая колени (а на дворе, между прочим, осень, и прехолодная), и бросился сдирать с себя форменную куртку.

– Бросьте, – лениво сказала я. – Во-первых, мне не холодно, во-вторых, ваш мундир на меня не налезет.

Капрал оказался расторопнее своего командира, накинул мне на плечи свою куртку. Я поблагодарила, мысленно усмехнувшись, – ноги-то все равно остались босыми. Ну да ничего, я в самом деле способна не чувствовать холода, для этого даже усилий особых не требуется.

– Так как вы тут оказались? – повторила я вопрос.

– Я... – Лейтенант выдохнул, как перед прыжком в воду. – Я следил за вами, госпожа Нарен...

– Зачем? – поразила я.

– Я... – Лейтенант выразительно посмотрел на капрала, и тот, повинувшись молчаливому указанию, отошел подальше, чтобы не слышать нашего разговора. – Тогда в парке... вы говорили ужасные вещи, и я...

– Вы решили последить за мной и убедиться, что я не только говорю «ужасные вещи», но и в целом представляю собой кошмарное создание, – закончила я.

– Нет... – Лейтенант смотрел в землю. – Все не так... Я все думал – про ту скалу. А потом я увидел... я за вами следил и видел, что вы можете делать – вот как сейчас!

– Лейтенант, вы не могли бы выразаться более связно? – попросила я. – Я с трудом слежу за полетом вашей мысли.

– Да... – Мальчишка слегка покраснел, но собрался с духом и почти перестал запиняться. – Я понял, что вы можете делать разные вещи... ну, колдовать, но не как королевские маги. Вы... ведь это вы сейчас подожгли дом?

– Конечно, я, – подтвердила я. – Не думаете же вы, будто эта рухлядь вспыхнула сама по себе, да так удачно, что ни один из соседних домов не загорелся, а на улицу до сих пор никто носа не высунул и не заблажил на весь город о пожаре?

– Ну вот... – Лейтенант взглянул мне в лицо. – И ту скалу над пещерой тоже обрушили вы!

– Потрясающая логика! – усмехнулась я. – Мой наставник был бы в восторге: из того, что я могу сжечь дом, следует, что скалу тоже обрушила я. Но ладно, лейтенант, не буду вас мучить. Вы правы.

– Но зачем? – На лице мальчишки читалось такое мучительное желание понять, что я сжалась.

– Лейтенант, вы поверите, что я это сделала из сострадания? – спросила я медленно. Не поверит. Ну что ж...

– Из сострадания? К кому? – удивился он и вдруг хлопнул девически длинными ресницами. – Вы хотите сказать, чтобы не... чтобы они остались... вместе?

– Вы просто поразительно догадливы, – хмыкнула я. – Именно так. А впоследствии выяснились еще кое-какие обстоятельства, знать о которых вам не положено, но которые только убедили меня в правильности выбранного решения. И еще, лейтенант. Раз уж вам так дорог был тот повешенный солдат... Могу вас заверить – такое развитие событий в мои планы не входило.

– Я уже понял... – мрачно ответил он. – Это Его величество Никкей настоял... Я непозволительно вел себя тогда, госпожа Нарен. Я приношу свои извинения.

– Считайте, что я их приняла, – вздохнула я. Внезапно меня осенило: – А скажите-ка, лейтенант... Кстати, напомните, как вас зовут?

Обычно я не жалуюсь на память, но фамилия лейтенанта начисто вылетела у меня из головы, что и неудивительно – меня ведь по ней били. Я помнила только, что звучит эта фамилия как-то по-дурацки.

– Лауринь, – ответил он. – Лейтенант Лауринь к вашим услугам, госпожа Нарен.

«Точно, дурацкая фамилия», – подумала я, вслух же продолжила:

– Вы говорите, что следили за мной. Вы ничего подозрительного не заметили?

– В каком роде подозрительного? – не понял он. Все ясно, что с него взять – он все-таки младший офицер королевской гвардии, а не профессиональный сыщик. Даже если он что-то видел, то все равно не понял, что именно увидел.

– Ну, скажем, не таскался ли за мной еще кто-нибудь, помимо вас, – терпеливо пояснила я. – Не толкся ли возле моего дома подозрительный одноглазый тип с фальшивой бородой и на костылях...

– Нет, ничего такого я... – начал было Лауринь, не уловив иронии, но вдруг осекся: – Я... я не знаю, насколько это важно, но...

– Ну, говорите уже, что вы мямлите! – Я начала сердиться.

– Красивая девушка, которая живет в вашем доме... – Глаза лейтенанта на мгновение подернулись мечтательной дымкой. – Когда она выходила из дому, наверно, на рынок – она возвращалась с корзиной... Я два раза видел, что к ней подходил один и тот же мужчина и они подолгу с ним разговаривали.

– Опишите-ка мне его, – велела я. Скорее всего, Лауринь видел младшего Саврина или еще кого-то из купцов с нашей улицы.

Однако по мере того как лейтенант описывал внешность загадочного незнакомца, я все больше убеждалась – это не Саврин и не кто-то иной из купцов. Совершенно незнакомый человек – Лауринь описал его очень подробно. Я, кстати сказать, была приятно удивлена: у мальчишки оказалась превосходная зрительная память, да и в наблюдательности ему нельзя было отказать. К тому же он умудрился следить за мной так, что я его не заметила, а это дорогого стоит. Вот если бы только слова из него не приходилось вытаскивать, словно клещами!

«Впрочем, что это я!» – спохватилась я. Последний разум отшибло! Какой же это «совершенно незнакомый человек»? Это тот, третий из моих похитителей, с хрипатым голосом! Тогда все сходится. Видимо, он пытался вызнать у Лельи о моих привычках, когда я возвращаюсь, кто еще живет в доме...

Стоп! По спине побежали ледяные мурашки, и я невольно поежилась. Как эти люди попали в дом? Так просто забраться к нам невозможно – я установила кое-какую защиту от непрошенных посетителей. Для моих домочадцев эта защита не помеха, она настроена так, чтобы пропускать своих. Или тех, кого они приведут с собой по доброй воле.

Вот, значит, как... Кто-то из троих, живущих в доме, впустил моих похитителей. Кто именно? Конюх Дим? Вряд ли. Он и в доме-то дальше кухни не бывает, живет в комнатухе над конюшней, ему лишь бы возиться с лошадьми. Если честно, на голову он слабоват, и каких-то интриг от бедолаги ждать просто глупо. Кухарка Рима? Возможно, но маловероятно. Зачем это ей? Что такого ей могли посулить? Рима вредная старуха, с ней даже дед мой не спорит, но она хоть и ворчит непрестанно, хорошо ко мне относится. По сравнению с прежними ее хозяевами я, должно быть, в самом деле чудесное создание. Рима уже немолода, лишись она хозяйки, ее ждет в лучшем случае работа посудомойкой в какой-нибудь дрянной харчевне – никто не купит старую кухарку с дурным характером, если мое имущество пойдет с молотка. Нет, Риме не было смысла делать этого. К тому же она подозрительна и довольно умна, и о любой попытке узнать что-то обо мне тут же бы мне и рассказала.

Остается Лелья. Моя маленькая красавица Лелья...

– Лейтенант, – сказала я сквозь зубы. – Вы ведь наверняка прибыли сюда верхом?

– Да, госпожа Нарен, – охотно откликнулся он.

– Приведите мне лошадь, – велела я. – Вы поедете со мной. Капрал, я полагаю, вы сможете добраться до казарм пешком?

– Да зачем же, госпожа Нарен? – ответил тот. – Я из повозки лошадку выпряг, не пропадать же ей, уж как-нибудь дотрюхаю и без седла...

– Тем лучше, – кивнула я. – Едем.

Лейтенант уставился на меня, приоткрыв рот, когда я взлетела в седло рослого каурого мерина ресской породы, принадлежавшего капралу. Полагаю, столбняк у него вызвало не мое мастерство наездницы, а бесстыдно задравшаяся сорочка. Лично мне до этого дела не было, кожа – она и есть кожа, что на руках, что на ляжках, но Лауринь, очевидно, отличался редким для гвардейца благонравием. Чтобы не смущать его лицезрением моих голых ног, я позволила лейтенанту ехать впереди, вслед за ним отправила капрала, а сама предалась размышлениям.

...Что ей пообещали? Лелья, так трогательно и преданно любившая меня, впустила в дом моих похитителей. Да что там, убийц! Может быть, ее запугали, пригрозили чем-то? Нет, не выходит, защита не пропустила бы их в дом в этом случае. Лелья добровольно должна была привести их с собой и, должно быть, еще и опоить чем-то Дима и Риму – у кухарки чуткий сон, она проснулась бы, услышав чужие шаги, а шум им был ни к чему...

За этими мыслями я сама не заметила, как мы добрались до моего дома. Хорошо, заранее сообразила набросить на нашу колоритную троицу несложное заклятие, отводящее глаза, – на улице уже народ появился, не хватало еще, чтобы таращились.

Калитка была не заперта, дверь дома тоже оказалась открытой. Сделав обоим гвардейцам знак не шуметь, я поднялась по ступенькам крыльца и вошла в прихожую. Из комнатухи Римы доносилось мерное сопение. Точно, какое-то сонное зелье, обычно кухарка поднимается ни свет ни заря...

Я бесшумно поднялась по лестнице на второй этаж. За мной шли, отчаянно стараясь не топтать, гвардейцы.

Я услышала негромкое мурлыканье – так Лелья всегда напевала за работой. Правда, на этот раз она не прибиралась в моей комнате – прихорашивалась перед зеркалом, примеряла какие-то побрякушки, поднимала волосы на висках то так, то этак. Из одежды на ней было одно тоненькое нижнее платье, не скрывавшее соблазнительной фигурки. За моей спиной Лауринь невольно перевел дыхание.

Услышав посторонний звук, Лелья стремительно повернулась... и выронила все, что держала в руках, увидев меня.

– Фло! – просияла она улыбкой, но я чувствовала, что ей страшно. – Ты вернулась, Фло!.. А кто эти люди, твои гости? Я приготовлю завтрак, Рима плохо себя чувствует, и...

Я молча продолжала смотреть на нее. Лелья плохо играла. Узрев меня в таком виде (я мельком бросила взгляд в зеркало): мятая и испачканная ночная сорочка, на плечах форменная гвардейская куртка, ноги босые и довольно грязные, спутанные волосы распущены и окутывают меня, будто плащом, – Лелья должна была взвизгнуть, охнуть, запричитать и пуститься в расспросы, а не вести себя как ни в чем не бывало. Но все-таки она была достаточно хорошей актрисой, чтобы обманывать меня все эти годы!

– Что тебе пообещали? – спросила я прямо. – Деньги? Драгоценности? Что?

Лелья наконец-то посмотрела мне в глаза, и я поразились тому, какая злоба полыхала в этих совсем недавно таких ласковых голубых глазах.

– Мне пообещали свободу, Фло, – тихо произнесла она, и не подумав отпираться или оправдываться. – Свободу! Сказали, что с тобой ничего плохого не случится, с тобой только поговорят, а я смогу уйти! Они меня увезут в другой город, в другую страну! – Лелья сглотнула и продолжала: – Я бы ушла из этого мрачного дома, понимаешь? Я бы... я бы... да куда угодно, с кем угодно, только б выбраться из этого склепа!.. Я жить хочу, Фло, мужчин любить, красивых, щедрых... только тебе этого не понять, ты же каменная!

Ах вот оно что... Ну конечно, как же я сразу не догадалась! Моя маленькая дикарка мечтала вырваться на свободу, а я не поняла ее намеков. Она была вовсе не глупа, она рассчитывала, что, возможно, я расчувствуюсь и дам ей вольную, то-то она поговаривала о предложениях, которые делают ей состоятельные мужчины! Лелья осознала свою привлекательность, поняла, что ее красота способна принести ей большие, очень большие выгоды... Тот, кто купил ее на обещание свободы, хорошо подготовился.

– Вот, значит, как, – сказала я негромко.

«Я ведь тебе доверяла, Лелья... – пронеслось в голове. – Ты была для меня чем-то большим, чем просто служанка, красивая рабыня. Но ты меня предала, моя рыжая красавица, а предательства я не прощу никогда. Особенно тебе».

Я сделала еще один шаг вперед и коротко, наотмашь, ударила Лелью по щеке. Девчонка отлетела в угол, неуклюже села на пол, платье задралось выше колен, только Лауринь уже не вздыхал. По-моему, он вообще дышать боялся.

– Значит, тебе захотелось любить мужчин? – спросила я. – Красивых, щедрых? Что ж, я исполню твое желание, это несложно. Капрал!

– Да, госпожа Нарен! – Капрал протиснулся мимо лейтенанта и вытянулся передо мной. Кажется, у него даже тени сомнения не возникло в том, что я имею право ему приказывать.

– Возьмите эту девицу, – кивнула я на Лелью. – Хотя я сомневаюсь, что ее можно так называть... Так вот, возьмите ее, отвезите в порт и продайте в какой-нибудь бордель побогаче. Хотите, торгуйтесь, хотите – даром отдайте. Что заплатят – все ваше. Можете хоть нищим раздать, хоть пропить, мне все равно. Выполняйте.

– Как прикажете, госпожа Нарен, – произнес изрядно огорошенный капрал и двинулся было вперед, но тут вмешался, набравшись храбрости, лейтенант:

– Госпожа Нарен, позвольте, я сам...

– Не позволю, – отрезала я. – Стойте, где стоите, лейтенант, лично вас никто ни о чем не просил.

Капрал, сочувственно покосившись на свое лопоухое начальство, прошел вперед, легко поднял Лелью на ноги.

– Ну, пошли, красавица! Пошли, пошли...

Лелья вывернулась, метнулась ко мне, хотела схватить за руку – я отшатнулась, как от заразной.

– Фло!.. – выкрикнула она. – Фло, не надо!.. Не делай этого, Фло!

– Уведите ее, капрал, – устало велела я. – Мне надоел этот балаган.

– Госпожа Нарен! – как всегда вовремя, встрял Лауринь. – Может быть, не надо? Вы же видите, она раскаивается, и...

– Лейтенант, не надо указывать мне, как поступать с моей собственностью, – холодно сказала я. – Капрал, почему вы все еще здесь?

– Это жестоко! – выпалил Лауринь, уставившись на меня. Глаза у него, как выяснилось, были темно-серые, в пушистых длинных ресницах. И чудовищно наивные. Кошмар, просто кошмар...

– Почему? – поинтересовалась я, открывая шкафчик и доставая оттуда пузатую бутылку зеленого стекла. Вопли Лельи раздавались уже с улицы, соседи, надо думать, наслаждались бесплатным представлением. – Ей хотелось жить весело, любить красивых, щедрых мужчин... Теперь всего этого у нее будет в избытке: и веселья, и мужчин. Не ручаюсь, правда, что все будут красивыми, но наверняка щедрыми. В этих портовых борделях такие расценки...

– Но она же хотела свободы... – пробормотал Лауринь. – Того же, только чтобы быть свободной, чтобы самой выбирать...

– Хорошо потрудится – выкупится на волю, тогда и будет выбирать, – отрезала я, хлебнув прямо из горлышка. – Свободу, лейтенант, надо еще заслужить. Или купить. За все нужно расплачиваться, знаете ли. Лелья решила заплатить предательством, вот и получила то, что заслужила... Хотите?

Будь лейтенант более искушен в философских спорах, он мог бы возразить мне тем, что Лелья не по своей воле потеряла свободу и угодила в рабство, или как-нибудь иначе в том же роде, а я пустилась бы в длинные рассуждения относительно трактовки природы человеческой свободы в разных философских системах. К счастью, возражать лейтенант не стал, с потерян-ным видом взял у меня из рук бутылку, тоже приложился к горлышку, поперхнулся и надолго закашлялся.

– Вы что, никогда орты не пили? – сочувственно поинтересовалась я. Лауринь отчаянно замотал головой. Да, первое знакомство с этим напитком – сильное ощущение. Да и потом – впечатление такое, будто жидкий огонь глотаешь, густой такой и сладкий к тому же.

– Почему вы... – отдышался он наконец. – Почему вы мне не позволили?..

– Да потому, лейтенант, что у вас на лице все написано, – устало вздохнула я. – Вы, я так полагаю, хотели сыграть в благородство. И выпустили бы эту мерзавку, не отходя далеко от моих ворот. А то и, чего доброго, пригласили бы ее пожить у себя – податься-то бедняжке совершенно некуда.

Лейтенант отчаянно покраснел, стало быть, я угадала. Лельины прелести на юношеское воображение Лауриня действовали, пожалуй, чересчур сильно. Да... пожалуй, так и было бы: Лелья устроилась бы ненадолго рядом с очарованным ею мальчишкой, чтобы немедленно покинуть его, как только подвернется более выгодная партия...

– Вы... – выговорил Лауринь наконец. – Вы хоть одеться ей позвольте... холодно же...

– Потерпит, – ответила я. – На новом месте оденут краше прежнего. И довольно о ней, лейтенант. Я больше не желаю слышать об этой дряни. А вы, кстати, можете быть свободны.

– Как вам будет угодно, госпожа Нарен... – Лейтенант направился к двери, но на полпути остановился, обернулся: – И вам... вам ничуть не жаль? На самом деле? Я понимаю, того солдата вам не жалко, он вам чужой был, а она...

Я помолчала, прежде чем ответить.

– Нет, лейтенант, не жаль, – сказала я наконец, отхлебнув еще орты и откинув назад мешающие волосы. Вид у меня сейчас, должно быть, как у одной сумасшедшей попрошайки с

Нового моста, у той тоже волосы длинные, до пояса, густые, только седые, а не черные, и все лицо закрывают. – Ничуть.

Лауринь с потерянным видом ушел, а я все сидела в кресле и разглядывала потолок. Нет, мне в самом деле не было жаль Лелью. Мне было жаль ту девочку, которую я помнила, но эту, новую Лелью, я могла только презирать... как жалкое насекомое. «Ну что ж, – сказала я себе, – интересно, как сложится ее карьера...» И больше уже не думала о ней.

Мысли мои перешли совсем в иное русло. Для начала, мое похищение, вернее, его цель. Версия у меня есть, и версия преотличнейшая. Осталось только выяснить, кому выгодно stráвить два наших государства. Это никуда от меня не денется. Следующее – лейтенант Лауринь. Мальчишка оказался совсем не так глуп, как могло показаться, это раз. Он воспитан на каких-то совершенно безумных идеалах рыцарской чести, а потому непредсказуем – это два. И что прикажете с ним делать? Нет, я была уверена, что о ночном происшествии он никому не расскажет, и капрал тоже промолчит, я успела понять, что без ведома своего командира он шагу не ступит, классический тип преданного служачи. Но приглядывать за ними стоит, так, на всякий случай. Кстати, любопытно, каким это образом он следил за мной столько времени? А как он объяснял свои отлучки? Или что, воинскую дисциплину у нас отменили?..

Последнее обстоятельство разъяснилось очень скоро. Я навела справки, и оказалось, что вот уже без малого месяц лейтенант Лауринь изволит страдать вывихом ноги, коий вывих засвидетельствован лекарем, а потому в казармах не появляется, отлеживается у себя на квартире. Однако в изобретательности парню не откажешь! Интересно, сколько он заплатил лекарю за лжесвидетельство? Может быть, стоит организовать ему настоящий вывих, чтобы поумерил прыть?

От членовредительства несчастного лейтенанта спасло только то, что у меня появилось новое дело, и я вынужденно оставила мысли о своем похищении и о настырном юнце. Впрочем, об осторожности я теперь не забывала, предпочитая лишний раз оглядеться по сторонам.

Глава 3

«Яблони»

Осень плавно перешла в зиму, на редкость снежную и удивительно спокойную. Заняться мне было решительно нечем, складывалось впечатление, что мало-мальски серьезные преступники предпочитают коротать время у теплых очагов и каминов, под пуховыми перинами... у кого они есть, конечно. Мелкими бытовыми преступлениями я не занимаюсь, на то есть сыскное отделение (впрочем, если платят щедро, а мне больше нечего делать, я могу и забыть о принципах). Есть и обычные частные сыщики, к которым вполне могут обратиться люди, по каким-то причинам не желающие идти к королевским сыскарям, но кому не по карману оплатить услуги судебного мага. Если на то пошло, моя клиентура в основном люди богатые и очень богатые, которые могут заплатить как за то, чтобы узнать правду, так и за то, чтобы эта правда никогда не достигла посторонних ушей. Частный сыщик, возможно, и расследует запутанное дело об убийстве или похищении, но, без сомнения, разнесет новости об этом происшествии, сопутствующих обстоятельствах и причастных к делу по всему городу либо продаст их любому заинтересованному лицу. Даже если заплатить за молчание, велика вероятность, что это заинтересованное лицо предложит больше. Есть, конечно, сыщики, придерживающиеся определенного кодекса чести и не разглашающие сведений о своих клиентах, но таких – меньшинство. Поэтому у тех людей, кому есть что терять, доверия к подобным, с позволения сказать, профессионалам никакого. Они предпочитают заплатить в несколько раз больше, но быть уверенными в том, что их имя не будут трепать на каждом углу, а значит, им прямая дорога к судебным магам. А таких в нашей славной столице двое: я и еще один пожилой маг. Вернее, трое, если считать моего отошедшего от дел деда. Так вот, второй действующий маг почти не является моим конкурентом. Он по большей части специализируется на хитроумных кражах и семейных неурядицах, а я, уж так сложилось, занимаюсь в основном убийствами, а также делами, привлечшими внимание Его величества Арнелия, хотя могу взяться и за любое другое. К тому же мой коллега в силу довольно преклонного возраста предпочитает не слишком удаляться от городских стен, в какую-нибудь всеми богами забытую глушь его не заманит даже баснословным гонораром. Я же путешествовать люблю куда сильнее, чем сидеть на одном месте, а потому дома провожу значительно меньше времени, нежели под открытым небом. В любом случае работы обычно хватает нам обоим, и с избытком.

Итак, этой зимой, казалось, жители столицы разом обрели редкостное законопослушание: не было слышно ни о дерзких ограблениях, ни о разбое, не было даже слухов, что какая-то знатная дама наставила мужу рога, не говоря уж о том, чтобы прикончить супруга на пару с любовником. Что происходило в других городах, сказать затрудняюсь, но, судя по тому, что ни одного гонца на взмыленной лошади в столице за всю зиму так и не появилось, то и там не происходило ничего настолько из ряда вон выходящего, что могло бы потребовать вмешательства судебного мага.

С одной стороны, приятно осознавать, что в стране все спокойно, но с другой стороны... мне было просто скучно. От нечего делать я взялась приводить в порядок свои записи о наиболее интересных делах, которые мне доводилось расследовать, но дело сильно не продвинулось. По моему глубокому убеждению, начинать писать мемуары мне было рановато, а просто так в очередной раз переписывать свои куцые заметки не хотелось. Все, что было действительно важно, я помнила и так, а несущественные мелочи и записывать не стоило.

Некоторое время я уделила знакомству с новинками магической науки, для чего несколько дней провела в богатой загородной усадьбе, принадлежащей Коллегии магов. Новинки меня не порадовали: никакого практического применения заклинаниям, помогаю-

щим ускорить рост серого лишайника и вылечить чесотку у крупного рогатого скота, я найти не могла. Конечно, кому-то важно и такое: серый лишайник в переработанном виде используется в медицине, а стоит весьма дорого, так что вовремя получивший патент на заклинание маг-медик, несомненно, быстро обогатится; ну а за второе заклинание щедро заплатят скотоводы. Увы, пристегнуть эти две, вне всякого сомнения, замечательные находки к расследованию преступлений было невозможно. Подавив легкое разочарование, я вернулась домой.

Один из темных зимних вечеров я коротала, сидя с книгой у камина, – от нечего делать я взялась за чтение, очень удачно наткнувшись в одной книжной лавке на сочинения какого-то ловкого пройдохи. Шустрый писака рассказывал о похождениях некоего аристократа, от безделья занимавшегося расследованием преступлений в компании со своим ушлым слугой. Врал автор, конечно, напропалую, щедро населяя страницы романов роковыми красотками, невероятными чудовищами, наводняя повествование леденящими душу тайнами и прочими неперенными атрибутами подобного рода сочинений, но делал это настолько непринужденно и, не побоюсь этого слова, талантливо, что оторваться от книг было решительно невозможно. Вдобавок быстро набирающий популярность автор обладал на редкость живым и образным языком и очень узнаваемым, немного ироничным стилем. «Это все враки, я и сам не верю в то, что сочиняю, – угадывалось за каждым словом, – но только попробуйте сказать, что эти враки вам не по душе!»

Так вот, я как раз приканчивала второй роман, дело катилось к развязке, таинственный заговорщик в маске вот-вот должен был продемонстрировать истинное свое лицо, а очаровательная дама – перестать колебаться и, наконец, упасть в объятия спасителя, то бишь главного героя, когда Рима пришла сказать, что меня дожидается дед. Я с сожалением отложила книгу – давно мне не попадалось ничего столь занимательного! – и спустилась вниз, в свой кабинет, приказав Риме подать нам чего-нибудь согревающего.

Дед, как вскоре выяснилось, тоже банально заскучал. В отличие от меня, он собирается написать мемуары и уже не единожды приступал к работе, но всякий раз ему что-то мешало. Сперва обширная практика, затем, после гибели моих родителей, необходимость воспитывать малолетнюю внучку (меня то бишь) и обучать ее всевозможным премудростям, которые необходимо знать хорошему судебному магу, а теперь, я полагаю, исключительно отсутствие литературного дарования. Увы, опусы моего деда более всего напоминали отчеты о вскрытии мертвого тела: тот же сухой наукообразный язык, внимание к мельчайшим деталям и полное отсутствие какой бы то ни было интриги. Читать это смогли бы разве что подлинные энтузиасты сыскного дела, и дед не мог этого не понимать, потому регулярно и бросал свои писательские экзерсисы, впадая в мизантропическое настроение.

– А где твоя рыжая? – спросил он, когда Рима подала на стол и ушла, шаркая ногами по полу и тяжело вздыхая. – Или ты решила наконец уважить мою просьбу и велела ей не попадаться мне на глаза?

– Ее здесь больше нет, – сухо ответила я.

– Ты все-таки послушалась доброго совета и продала ее? – расплылся в улыбке дед. – И кого ты осчастливила, если не секрет?

– Понятия не имею, – хмыкнула я. – Ее продали по моей просьбе, кому – не знаю. Кому-то сильно повезло. Или не повезло, это как посмотреть...

Дед выжидательно глядел на меня, склонив голову набок – ни дать ни взять старый ворон. Я кое-что припомнила и решила спросить:

– Скажи, почему ты так ее невзлюбил? С самого начала, не так ли?

Дед негромко фыркнул, с шумом отхлебнул горячего травяного отвара и, довольный, откинулся в кресле, сложив руки на животе.

– Неужели тебе наконец стало интересно, – иронически спросил он, – отчего это выживший из ума старик так дурно отнесся к очаровательной девочке с достойной сожаления судьбой?

– Ты скажешь или нет? – вскинула я брови. Дед может быть совершенно невыносимым, если ему того захочется. Я, впрочем, тоже, это у нас семейное.

– Скажу, скажу... – Дед снова посмотрел на меня одним глазом. Он уверяет, что вторым просто плохо видит, но, скорее всего, прикидывается. Будь это действительно так, дед давно обратился бы к хорошему магу-медику. – Я пытался сказать тебе уже давно, только ты слушать не желала. Эта твоя рыжая шлюха... Не кривись, Флошша, на меня твои гримасы не действуют! Так вот, эта рыжая... – Дед вздохнул. – Можешь считать меня ненормальным стариком, Флошша, но более лживой и двуличной твари я в жизни своей не встречал, а прожил я достаточно... Ты чересчур беспечна, Флошша, и ты ни разу не дала себе труда взглянуть хотя бы в зеркало, чтобы узнать, как на тебя смотрит эта рыжая, когда думает, что ты ее не видишь. Я неоднократно пытался обратить на это твое внимание, но разве ты слушаешь меня? – Дед фыркнул. – Нет, ты ведь уже достаточно взрослая, чтобы жить своим умом!

– Признаю, в этом случае я действительно была непозволительно беспечна, – медленно проговорила я, чем, надо думать, пролила бальзам на сердце деда.

– Что все-таки произошло? – так и подался он вперед.

Я на секунду задумалась. Рассказать все от и до? А почему бы и нет? Дед намного более сведущ во всевозможных великосветских тайнах, чем я. Каюсь, я не всегда уделяю достаточное внимание происходящему при дворе, мне это интересно только в той мере, что необходима для проведения очередного расследования. Очень может быть, что я опрометчиво пренебрегаю всеми этими хитросплетениями взаимоотношений... Но, увы, у меня нет ни склонности, ни желания впутываться в эти бесконечные интриги! Но вот дед – дед всегда с преогромным удовольствием варился в придворном котле и, хотя последних новостей мог и не знать, опытом все равно обладал колоссальным. Кому и рассказывать, если не ему...

Таким образом я все же поведала деду о своих злоключениях, почти ничего не утаив. Мне не слишком хотелось афишировать участие лейтенанта Лауриня в этой истории, сама не знаю почему. Но замолчать этого не удалось, иначе бы дед непременно заметил зияющую в моей истории дыру.

– Во-от оно что... – протянул он, дослушав до конца. – Однако эта рыжая неплохо начала! Ни много ни мало отправить хозяйку на верную смерть! Далеко пойдет девочка... А тебе везет со служанками, Флошша...

– Не доканивай, – мрачно сказала я. – Лучше скажи, что ты обо всем этом думаешь.

– Думаю? – Дед уставился на меня своим знаменитым пронзительным взглядом, будто вспомнил молодость и лично проводимые допросы. – Я скажу тебе, что думаю по этому поводу, когда ты расскажешь мне правду о принцессе Майрин. Ведь что-то эти олухи хотели от тебя узнать, не так ли?..

Вот уж верно, вымолвив первое слово, придется сказать и второе, а там и спеть всю балладу от начала до конца, со всеми припевами и лирическими отступлениями. Вздохнув, я выложила все, что знала, все, что рассказал мне дракон по имени Гарреш, а еще те выводы, до которых я дошла своим умом. Наградой мне было замечательное зрелище: медленно округляющиеся глаза деда. К концу моего монолога он стал напоминать уже не ворона, а седого филина.

– И ты молчала?! – вскричал он, как только обрел дар речи. – Право слово, Флошша, ты заставляешь меня пожалеть о том, что я слишком баловал тебя в детстве!

– Я считала, что чем меньше людей узнает об этом происшествии, тем лучше, – дипломатично заметила я. – Ты сам приучил меня держать язык за зубами, не забывай.

– Ты полагаешь, я бы понес эту новость касаясь драконов и их потомства по всему королевству? – взъероился дед. – Хотя, конечно... потрясающе, просто потрясающе, и до чего просто! И теория этого олуха Жорьема не выдерживает никакой критики, особенно если учесть то, как обстоят дела в действительности...

– Не увлекайся, – предостерегла я. – Распространяться об этом не стоит, сам понимаешь, так что пусть пока этот твой Жорьем наслаждается славой.

– Ты права, – проворчал дед. – Пусть его... – Он встряхнулся и уставился на меня, глаза его смотрели цепко и холодно, как много лет назад. – Должен признать, Флошша, что на этот раз наследство твоей прабабки пришлось как нельзя кстати...

– При чем тут это? – поморщилась я.

– Можно подумать, ты не знаешь, – фыркнул дед.

Конечно, я знала. Мой прадед был первым в нашем роду судебным магом, а прабабка, его жена, – очень сильной потомственной ведьмой. Маги обычно с пренебрежением относятся к ведьмам, но то ли мой предок обладал весьма вольными для своего времени и статуса взглядами, то ли действительно влюбился в прабабку (по дошедшим до нас сведениям, изумительной красоты женщину), но он на ведьме женился. И жили они, как ни странно, душа в душу, хотя скандалы в семье (тому был свидетелем уже мой дед) закатывались порой феерические. Так вот, по наследству в нашей семье передавалась магическая сила, а ведьмовство, судя по всему, оказалось латентным признаком; во всяком случае, полноценных ведьм в семье больше не случалось. Вот только каждый из последующих поколений нет-нет да и обнаруживал у себя какие-то умения, не присущие обычному магу. Дед, к примеру, замечательно гадал, предсказания его обычно сбывались, хоть понять истинный смысл этих пророчеств сразу он зачастую не мог. Еще он почти всегда, не задумываясь, определял, правду говорит человек или нет, что особенно пригождалось ему на допросах. Отец, судя по рассказам, тоже обладал умением замечать ложь в чужих словах, а к тому же был способен, глядя человеку в глаза и поднапрягшись, помочь тому вспомнить любой эпизод из его жизни во всех деталях. Тоже качество, небесполезное для судебного мага. Мне, к сожалению, ни одного из этих полезных свойств не досталось, но ведьмины корни все же дали о себе знать. Прежде всего это проявляется в моей интуиции. Я привыкла ей доверять, и она еще никогда меня не подводила. Бывает, рационально никак не получается объяснить то, что я «нюхом чую», объяснения появляются позже, но идти против того, что подсказывает интуиция, я не рискую. А кроме того, имеется и еще кое-что. Вероятно, так явно это проявилось потому, что я женщина, ведьмами все же чаще бывают женщины, а полноценные ведьмаки среди жителей материка – редкость необыкновенная. Как ни ворчал в свое время дед, я научилась пользоваться тем, что досталось мне по капризу природы. Пока это ни разу не пригодилось мне по-настоящему, но... мало ли... Запас карман не тянет.

– Я говорю о твоей интуиции, – подтвердил мои мысли дед. – Жаль, конечно, потерять тело того дракона... да... Возможность изучить тело дракона против вероятности повторения «алой зимы»... гм...

Я вздохнула. «Алая зима» случилась в том году, когда в одном небольшом княжестве началось истребление всех, кто хоть как-то отличался от обычных людей. Всех: не опасных по большей части деревенских ведьм, да что там ведьм – любого, кто попадал под подозрение в колдовстве, а также далеко не безобидных созданий, которые во множестве обитали на территории княжества. Дальние родственники драконов – дирекки, неразумные крылатые ящерицы размером чуть побольше овцы, геррены – крупные белые олени, которых издали можно было принять за мифических единорогов, многие другие – все они были объявлены вне закона... Пик активности истребителей всяческого волшебства пришелся на зимние месяцы, отсюда и «алая зима» – говорят, снег был красным от пролитой крови. И только когда дело дошло до убийства судебного мага, присланного разобраться в этом безобразии, соизволила вмешаться Коллегия магов. Побоище остановили, но геррены, например, больше не встречаются в тех

краях, а дирекк уже много лет вообще никто не видел... И кто знает, чем кончилось бы дело, развяжи люди войну не с неразумными животными, а с драконами! Тех, конечно, во много раз меньше, но, с другой стороны, средних размеров дракон в одиночку вполне способен сровнять с землей средних же размеров город. А хороший боевой маг может справиться с драконом... Боюсь, в этой войне не было бы победителей.

– Если честно, меня больше всего интересует тот, кто стоит за Никкеем, – произнесла я задумчиво.

– Ты так уверена, что за ним кто-то стоит? – прищурился дед.

– Более чем, – кивнула я. – Я достаточно хорошо знаю нашего августейшего соседа. Сгоряча он может наделать глупостей, а потом остывает и долго раскаивается. Арнелий об этом его свойстве прекрасно осведомлен и умело на нем играет... Впрочем, что я тебе рассказываю! Ты знаешь это лучше меня...

– Знаю, – хмыкнул дед. – Но, может быть, мне любопытно послушать твои рассуждения. Так, стало быть, ты считаешь, Никкея кто-то использует для прикрытия?

– Не могу пренебречь такой возможностью, – кивнула я. – Эти двое молодых олухов... Нет, я не верю в то, что они сами спланировали мое похищение. Они могли думать об этом, даже говорить, но провернуть такое дельце им бы наглости не хватило. Кто-то их... гм... поощрил. Но кто, я не знаю и даже предположить не могу.

– М-да... – Дед нахмурился. – В целом твои доводы выглядят убедительно. Кому-то очень нужно было тебя убрать и тем самым спровоцировать Арнелия... Хотя... – Он цепко уставился на меня. – Флошша, а ты не допускаешь мысли, что убрать тебя хотели как раз потому, что ты узнала тайну принцессы Майрин? Для того, чтобы ты никому не успела ее рассказать?

– Я думала об этом, – призналась я. – Но мне кажется, это менее вероятно, слишком сложная схема. Проще было бы прикончить меня прямо в доме, а не тащить на окраину города с риском попасться. Нет, я останусь при своем мнении: кто-то ловко воспользовался этими щенками, чтобы разделаться со мной. Сдается мне, тот тип, что сопровождал гвардейцев, мог иметь самое прямое отношение к этому «некто». Жаль только, я не успела их расспросить.

– Да уж, этот лейтенантишка проявил изрядную прыть! – фыркнул дед. – Но, как водится, не к месту...

– Так что мы будем с этим делать? – поспешила я сменить тему. – Я не уверена, что об этом происшествии стоит докладывать Арнелию.

– Хм... – Дед сцепил пальцы. – Ты так полагаешь?

– Да, – ответила я. – Арнелий и без того относится к Никкею с достаточной настороженностью. Да и потом, как ты себе представляешь этот мой доклад? «Ваше величество, меня похитили гвардейцы Его величества Никкея, чтобы выпытать подробности об обстоятельствах гибели принцессы Майрин, которая, вот незадача, оказалась беременна от своего похитителя-дракона, о чем я вам и словом не обмолвилась, хотя и знала правду...» Так, что ли?

– М-да, звучит в самом деле неубедительно, – вздохнул дед. – Пожалуй, ты права. Пока стоит умолчать об этом небольшом казусе. Но впредь, Флошша, все-таки будь внимательнее и не таскай к себе в дом всякую шваль!

– Можешь не сомневаться, я буду сама осторожна, – мрачно ответила я, и на этом мы распрощались.

Беседа с дедом ничего не прояснила, хорошо, не запутала еще больше. Ах, проклятый лейтенант, чтоб ему провалиться! Что ему стоило задержаться на пару минут или метать ножи чуть похуже? Если бы хоть один из моих похитителей остался жив, сейчас я располагала бы куда большей информацией. Но что уж жалеть о том, чего не вернуть... Посмотрим, что будет дальше!

Решив так, я все-таки смогла отвлечься от истории с похищением и вернуться к роману...

Книга занимала меня до вечера, а назавтра в бесконечном безделье наконец-то наступил просвет: морозным солнечным утром ко мне пожаловал клиент.

Был это приятный полноватый мужчина лет пятидесяти с виду, судя по одежде – мелкопоместный дворянин, причем далеко не из бедных.

– Флоссия Нарен к вашим услугам, – произнесла я, устраиваясь в своем любимом кресле. Клиент ерзал на стуле и натянуто улыбался. – С кем имею честь?

– Нейр Верен Шлосс, – неожиданно красивым низким голосом отрекомендовался мужчина. – Очень... очень рад знакомству, госпожа Нарен!..

Уверять его во взаимной радости от знакомства я не стала, сразу перейдя к делу:

– Так чему обязана визитом, нейр Шлосс?

– О!.. – Шлосс вдруг очень забавно смутился и уставился на меня с несколько растерянным видом, словно сам позабыл, зачем пришел. Я терпеливо ждала. – Вы знаете, когда я пытаюсь рассказать, в чем дело, это начинает казаться такой ерундой... Право слово, неловко!

– И все же вы попробуйте, – предложила я. Шлосс был взволнован, это я видела невооруженным взглядом. Что могло стрястись у такого положительного на вид человека? Изменяет жена? Пропадают семейные ценности?

– Хорошо... да, я постараюсь не отнять слишком много вашего времени... – Шлосс нервно стиснул на столе пухлые пальчики. – Видите ли, госпожа Нарен, я... Я писатель. Смешно говорить, но все же... Я, честно говоря, отношусь к этому как к забаве, а людям почему-то нравится... Словом, у меня есть постоянный герой. – Я изобразила на лице вежливое внимание. Таких людей, как Шлосс, нельзя торопить и до поры до времени даже задавать наводящие вопросы, иначе они окончательно теряются и забывают, что хотели сказать. Сейчас он успокоится и сам все расскажет... – Так вот, дело в том, что со мной с недавних пор начали происходить странные вещи...

– В каком роде странные? – приподняла я брови.

– Ну... это вещи, которые могли бы происходить с моим героем, но никак не со мной, – ответил Шлосс. – Недавно... в моей жизни появилась женщина... Это вылитая героиня моих книг! Видите ли, есть там одна дама, Элейна Дор, авантюристка, она постоянно строит козни главному герою...

Имя показалось мне знакомым. Где же я его слышала?

– Постойте-ка! – осенило меня. – Это вы написали «Оловянную корону»?

– Вы читали? – пришел в неописуемый восторг Шлосс. – Ни за что бы не подумал, что вы... Вам понравилось?

– Весьма интересно, – улыбнулась я. – Вы, часом, не автобиографически ли пишете?

– Нет, что вы!.. – Шлосс слегка порозовел. – Я ведь всего лишь скромный помещик... Я все это придумываю.

– У вас неплохо получается, – сказала я.

– Спасибо... – Шлосс смущенно улыбнулся. Кажется, мне удалось достичь желаемого эффекта: мой гость расслабился, перестал нервничать, и речь его полилась свободно. Я была уверена, что Шлосс будет говорить долго, отвлекаясь на посторонние детали, но это и к лучшему – не люблю клиентов, из которых подробности надо вытягивать клещами. А малосущественные на первый взгляд вещи в итоге могут иметь большое значение, и отмахиваться даже от таких мелочей не стоит. – Вы знаете, это все случайно вышло. Летом у меня в имении много дел, а вот зимой – скука смертная. Жена умерла, дети выросли и разъехались кто куда, сижу один, как жаба в болоте... Пристрастился вот к авантурным романам, должно быть, все перечитал, что выходило в свет. А однажды вдруг пришла в голову мысль, я и стал придумывать продолжение... – Он перевел дыхание. – И как-то так складно получилось, я сам удивился. А потом подумал: все эти господа сочинители, они ведь тоже не специально учились книги писать! Я узнавал: один был каким-то чиновником, другой и вовсе лавочником...

Чем же я хуже? Взял, записал свою историю и отвез в город, издателя нашел, а ему возьми да понравился... – Шлосс смущенно улыбнулся. Удивительно, но ни капли самодовольства в нем не было. По-моему, он и в самом деле был удивлен неожиданно свалившейся на него популярностью. – Только пришлось взять псевдоним. Мое имя не слишком-то звучное, да и перед знакомыми как-то неловко, несолидно в моем возрасте такие вещи сочинять...

– Понятно, – усмехнулась я. – Так что же с той дамой?

– Ах да! – спохватился Шлосс. – Она приехала как-то поздно вечером, сказала, что заплутала на наших проселках, спросила дорогу. Я предложил ей ночлег – не мог же я выставить даму за порог на ночь глядя! – а утром она попросила приютить ее на некоторое время. Сослалась на некие таинственные обстоятельства, вынудившие ее покинуть столицу и скрываться в глуши...

– И вы не устояли, – констатировала я.

– Поймите меня правильно, – медленно произнес Шлосс. – Я всего лишь помещик. Самым захватывающим событием в моей жизни было, пожалуй, рождение сына, да еще, пожалуй, ночь, когда молния ударила к нам во двор и расколола дерево. А эта дама... Она словно сошла со страниц моего романа. Правда, ее зовут не Элейна, а Илана, Илана Тен, но в остальном... Она ослепительно красива, она явно благородного происхождения, и у нее есть какая-то тайна...

– И что же насторожило вас в этой прекрасной даме? – поинтересовалась я.

– Как вам сказать... – Шлосс выглядел несчастным. – Одна лишь Илана – это еще куда ни шло, благородные дамы, случается, попадают в затруднительные ситуации, и то, что я оказался на ее пути, может быть всего лишь случайностью. В конце концов, то, что я стал писателем, – тоже случайность, не так ли?

Я неопределенно качнула головой. Мне нравился Шлосс: когда он переставал нервничать и запинаться на каждом слове, он казался весьма рассудительным и неглупым человеком, не склонным к досужим выдумкам, как это ни странно звучит по отношению к писателю.

– Появление Иланы я был готов принять, – продолжал Шлосс. – Но дальше... Спустя некоторое время в доме начало твориться точь-в-точь то же самое, что я описал в «Поместье-призраке»... – Он выжидательно взглянул на меня.

– Я еще не читала, – мотнула я головой. – Расскажите вкратце.

– О... – Шлосс помолчал, собираясь с мыслями. – Там речь идет о молодом человеке, которому в наследство досталось старинное поместье. Он вселяется в этот дом, но жить в нем оказывается невозможно: со стен падают картины, сами собой открываются и закрываются окна и двери; словом, некий злобный призрак невзлюбил нового владельца дома и старается его выжить...

– И как же юноша выпутался из этой истории? – поинтересовалась я. – Несомненно, с помощью вашего любимого героя?

– Конечно, – улыбнулся Шлосс. – Тот случился проездом в тех местах и заинтересовался рассказом бедолаги.

– Призрака, конечно, усмирили?

– Нет, скорее отпустили на волю... – Шлосс слегка смутился. – Я не очень-то разбираюсь в магии, поэтому вам может показаться смешным то, что я придумал... Словом, давным-давно поместье принадлежало женщине из очень знатной, но бедной семьи. Несмотря на жестокую нужду, она отказалась продать поместье богатому соседу, а когда тот обманом все-таки завладел ее домом, поклялась, что покоя новым владельцам не будет никогда, даже после ее смерти. Так и случилось: после смерти она стала призраком и несколько сотен лет не давала житья новым хозяевам поместья, так что оно совсем пришло в упадок. – Шлосс вздохнул. – А покинуть поместье она тоже не могла...

– И как же ваш герой справился с этой ситуацией? – не без интереса спросила я.

– Ну, он нашел лазейку, – хмыкнул Шлосс. – Предложил хозяину поместья вернуть его законной владелице, то бишь даме-призраку. Тот так и поступил, благо жить в старом доме все равно было невозможно.

– Помогло?

– Да. Дама получила назад свое имущество и исчезла. И поместье тоже... – Шлосс неожиданно озорно улыбнулся. – Оно, как оказалось, тоже много лет уже было призраком, а на самом деле от него давно остались одни развалины.

– Лихо, – усмехнулась я. – И, кстати, я не буду смеяться, даже если вы не знакомы с магией, у вас получилось достаточно правдоподобно. Призраки высокого уровня умеют вытворять и не такое... – Я решила все же вернуться к теме нашей беседы. – Так, значит, в вашем доме тоже начались странные происшествия?

– Да, госпожа Нарен, – кивнул Шлосс и снова весело улыбнулся. – Но, могу вас заверить, никаких обманутых дам, убийств, страшных клятв и прочих сверхъестественных вещей, касающихся моего поместья, в истории нашей семьи нет. – Он смущенно кашлянул. – Я, грешным делом, изучил все архивы... Земля досталась моему предку совершенно законным образом, он выкупил ее у короны за существенную по тем временам сумму, осушил болота, заложил сад, выстроил дом... Вот и все. Привидению завестись решительно не с чего!

– Действительно, странно, – вздохнула я. – Все эти происшествия начались с появлением прекрасной дамы?

– Некоторое время спустя, – кивнул Шлосс.

– Вы считаете, что она может быть причастна к этим странностям?

– Не знаю... – медленно произнес Шлосс. – Может быть, это совпадение, а может быть, и нет, мне трудно судить...

– Вы всего лишь скромный помещик, – подхватила я.

– Да, – ничуть не обиделся Шлосс. – Мне нравится придумывать разные таинственные истории, но я предпочел бы, чтобы они так и оставались на бумаге... И уж точно я не возьмусь сам разбираться в происходящем, как мой герой. То, что хорошо в романе, не годится для жизни, и расследованием должен заниматься профессионал.

– Мне нравится ваша точка зрения, – усмехнулась я. – Чаще всего люди полагают, что сами превосходно во всем разберутся, а в результате все запутывается еще больше. Стало быть, вы хотите, чтобы я выяснила, в чем первопричина происходящего?

– Да... Госпожа Нарен, мне крайне неловко беспокоить вас накануне праздников, – смущенно произнес Шлосс, – но... Я, признаться, боюсь. Еще в одном моем романе действие происходит как раз в канун зимних празднеств. И речь там идет об убийстве! Не сочтите меня паникером, но...

– Я понимаю ваши опасения, – кивнула я. – Все, что вы описали, выглядит и в самом деле странно, но я не могу судить о том, чего не видела своими глазами. Мне придется поехать в ваше имение.

– Я не смел даже надеяться, что вы согласитесь! – расцвел Шлосс.

– Вам известны расценки на мои услуги? – любезно осведомилась я, чтобы вернуть его на грешную землю.

– Конечно, госпожа Нарен, – чуточку обиженно ответил Шлосс. – Я бы не обратился к вам, если бы не был в состоянии оплатить вашу работу!

– Хорошо. – Я встала, давая понять, что предварительный разговор окончен. – Так. Чтобы поспеть к праздникам, выезжать надо сегодня же. Если вы обождете немного, я соберу самое необходимое, и мы сможем отправляться.

Шлосс только хлопал глазами, он явно не ожидал от меня такой прыти.

– Я пошлю за своими вещами на постоянный двор, – только и сказал он. – Я тоже предпочитаю путешествовать налегке...

...Я в самом деле была рада тому, что подвернулось хоть какое-то дело: крайне не люблю оставаться в столице во время проведения шумных гуляний, тем более что я непременно буду приглашена во дворец на праздничный бал, а к балам у меня особенная неприязнь. Поэтому, когда Шлосс в очередной раз принялся извиняться за то, что срывает меня с места и тащит в глухомань в то время, как все люди веселятся, я довольно резко попросила его больше не поднимать эту тему.

Зимние праздники в нашей стране – разговор особый. Упоминала ли я, что правящая династия отличается редкостной веротерпимостью? Именно поэтому в столице то и дело отмечается какое-либо событие. Почти в каждой религии есть праздник, справляющийся зимой, только вот беда – в разное время. В конце концов одному из предков Арнелия надоело, что неделю, скажем, не работают и бурно празднуют приверженцы Матери Ноанн, три дня – Белые сестры и так далее, и тому подобное. Ну а, соответственно, вынужденно не работают и те, кому Белые сестры поставляют окрашенные нити для вышивания и ткани, а приверженцы Матери Ноанн – почти сплошь скотоводы – свежее мясо. Итак, Его величество отдал приказ. В результате проведенной разъяснительной работы список государственных праздников обогатился празднеством в честь перелома зимы, единым для всех религий и длящимся целую неделю. Если недовольные и были, их достаточно быстро убедили в целесообразности проведенной реформы. Ну а большей части населения столицы, обывателям, в головах которых множество религий смешались в пеструю кашу, было решительно все равно, когда и что праздновать. Тем более что на праздник всегда устраивались костюмированные представления, шествия, в которых представители разных конфессий норовили перещеголять друг друга в пышности зрелища...

Конечно, на праздничной неделе будет совершено немало преступлений, но большинство из них – банальные кражи или убийства по пьяному делу – для меня интереса не представляют. Ну а последствия более изощренных преступлений, специально запланированных на праздничные дни, в угаре которых никто не замечает ничего подозрительного, все равно вскроются только после окончания гуляний. Так что в городе мне делать было решительно нечего...

...Я с наслаждением вдохнула морозный воздух. Моя кобыла фыркнула и осторожно попробовала копытом утоптаный снег.

Шлосс, как ни удивительно для человека его возраста и комплекции, вполне сносно держался в седле. Он ловко управлялся с крупным соловым жеребцом, верхом на котором смотрелся довольно забавно.

Я улыбнулась. Все складывалось чудесно: я проведу праздники вне столицы, никто не узнает, куда я отправилась, а Его величество не приставит ко мне никаких сопровождающих, никаких солдат...

«Тьфу ты! – досадливо подумала я, увидев впереди одинокую фигуру. На улице было пусто, народ отсыпался, готовясь гулять всю ночь, поэтому всадника было трудно не заметить. – Накаркала...»

Узрев меня, лейтенант Лауринь, а это был, конечно, он, вздрогнул, выпрямился в седле и довольно лихо козырнул мне. Я неопределенно мотнула головой, давая понять, что приветствие заметила, но вступать в беседу не намерена, и мы со Шлоссом проехали мимо.

И что меня дернуло обернуться? Лауринь торчал на перекрестке, словно конный памятник самому себе, его гнедой понуро опустил голову, и в целом эта композиция выглядела довольно тоскливо.

– Обождите пару минут, – сказала я Шлоссу, поворачивая лошадь. – Мне нужно перебраться парой слов со знакомым.

Заметив мой маневр, Лауринь встрепенулся.

– Госпожа Нарен... – зачем-то начал он и осекся.

– Вы, должно быть, в увольнении? – любезно осведомилась я. – Ищете подарки к празднику?

– Нет... – Лауринь слегка сник. – Я в патруле на этой неделе. Вот, жду своих... За праздничные дни двойное жалование платят... А подарки мне здесь дарить некому, госпожа Нарен, разве что Ивасу... – Он поднял голову. – А вы, госпожа Нарен, наверно, в гости?

– Отнюдь, – хмыкнула я. – По делу.

В глазах Лауриня ясно читалась безумная надежда на то, что я сию минуту прикажу: «Вы будете сопровождать меня, лейтенант, следуйте за мной», и то сказать – невелика радость патрулировать город в праздники, лучше уж посмотреть на мою работу... Но я, конечно, не собиралась совершать столь опрометчивых поступков. Вместо этого я сказала:

– Лейтенант, если вы случайно окажетесь неподалеку от Садовой улицы, не сочтите за труд, загляните в дом под номером шестнадцать и передайте господину Нарен, что я отлучилась на несколько дней в имение Шлосс по делу. Буду вам крайне признательна.

– Конечно, госпожа Нарен, – чуть оживился лейтенант. – Непременно передам!

– Чудно. Всего хорошего, лейтенант. – Я повернула лошадь. Все-таки Лауринь подвернулся кстати. Дед точно никому не выдаст мое местонахождение, а исчезать бесследно, как бы мне того ни хотелось, не годится. Мало ли...

– И вам добрых праздников, – сказал мне в спину лейтенант, и я почти сразу выкинула его из головы...

...Имение Шлосса, носившее скромное название «Яблони», находилось не слишком далеко от города, дорога оказалась превосходной, мы ехали в хорошем темпе и, заночевав на постоялом дворе, к следующему вечеру должны были добраться до места. Пока же следовало обговорить кое-какие детали.

– Расскажите поподробнее о вашем имении, – попросила я Шлосса. – И о вашей семье. Вы упоминали, кажется, что ваши дети живут отдельно?

– Да... – кивнул Шлосс. – Дочь вышла замуж, ее муж служит в городе, вот она и уехала с ним. Очень достойный человек, жаль только, характер тяжелый. Но ее он любит... Она приезжает летом погостить, привозит внуков. – Шлосс радостно улыбнулся. – Им нравится в имении, на свободе...

– А другие дети?

– Другой, – поправил Шлосс. – У меня только двое. Сын... – Он вздохнул. – Он шалопай. В тринадцать лет сбежал юнгой на корабле, мы год не знали, жив ли он вообще... Потом объявился.

– Нагулялся? – поинтересовалась я. Обычно запала юных романтиков хватает ненадолго, достаточно пару месяцев подраить палубу и котлы на камбузе.

– Что вы! – махнул рукой Шлосс. – Если бы... Так и служит на корабле. Заглядывает на пару дней в году и смеется: дескать, когда дослужится до адмирала, тогда уж остепенится и оседет в «Яблонях»...

– До этого, надо думать, еще далеко, – улыбнулась я.

– Как сказать, – с затаенной гордостью ответил Шлосс. – Ему сейчас нет и двадцати пяти, а он уже старший помощник капитана.

– Надо же... – хмыкнула я. – Значит, прямых наследников у вас всего двое. Другая родня имеется?

– Да... – Шлосс задумался. – Очень дальняя, со стороны жены, они давно уехали куда-то на юг. Я уж и не упомяну, когда видел их в последний раз.

– Любопытно. – Я призадумалась. – Хорошо. Нейр Шлосс, а чем ценно ваше имение?

– Ценно? – Он недоуменно посмотрел на меня. – Даже не знаю... Имение как имение, не слишком большое, доход приносит, но не сказать чтобы огромный. Дом старый, на один ежегодный ремонт улетают такие суммы... Разве что фруктовый сад... Знаете, госпожа Нарен,

его еще мой прадед посадил. – Шлосс мечтательно улыбнулся. – Когда яблони по весне цветут, это такая красота!

– Понятно... – вздохнула я. Если честно, пока ничего не было понятно.

Первое, что пришло мне в голову, было достаточно банальное предположение: некто решил завладеть имением Шлосса, вероятнее всего кто-то из родни, затем и разыграл этот спектакль. Но пока выходило, что цель не оправдывала затраченных средств: слишком уж много усилий для того, чтобы заполучить небольшое и не приносящее феерического дохода имение. Видимо, здесь крылось что-то еще, но что именно, я не пойму, пока не увижу всего своими глазами.

– Вот что, нейр Шлосс, – сказала я. – Думаю, не стоит афишировать, кто я такая.

– Я тоже думал об этом, – серьезно ответил он. – Если все происходящее не плод моего воображения и кто-то в самом деле замыслил нечто нехорошее, одного вашего имени будет достаточно, чтобы спугнуть этого злоумышленника.

– Именно. – Я задумалась на минуту.

– Может быть, представить вас моей гостьей? – предложил Шлосс.

– Гости приезжают с солидным багажом, а не с одной сумкой, – вздохнула я. – Нет. Сделаем иначе. Скажите, вы наверняка ведете тяжбу с каким-нибудь соседом?

– Да, – удивленно ответил Шлосс. – Откуда вы узнали?

Я только хмыкнула. Эти мелкие помещики вечно судятся из-за каких-нибудь клочков земли, на которых даже козу не выпасти.

– Расскажите мне поподробнее о сути дела, – попросила я. – Я представлюсь, скажем... ну, имя у меня не такое уж редкое, хотя... Да, называйте меня Флосси Никс. Для ваших домоладцев я – судейский чиновник, которого вы пригласили, чтобы окончательно разобраться в сути вашей тяжбы с соседом. Думаю, это ни у кого не вызовет удивления.

– Разве только тот факт, что судейский чиновник работает в праздничные дни, – резонно заметил Шлосс.

– Для судейских праздников не существует, – усмехнулась я. – И потом, вы залучили меня в гости специально для того, чтобы расположить к себе и убедить вынести решение в вашу пользу.

– Я понял, – кивнул Шлосс и хитровато улыбнулся: – Буду обращаться с вами со всем возможным почтением!..

Я подавила улыбку. Шлосс впал в обычное для обывателей заблуждение, что немудрено. Очень мало кто знает, как на самом деле обстоит дело с судейскими чиновниками.

Корни этой истории кроются в довольно отдаленном прошлом. Одному из предков Его величества Арнелия, королю Арвейну, как-то опротивело выслушивать жалобы своих подданных, причем подданных не самого последнего разбора, не каких-то там крестьян и лавочников, а настоящих аристократов, на произвол судейских властей. Надо сказать, что жаловались они вполне обоснованно: достойные господа судейские и в самом деле потеряли стыд и совесть, чуть не в открытую вымогая взятки и грозясь похоронить то или иное дело под спудом других, не менее важных дел, буде истец или ответчик не внесут определенную мзду. Как правило, подразумевалось внесение мзды непосредственно в карман того, кто этим делом занимался. Так вот, терпению короля Арвейна пришел конец (а короли этой династии наряду со скупостью и благоразумием отличались также отменной выдержкой, и, надо думать, судейским пришлось постараться, чтобы вывести Его величество Арвейна из себя; впрочем, говорят, тут была замешана некая дама, к которой благоволил король и которая пострадала от произвола судейских). В результате недолгих раздумий (так гласит молва, но я подозреваю, что король не один раз взвесил все «за» и «против») Его величество провел весьма неожиданную реформу, благодаря которой на свет появились не простые дознаватели, обвинители и судьи, а судейские чиновники, подчас способные объединять в себе все эти ипостаси. Было введено несколько

десятков рангов для этих самых чиновников: обладатели самого низшего ранга имели право рассудить разве что ссору двух торговок на рынке из-за какой-нибудь курицы, ну а обладатели высшего могли выносить решения и по более чем серьезным делам. Конечно, наиболее сложные и запутанные случаи никто не мог разбирать в одиночку, тут по старинке собирались несколько судейских, но в целом кажущаяся на первый взгляд сложной система оказалась вполне действенной. Во всяком случае, теперь королевскую канцелярию не забрасывали жалобами на то, что сосед, видите ли, отнес свой забор на пять шагов дальше положенного, а еще его куры пасутся во дворе у истца, чем страшно одного истца раздражают.

Обыватели тоже возрадовались, сочтя, что подкупить одного чиновника, чтобы он вынес решение в пользу того или иного человека, не в пример проще, нежели целую судейскую коллегию. Увы и ах, как же они ошибались... Король Арвейн обладал и еще одним достоинством, присущим королям этой династии, – своеобразным чувством юмора. Несчастные судейские чиновники физически не могли брать взятки, над этим работали лучшие королевские маги (да и Коллегия приложила руку – там всегда любили подобные эксперименты). К тому же бедолаги решительно не были способны солгать старшим по званию в том, что касалось проведения расследования, и не вольны были в собственных эмоциях. Случалось им осуждать весьма симпатичных и обаятельных преступников и выпускать на волю пренеприятных, но кристально чистых перед законом граждан. Процедура, обрекающая судейских на такую службу, была не очень сложна, но болезненна и дорогостояща, а потому решался на нее не каждый. Тот же, кто решался, получал возможность сделать неплохую карьеру. Впрочем, при каждом существенном повышении в ранге процедура повторялась, ужесточая налагаемые ограничения. Скорее всего, поэтому многие так всю жизнь и решали несложные задачки о том, кто прав, а кто виноват: крестьянин, пустивший коз пастись без привязи, или его сосед, оставивший ворота открытыми настежь, в результате чего козы потравили его огород. Жалованье судейским было положено солидное, тем более крупное, чем выше был ранг.

Судебные маги в этой системе стоят особняком. Мы, в отличие от судейских чиновников, свободны в своем выборе и вполне можем утаить правду или попросту солгать. По большому счету, над нами нет никого, кроме нашей собственной совести, да еще Коллегии магов. Последняя, впрочем, интересуется далеко не всеми делами, а первой обладают отнюдь не все судебные маги. Впрочем, такие субъекты, как правило, не заживаются на свете – на любого мага, как известно, найдется темный переулочек и арбалетный болт... Да и к тому же судебного мага с единожды подмоченной репутацией никто никогда не наймет: у нас, как и в любой другой профессии, – сперва ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя. Я, живя еще на северных островах, начинала со смешных дел вроде кражи снастей одним рыбаком у другого и супружеских измен. Одно за другим – постепенно молва обо мне докатилась и до здешних краев, за чем впоследствии последовало приглашение ко двору Его величества Арнелия. Впрочем, не последнюю роль тут сыграла моя фамилия...

Однако я уклонилась от темы. Будучи судебным магом, прикинуться судейским чиновником я смогу без труда. А вот высказывание Шлосса меня позабавило. Если бы я и в самом деле была судейской дамой, его желание принять меня по высшему разряду и всячески ублажать немедленно бы меня насторожило и, скорее всего, сыграло бы не в его пользу в предстоящем расследовании. Но Шлосс, как и большинство обывателей, ничего не знал о том, как входят в ряды настоящих судейских чиновников. К счастью или к несчастью, это одна из наиболее ревностно хранимых ими тайн. Ну, пусть таковой и остается...

Глава 4

«Яблони» (окончание)

Мы ехали молча. Было пасмурно, пошел снег.

Я вспоминала, о чем еще не расспросила Шлосса. Ах да...

– Насколько я поняла, ваша жена скончалась довольно давно? – уточнила я.

– Тому уж больше десяти лет, – печально ответил Шлосс, даже не удивившись резкой смене темы.

– От чего она умерла?

Шлосс немного помолчал, видимо, ему тяжело было вспоминать.

– У нее было слабое сердце, – сказал он наконец. – Медики удивлялись, как это ей удалось родить двоих детей. Мы все старались не тревожить ее лишним раз, чтобы не спровоцировать приступ, ее ведь все любили... Я от нее почти пол-года скрывал, что сын сбежал, говорил, что отправил его с оказией к старому другу на север, погостить, письма за него писал... А она давно обо всем догадалась и молчала. А однажды она просто уснула и не проснулась... – Шлосс отвернулся, зашарил по карманам в поисках платка. – Простите, госпожа Нарен... одну минуту...

Я терпеливо ждала. Видимо, Шлосс в самом деле любил свою жену. Большая редкость по нынешним временам! Интересно, взаимно ли?

– Почему вы не женились во второй раз? – спросила я, когда Шлосс смог наконец справиться с собой.

Шлосс покосился на меня с укоризной, но, поняв, видимо, что я не из праздного любопытства спрашиваю, ответил:

– Сперва... Вы знаете, госпожа Нарен, я очень любил Малену. Я не мог представить, что смогу назвать другую женщину своей женой... И потом, дети – я подумал, что лучше вовсе без матери, чем с мачехой. – Он вздохнул. – А потом дети выросли, и я решил, что уже слишком поздно жениться снова. Кто за меня пойдет? Или вдова с детьми, или нищая девочка из захолустья... И зачем мне это?

– А как насчет отношений с женщинами в целом? – бесцеремонно спросила я. – Вы достаточно молодой мужчина.

– Хм... – Шлосс заметно смутился. – Это... Да, конечно... Я понимаю, о чем вы, госпожа Нарен. Не без этого... Но я всегда старался быть осторожным и никого не обидеть... – «И не наплодить внебрачных детей», – добавила я про себя. – Никаких прочных отношений я не заводил... В конце концов, всегда можно навестить в город...

Шлосс окончательно смутился и увял, но я поняла его мысль. Даже птица не гадит в своем гнезде, а Шлосс был определенно умнее любой птицы. Нет смысла связываться со служанками или крестьянками, способными серьезно скомпрометировать его особу, если до столицы – два дня езды, а в городе всегда найдутся сговорчивые девицы, которым дела нет до того, как зовут их клиента.

– Я хочу сказать, – подал голос Шлосс, – если вы думаете, что какая-то обиженная женщина могла бы захотеть таким образом отомстить мне... Нет, этого не может быть, право слово.

– Надеюсь на это, – вздохнула я, и дальше мы ехали в тишине, только скрипел снег под копытами, тихо позвякивала сбруя и фыркали лошади.

Вокруг все было белым-бело, снегу навалило почти по пояс, и любой сошедший с дороги рисковал завязнуть в снежном плену. А по весне, которая наступит, как водится, неожиданно, непременно случится небольшое наводнение, размоет какую-нибудь плотину...

– Мы почти приехали, – заметил Шлосс наконец.

Уже стемнело. Мы ехали по узкой – двум телегам только-только разминуться – дороге среди деревьев, которые я по некотором размышлении определила как плодовые. Должно быть, те самые яблони, о которых с таким восторгом говорил Шлосс: могучие, стройные, высаженные ровными рядами, они смыкали кроны высоко над дорогой. Могу себе представить, каково собирать урожай с таких гигантов!

Наконец деревья расступились, и я смогла разглядеть впереди дом старинной постройки. Не замок, а именно дом, большой трехэтажный особняк, не слишком красивый по нынешним меркам, но обладающий своеобразным обаянием. Мы въехали в тщательно расчищенный двор, слуга, стоило нам спешиться, тут же увел усталых лошадей, а я с интересом огляделась по сторонам. М-да... Хозяйство тут определенно поставлено неплохо: во дворе царил образцовый порядок, столь не свойственный старым поместьям. Я бы не удивилась, увидев посреди двора телегу без одного колеса, пару бревен и какую-нибудь рухлядь, дожидаящуюся сожжения. Ничего подобного здесь не было, а рухлядь, если и имелась, хранилась где-то подальше от людских глаз.

– Проходите, прошу вас! – Шлосс любезно пропустил меня вперед, в распахнутую вышколенным слугой дверь.

Войти с мороза в уют натопленного дома было особенно приятно.

Я стянула перчатки, скинула плащ и теплую куртку на руки подоспевшему слуге и огляделась. Дом был и в самом деле очень старым, но развалиной отнюдь не выглядел. Напротив, он казался весьма ухоженным, видно было, что хозяева любят свое обиталище и заботятся о нем. Обстановка не казалась ни слишком богатой, ни вычурной, не была в глаза показной роскошью. Дом был отделан и обставлен просто, добротно и в то же время со вкусом.

– Здесь все осталось, как было при жизни Малены, – сказал Шлосс, заметив мой интерес. – Я ничего не менял, оставил все, как нравилось жене. Кстати, хотите взглянуть на нее?

Я сперва, признаться, опешила, но тут же недоразумение разрешилось: Шлосс указывал на большой, в человеческий рост, портрет, висящий на лестничной площадке. В уютном полумраке, царившем в холле, казалось, будто сама хозяйка дома стоит на лестнице и приглашающе улыбается гостям.

Я присмотрелась внимательнее. Портрет, несомненно, писал не придворный художник, однако явно человек небесталанный. Чувствовалось, что работал любитель, фон был выписан немного небрежно, не слишком много внимания живописец уделил и одежде Малены, однако женщина на портрете казалась живой. Не очень высокая, скорее пухленькая, чем стройная, отнюдь не красавица, но удивительно милая... За такую не будут драться на дуэли блестящие молодые дворяне, таких любят люди, подобные Шлоссу, способные разглядеть за невзрачной внешностью подлинную красоту души.

– Кто автор картины? – поинтересовалась я.

– Сын одного друга семьи, – вздохнул Шлосс. – Он был влюблен в Малену. Писал ей замечательные стихи, вот нарисовал портрет...

– И вы все знали? – удивилась я. Любопытные подробности выясняются...

– Конечно, – в свою очередь удивился Шлосс. – Эрих не очень-то и пытался скрыть свое чувство... Впрочем, он прекрасно понимал: рассчитывать ему не на что, он же вполне годился Малене в сыновья... Она, конечно, тоже знала и очень его жалела. Такой славный был мальчик...

– Был? – насторожилась я.

– Да... – неохотно ответил Шлосс. – Видите ли, его отец изо всех сил старался сделать из Эриха настоящего мужчину, как он это себе представлял. Увы, у мальчика не было никакой склонности к забавам вроде охоты, больше всего на свете он любил рисовать, но не хотел расстраивать отца. И вот результат – однажды его сбросила лошадь. Эрих страшно покалечился...

– Насмерть? – уточнила я.

– Кое-кто думал, что лучше бы насмерть, – печально ответил Шлосс. – Остался калекой, бедняга... Потом умер его отец, а матери уж давно не было в живых. Тут же появились какие-то дальние родственники, хотели отправить Эриха в лечебницу, да я не позволил, забрал его к себе... Думаю, Малена бы меня поддержала в этом решении.

– Он тут? – спросила я.

– Ну да, – как нечто само собой разумеющееся, ответил Шлосс.

– Я хотела бы переговорить с ним, – сказала я. – Он, как я понимаю, прикован к постели? Кстати, неужели ни его отец, ни вы не прибегли к услугам мага-медика?

– Что вы! – обиделся Шлосс. – Выписывали лучших... Кое-что они смогли сделать, Эрих, по меньшей мере, теперь владеет верхней половиной тела и может подолгу сидеть. Но и только... Кстати, он по-прежнему рисует. Большую картину ему, конечно, не написать, но миниатюры у него изумительные, даже на мой дилетантский вкус...

Я призадумалась: дальняя родня, вот как... А единственный, как я поняла, наследник живет у друга семьи. Так может быть, охота идет не за Шлоссом, а за этим Эрихом? Что ж, в самом деле стоит поговорить с молодым человеком. Но, тут же поняла я, беседу придется отложить: в холле появилась некая дама, в которой я по описанию без труда опознала таинственную Илану Тен.

– Верен? – произнесла, стремительным шагом подходя к нам, эта в высшей степени необычная дама. – Вы вернулись? Как хорошо, я за вас волновалась! Кто эта женщина?

Илана не говорила, а словно выстреливала короткими фразами. И – тут Шлосс не преувеличивал – она была замечательно красива. Высокая для женщины (во всяком случае, выше Шлосса), стройная, если не сказать худая, с грацией дикой кошки, Илана производила сильное впечатление. Иссиня-черные кудри были уложены в нарочитом беспорядке, с узкого породистого лица смотрели светло-карие глаза в обрамлении пушистых черных ресниц, а чуточку длинноватый нос с заметной горбинкой придавал Илане особенную, чуть ли не царственную надменность. Что и говорить, почти точный портрет героини романов Шлосса, опасной и коварной, как сотня ядовитых змей, Элейны Дор, разве что та была зеленоглаза. И – я почувствовала сразу – вокруг этой дамы наличествовал явный, хотя и очень слабый, магический фон. Разновидность магии я определить не смогла и не смогу, пока дама не начнет работать. Скорее всего, что-то из прикладных направлений, боевая или медицинская магия фонит совсем по-другому и более отчетливо. Впрочем, нельзя было отбрасывать и вероятности, что источником этого слабого излучения является какой-нибудь амулет. Противозачаточный, например. Очень даже может быть, нынешние знатные дамы чего только на себе не таскают...

– Позвольте представить. – Шлосс слегка растерялся. – Это госпожа... э-э-э... Флосси Никс, судейский чиновник...

– Судейский чиновник третьего ранга, – надменно поправила я. – С правом вынесения решений по общегражданским делам вплоть до седьмой категории важности, не затрагивающим интересы короны.

– Да-да, простите великодушно... – окончательно смешался Шлосс. – Госпожа Никс любезно согласилась разобраться в нашей бесконечной тяжбе с соседом... Помните, Илана, я вам рассказывал?

– О да! – надула губки та. – Весьма скучная история... из-за какой-то болотистой лужайки столько хлопот! Надеюсь, госпожа... хм... Никс раз и навсегда избавит вас от этих скучных споров и разбирательств! – Это «хм» в устах Иланы отчетливо давало понять, как она относится к каким-то там чиновницам, наверняка незнатным к тому же, осмелившимся нарушить ее покой.

– Затем я сюда и явилась, – заметила я и посмотрела на Илану сверху вниз, слегка прищурившись. Не стоит забывать о том, что женщины, способные сделать заявленную мною карьеру

(а третий ранг для судейского чиновника – это очень и очень немало), должны обладать сильным характером и подчас суровым нравом. – Вы, кстати, кем приходитесь нейру Шлоссу? Кроме того, не имею чести знать вашего имени.

Илана, по-моему, так изумилась моей наглости, что смогла только жалобно воззвать:

– Верен!..

– Это нейра Илана Тен, – поспешил ей на помощь Шлосс. – Моя... э-э-э... гостья.

– Не родственница?

– Нет...

– Чудесно, – ответила я, делая вид, что начисто потеряла интерес к Илане: мол, раз не родственница, то отношения к тяжбе не имеет, и ладно... Надо ли говорить, что на самом деле это было вовсе не так! – Рада знакомству. А что, нейр Шлосс, в котором часу у вас обычно подают ужин?

– Уже скоро! – заторопился Шлосс, делая знаки слуге. – Скоро подадут... Вы успеете отдохнуть с дороги... Сейчас вас проводят в вашу комнату!

Я покладисто отправилась вслед за пожилой служанкой, показавшей мне просторную, чистую и в самую меру протопленную комнату. Мне положительно нравился дом Шлосса! Но не стоило забывать и о цели моего визита...

Я закрыла дверь на засов, чтобы никто не вломился в самый неподходящий момент, настроилась на нужный лад и приготовилась слушать. «Прослушка» – простейший прием, я его освоила еще в раннем детстве и использовала, конечно, в не слишком благовидных целях. Так что же творится в доме?... Не то, не то, это служанки на кухне спешно сооружают ужин из остатков сегодняшнего обеда и заготовок для завтрака, это конюх чистит лошадей, напевая себе под нос... Ага, вот!

– Верен, зачем вы притащили сюда эту... эту женщину? – возмущалась Илана.

– Видите ли, Илана, мне представился замечательный случай, – оправдывался Шлосс. Так ее, включи свое писательское воображение! – Госпожа Никс – одна из лучших в своей области, и совершенно случайно она оказалась свободна... Разве я мог упустить шанс? Нужно принять ее повежливее, и я уверен, она вынесет решение в мою пользу...

– О да, конечно! – фыркнула Илана. – Она вынесет решение в пользу того, кто ей больше заплатит! И как это она так удачно оказалась свободна накануне праздников?

– Ну... – протянул Шлосс.

– А я вам скажу как! – гневно произнесла Илана. – Отлично провести время за ваш счет – вот чего она хочет. Конечно, на что еще может рассчитывать этакая старая дева! От нее, поди, лошади шарахаются!..

«Ну, это ты зря, – подумала я весело. – Вот как раз лошади меня любят...»

– Ну перестаньте, Илана, – возмутился Шлосс. – Госпожа Никс не давала вам повода так думать о ней!

– Ах, простите... – спохватилась Илана. – Верен, я просто принимаю все ваши проблемы так близко к сердцу, я беспокоилась за вас! Простите меня, пожалуйста...

– Ну что вы, Илана...

Я разорвала контакт и встряхнула головой. Итак, что я могу сказать... Эта Илана – отличная актриса. Окажись на месте Шлосса другой, она бы, несомненно, провела его. Но тот факт, что Шлосс обратился ко мне за помощью, свидетельствует в пользу его ума. А может быть, интуиции, не суть важно. Меня, ясное дело, Илане не обмануть, потому она так и встревожилась при моем появлении: испугалась, что залетная чиновница – а чиновники по природе своей народ цепкий и въедливый, не склонный к романтическим бредням – заподозрит неладное в ее поведении. Что ж, посмотрим, как будут развиваться события...

Меня позвали к ужину, который оказался, как ни странно, вполне сносным. Илана хранила гробовое молчание, глядя в тарелку и изредка посылая Шлоссу проникновенные взгляды,

я невозмутимо расправлялась с жареным цыпленком (надеюсь, нейру Тен передергивало от моих манер, вернее, нарочитого отсутствия оных) и расспрашивала Шлосса об истории его тяжбы с соседом вплоть до мельчайших подробностей. В конце концов я сделала глубокомысленное замечание о том, что мне нужно еще поразмыслить и ознакомиться с мнением противоположной стороны, но, скорее всего, вердикт будет вынесен в пользу Шлосса. На этой оптимистической ноте ужин завершился, и я возвестила, что отправляюсь к себе, по пути взглядом намекнув Шлоссу: я желала бы переговорить с ним наедине.

По счастью, Шлосс оказался сообразителен, потому что тут же вызвался показать мне дом, чтобы я не заплутала с непривычки. Илана, всем своим видом выражая презрение, удалилась в свои комнаты, что меня вполне устраивало.

Дом был выстроен просто и удобно, тут не заблудился бы и пятилетний ребенок, но я позволила Шлоссу провести меня в правое крыло, явно нежилое, судя по тому, какой тут царил холод.

– Надо думать, здесь нас некому подслушивать, – заметила я. Магическим способом нас не слушают, за это я ручалась, а вот какой-нибудь слуга...

– Да, здесь никто не живет, – согласился Шлосс. – Это крыло и не отапливается, что зря дрова тратить...

– Вы, должно быть, хотите знать, что я думаю? – поинтересовалась я.

Шлосс явно изнывал от нетерпения.

– Пока рано делать какие бы то ни было выводы, – сказала я. – Для начала мне хотелось бы переговорить с тем молодым человеком, Эрихом. И со слугами. До этого я ничего вам не скажу.

– С Эрихом лучше говорить прямо сейчас, – ответил Шлосс. – Он допоздна не спит... а Илана к нему в это время не заглядывает. А слуги... я скажу, чтобы они отвечали вам на любые вопросы.

– Чудно, – кивнула я. – Проводите меня к Эриху. А сами отправляйтесь к себе, чтобы не вызывать подозрений. Вдруг Илана вздумает наведаться к вам?

Шлосс слегка покраснел, из чего я сделала вывод, что ночной визит уже имел место. Интересно, чем кончилось дело?

– Идемте, я провожу вас, – сказал он, и я последовала за ним.

Обиталище Эриха располагалось в другом крыле здания. Шлосс попросил меня обождать снаружи, чтобы предупредить Эриха, потом предложил войти, а сам испарился. Я была рада, что не пришлось просить его оставить нас наедине: Шлосс оказался на редкость сообразительным человеком.

Войдя в комнату, я не без интереса огляделась по сторонам. Большие окна – днем здесь, должно быть, очень светло, – книжные шкафы, замысловатая конструкция в углу (это оказалась хитроумная подставка, позволяющая лежащему больному писать или рисовать), рисунки на стенах... Воздух был свежим, не спертый, в нем совсем не чувствовалось запаха, присущего жилищам людей, прикованных болезнью к постели. Видно было, что Шлосс в самом деле заботится о своем подопечном.

Я повернулась и встретила взглядом с молодым человеком, полулежащим на широкой кровати. Если бы я не знала наверняка, что он уже несколько лет лишен способности передвигаться самостоятельно, то ни за что не приняла бы его за калеку. Ясные и умные серые глаза на поразительно некрасивом, но обаятельном худощавом лице смотрели с живым любопытством, а светлая кожа не была болезненно бледной, как это случается у затворников. Я не знала, сколько лет этому человеку, но, по здравом размышлении, решила, что не менее тридцати. Выглядел он моложе, и намного. Я не удержалась от того, чтобы определить характер его травмы. Как ни жаль, Шлосс оказался прав – Эрих покалечился слишком серьезно, маги-

медики и так сделали все возможное и даже чуточку больше. Если на то пошло, молодой человек должен был провести вовсе без движения остаток жизни, однако ему еще повезло...

– Вы – Флоссия Нарен, – сказал он утвердительно. – Дядя Верен говорил мне о вас.

– Вы правы. Но сейчас меня зовут Флосси Никс, и я бы попросила вас употреблять именно это имя, – ответила я. Очевидно, Шлосс делился своими планами с Эрихом.

– Я понимаю, – кивнул он. – Нас, к сожалению, не представили, и, должно быть, дядя Верен не назвал вам моего имени. Нейр Эрих Дорж, к вашим услугам.

– Рада знакомству, – церемонно кивнула я и без приглашения заняла кресло рядом с кроватью. – Вы догадываетесь, о чем я хотела поговорить с вами, не так ли?

– Да, – кивнул Эрих. Худые руки с изящными пальцами художника спокойно лежали поверх одеяла – он ничуть не волновался. – Дядя Верен делился со мной своими подозрениями. Больше ведь не с кем, не со слугами же... Так что я в курсе дела.

– Меня, прежде всего, интересует ваше мнение об Илане Тен, – сказала я.

– Мое мнение? – Эрих задумался, и его некрасивое лицо озарилось удивительно приятной улыбкой. – Трудно составить мнение о человеке, которого почти не знаешь, но она мне понравилась... Не потому, что она очень красива, госпожа Никс, хотя это, конечно, тоже... Видите ли, нейра Тен – одна из немногих, у кого мое увечье не вызывает отвращения. Вы тоже из таких...

Я криво усмехнулась в ответ. Сказать ему, что я на своем веку видала куда более неприятные вещи, чем парализованный парень? Нет, не поймет...

– Она ведет себя со мной так, будто я просто немного приболел, – продолжал Эрих. – Почти так же, как дядя Верен. И она частенько заглядывает ко мне поболтать. Я понимаю, это, скорее всего, оттого, что ей просто скучно в этом доме, но все равно... Мне редко доводится с кем-то поговорить, – добавил он, – так что я рад любому собеседнику... Дядя Верен – тот каждый день по нескольку раз заглядывает ко мне, читает вслух отрывки из своего нового романа да просто рассказывает новости...

Я только вздохнула. Шлосс – редкой души человек. Не каждый бы согласился взвалить на себя обузу в виде молодого калеки, который может прожить еще очень долго. Да не просто поручить его заботам слуг, а считать его членом своей семьи...

– Она рассказывает столько всего интересного про столичную жизнь, – продолжал Эрих, – а еще она позволила мне нарисовать ее. Хотите взглянуть?

Я кивнула. Портрет – это может быть интересно.

– Рисунки вон там, на столе, – указал Эрих.

Я поднялась и подошла к широкому столу, заваленному разнообразными папками.

– Та, что сверху, в синем переплете, – подсказал Эрих. Я подала ему папку, и спустя пару секунд он протянул мне рисунок. – Вот...

Я взглянула на набросок. Да, это Илана, без сомнения. Эрих в самом деле талантлив, несколькими штрихами он сумел передать диковатую, необычную красоту Иланы, лицо на портрете казалось поразительно живым. Прелестное личико, исполненное доброжелательности и сострадания...

Меня, однако, заинтересовало не портретное сходство...

– Не подумайте, это не мое воображение, – заметил что-то Эрих в выражении моего лица. – Мне так редко доводится рисовать новые лица с натуры, что я стараюсь ничего не прибавлять от себя. Она на самом деле такая!

«Если Илана на самом деле такова, то ты – гениальный рисовальщик, хотя сам этого не понимаешь», – подумала я. Я знала, так бывает, но воочию видела подобное впервые. Карандаш Эриха изобразил прелестную женщину именно такой, какой видели ее его глаза, вероятно, несколько затуманенные красотой Иланы. Но рука – рука и то особое, неназываемое, что живет в каждом настоящем художнике, – не позволили погрешить против истины, изобразив

Илану Тен даже слишком точно. Да, женщина на портрете была прекрасна, она улыбалась, она была воплощенная доброта. Но стоило присмотреться – и становилось ясно, что на самом деле выражает ее взгляд. А во взгляде этом читалась тщательно скрываемая брезгливая жалость, увы, просыпающаяся в большинстве из нас при взгляде на безнадежно покалеченного человека. Думаю, Эрих сам пока не понял, что именно нарисовал. Но если верить ему, если он в самом деле не прибавил ничего от себя, то вырисовывается весьма интересная картина...

– Все, что я знаю о ней, я знаю со слов дяди Верена, сама она не очень-то охотно рассказывает о себе, – произнес Эрих, видя мой интерес. – Ничего нового я добавить не могу... Может быть, Ила... нейра Тен просто не хочет рассказывать о тех обстоятельствах, из-за которых она вынуждена скрываться?

– Это другой вопрос, – сказала я, усмехнувшись про себя: Эрих старательно именовал даму нейрой Тен, а с губ его так и рвалось нежное – «Илана»... Похоже, красавица запала художнику в сердце! – А что насчет странных происшествий?

– Это вы о так называемых привидениях? – спросил Эрих. – Не знаю даже... Здесь ничего не происходило. Я вот что заметил, – добавил он, – судя по рассказам дяди Верена и слуг, все эти безобразия случаются там, где их наверняка заметят. Словом, или на кухне, где всегда кто-то толчется, или в гостиной, когда дядя Верен с нейрой Тен трапезничают...

– Любопытно, – прищурилась я. Хм... не является ли слабый магический фон, исходящий от Иланы, первопричиной всех этих таинственных событий? Даже слабенькому магу под силу обрушить со стены картину или заставить посуду прыгать по столу. Но вряд ли Илана сама отправится на кухню... Интересно, есть ли у нее слуги? Нужно будет уточнить. – Вы навели меня на одну мысль. Надо будет кое-что проверить.

В общем-то, разговаривать с Эрихом мне было больше не о чем. Не так уж он много знал, а все, что знал, уже рассказал... Но и уходить почему-то не хотелось. Впрочем...

– Расскажите о себе, – попросила я.

– О себе? – удивился Эрих. – Зачем вам это?

– Пытаюсь понять господина Шлосса, – хмыкнула я.

– Ну, если так... – улыбнулся Эрих. – Только рассказывать особенно нечего. Наше поместье тут неподалеку. Отец дружил с дядей Вереном чуть не с детства, так что я считал его родственником. А когда со мной случилось несчастье, дядя Верен очень мне помог. Я ведь всерьез хотел наложить на себя руки... – Эрих вздохнул. – А потом подумал: если бы меня не сбросила лошадь, отец бы не отступился в своем желании сделать из меня свое подобие... Он, госпожа Никс, был неплохим человеком. А еще отлично ездил верхом, натаскивал собак, охотился, фехтовал и стрелял. Он хотел, чтобы я стал таким же...

– А вы не хотели, – кивнула я.

– Я не хотел, – эхом отозвался Эрих. – Только меня не больно-то спрашивали о моих желаниях. Так вот, к чему я веду... Если не та лошадь, так что-нибудь другое непременно приключилось бы. Например, на охоте я бы нарвался на кабана или медведя. Тогда бы мне точно пришел конец... – Он усмехнулся. – А так... я, по крайней мере, могу заниматься любимым делом...

– Я слышала, ваш отец умер, – осторожно заметила я. – У вас есть еще какая-то родня, так?

– Вы ведете к тому, что кому-то нужна именно моя смерть? – уточнил Эрих, чем немного меня удивил. Хотя... я окинула взглядом книжные шкафы: прочтя столько авантюрных романов... Да и не так сложно было догадаться. – Нет, госпожа Нарен, я здесь точно ни при чем. Да, я был единственным наследником моего отца. Только я добровольно отказался от наследства в пользу родни. Мне-то все это ни к чему... – Он нахмурился. – Те родичи предлагали дяде Верену хотя бы платить за мое содержание, но он обиделся и приказал прогнать их со двора. Сказал, и сам справится...

– Ну что ж, с вами все ясно, – произнесла я. – Давайте поговорим о господине Шлоссе. И не только о нем. Что вы можете рассказать о его жене?

– Малене? – невольно вздрогнул Эрих. – Ну...

– Господин Шлосс сказал, что вы были в нее влюблены, – заметила я.

– При чем тут это?! – дернулся Эрих.

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, – сухо сказала я. – Я, напомним, являюсь независимым судебным магом и не обязана объяснять свои действия либо вопросы никому, за исключением нанимателя и Совета Коллегии магов.

– Простите... – выдавил Эрих, я явно напугала его резкой сменой тона. Впрочем, ему достало ума не обидеться. – Я просто не ожидал... Ну да, и это даже не тайна – я был влюблен в Малену... Ее все любили. Ее нельзя было не любить...

– Вы не рассчитывали на взаимность?

– Да что вы... – Эрих нервно рассмеялся. – Я же был вдвое моложе ее, и потом, она любила дядю Верена. Нет, я ни на что не надеялся. Просто радовался, что она есть. Малена была нашим солнцем... А потом, – он прикусил нижнюю губу, – потом это солнышко закатилось... Госпожа Никс, возьмите, пожалуйста, вон ту папку, с серыми лентами. Посмотрите, а я пока расскажу...

Я перебирала рисунки и слушала Эриха. На рисунках была Малена Шлосс. Малена, Малена, Малена, то одна, то с детьми, то с мужем, веселая, задумчивая, рассерженная, но никогда – печальная. Я уже поняла – это была женщина редкостно жизнелюбивая и сильная характером. Должно быть, они со Шлоссом составляли отличную пару...

Эрих негромко рассказывал все, что помнил, а помнил он немало, и я убеждалась в правильности своих выводов. Но больше, чем давно покойная Малена Шлосс, меня интересовал ее супруг. Встречаются же такие люди – и не по-одиночке, а вот так, парами... Шлосс в самом деле обожал жену и не забыл ее, похоронив. Помнил, любил, печалился, но не позволил светлой печали перерасти в черную тоску и отравить жизнь себе и детям. Да, в доме все осталось, как было при Малене, но он не стал пыльным склепом, предназначенным лишь для того, чтобы хранить память о покойной хозяйке. Да, Шлосс не женился во второй раз, не желая предавать память жены, но не стал женоненавистником... При жизни Малена Шлосс была светлым человеком, такой она осталась и после смерти. И понятно, в общем-то, почему Шлосс пригласил Эриха – не просто как сына старого друга, но и как человека, знавшего, помнившего и любившего Малену... Должно быть, Шлоссу было очень одиноко в большом старом доме, в особенности когда выросшие дети разъехались кто куда. Эрих же всегда оставался с ним...

– Теперь я, кажется, могу понять, почему господин Шлосс не вполне доверяет Илане, – заметила я, когда Эрих остановился перевести дыхание. Шлосс привык к искренности в словах и поступках, и игра Иланы, пусть даже превосходная игра, не могла не насторожить его. – Но я до сих пор не понимаю другого: зачем бы ей мог понадобиться весь этот спектакль?

– Я тоже долго над этим думал, госпожа Нарен, – сознался Эрих. – Может быть, она хочет женить дядю Верена на себе? Но ради чего? Нет у него никаких несметных богатств, ради которых стоило бы пойти на это... Да и наследники у него имеются, он вам говорил? Сын Марен, дочь Алисса и внуки... – Он нахмурился. – А когда начались все эти странности, я, грешным делом, подумал, не собирается ли кто-то выжить дядю Верена из дома? Но зачем?!

– Вот это-то меня и интересует больше всего, – негромко произнесла я, поднимаясь и возвращая папку с рисунками на положенное место. Ради чего? Зачем? Когда я узнаю ответы на эти вопросы, я раскрою это дело. – Спасибо вам. Вы многое прояснили для меня. Доброй ночи.

– Доброй ночи, – отозвался Эрих.

Ночью мне не спалось, как обычно, когда у меня имеется слишком много неструктурированной информации. Заснуть мне удастся, только когда я привожу все данные в мало-

мальский порядок, но сегодня дело не клеилось. По отдельности раздобытые мною сведения о Верене Шлоссе друг другу не противоречили, но вот Илана Тен и таинственные происшествия, в самом деле словно призванные выжить Шлосса из дома, никак не желали вписываться в общую картину. Либо Илана и вовсе тут ни при чем, во что мне не верилось, либо мне не хватает каких-то деталей, что много более вероятно. Нужен мотив... В конце концов мне надоело так и сяк вертеть всевозможные фантастические версии происходящего, я наложила сама на себя простенькое сонное заклинание и сумела наконец уснуть...

Следующие два дня не принесли ровным счетом никаких результатов. Я бродила по поместью и приставала с вопросами к каждому встречному. Предупрежденные Шлоссом, слуги в самом деле отвечали на любые мои вопросы, не то чтобы с особенной охотой, но правдиво. Уж правду от откровенной лжи я отличать умею, научилась за столько лет работы. Ничего нового я не узнала. Все без исключения хорошо относились к хозяину поместья, поминали добрым словом его жену и детей и недолюбливали Илану. Своим высокомерием красавица за короткий срок сумела восстановить против себя решительно всю челядь. Очень опрометчиво с ее стороны, надо сказать. Прислуга – не такая ничтожная величина, чтобы с нею не считаться, особенно если слуги не конфликтуют между собой и готовы дружно выступить на защиту любимого хозяина.

Я была права – у Иланы имелся слуга, один-единственный. Более чем странно для нейры, какой она себя заявляла. Где же это видано, чтобы дама путешествовала даже без горничной! Я уже не говорю о парочке лакеев и кучере – Илана ведь прибыла в карете. Слуга же ее – увидеть мне его удалось лишь издалека, этот субъект упорно избегал общения со мною, что наводило на дополнительные подозрения, – отнюдь не казался мастером на все руки, способным и обиходить лошадей, и зашнуровать хозяйке корсет. Если честно, больше всего он походил на верного телохранителя, что, конечно, вписывалось в изложенную Иланой версию о том, что она, знатная дама, в силу обстоятельств вынуждена была от кого-то бежать и скрываться в глуши, но никак не объясняло его нежелания общаться со мною. Впрочем, и со здешними слугами этот человек почти не разговаривал, что отнюдь не способствовало зарождению хорошего к нему отношения.

Что касается пресловутых таинственных происшествий, то со времени моего появления в поместье шаловливые духи определенно притихли: своими глазами я не увидела ни одного проявления действия потусторонних сил. Правда, затишье наступило только в господских покоях, на кухне же по-прежнему творились всякие безобразия. Одну из поварих чуть не обварило кипятком из невесть с чего перевернувшегося котла, девочка-посудомойка ухитрилась разбить половину обеденного сервиза, хотя до той поры не кокнула ни единого блюда, за что ее особенно ценили, а несколько кушаний оказались безнадежно испорченными. Заглянув как-то на кухню, я провела тщательнейшее обследование помещения и обнаружила признаки чьего-то осторожного магического воздействия. Однако эти следы заметно отличались от фона, исходящего Иланой, что только укрепило меня во мнении – ее слуга на самом деле никакой не слуга, а напарник.

Крайне хотелось взять красавицу Илану за нежное брюшко и устроить ей допрос с пристрастием, однако повода для этого она до сих пор, увы, не давала. С еще большим удовольствием я бы тесно пообщалась с ее неуловимым слугой, с ним-то уж я бы церемониться не стала, но демаскироваться раньше времени не хотелось. Если я спугну этих двоих, они вполне могут испариться, но это не значит, что с ними исчезнет и опасность, угрожающая Шлоссу. А в том, что эта опасность реальна, я уже почти не сомневалась.

Я облазила весь дом и все окрестности, но не нашла ровным счетом ничего, на что могли бы польститься преступники. Хотя, возможно, я просто не там и не то искала...

Дело осложнялось еще и тем, что судебная чиновница, какой бы дотошной и въедливой она ни была, не могла слишком долго оставаться в «Яблонях». И так уже я большую часть

дня болталась по округе, делая вид, что в очередной раз отправилась пообщаться с соседом Шлосса, тем самым, с которым шла тяжба относительно какого-то лужка. Еще немного, и мне придется несолоно хлебавши возвращаться в город... Надо ли говорить, что такая перспектива меня совершенно не устраивала!

Моя интуиция подсказывала мне, что и Илана не слишком заинтересована в затягивании событий. Сия достойная дама с каждым днем делалась все более нервной, со мной разговаривала, с большим трудом не переходя ту грань, за которой знатные дамы забывают о своих великолепных манерах и вцепляются противнице в волосы, как простые торговки, а Шлоссу устраивала настоящие семейные сцены. Я определенно мешала осуществлению ее плана, каким бы он ни был. Так что же, подождать, пока Илана сорвется и допустит какой-либо прокол, или форсировать события? Второй вариант мне нравился куда больше, поэтому я стала ждать подходящего случая. Таковой вскоре последовал, нужно было только правильно им воспользоваться...

В один прекрасный день по дороге, ведущей мимо имения Шлосса, проехал одинокий путник, а я очень удачно повстречала его во время очередной верховой прогулки, совершаемой в гордом одиночестве. Молодой человек банально удирал от некоего взбешенного мужа, чье чело украсили ветвистые рога, и очень сокрушался по тому поводу, что не успел захватить с собой ни денег, ни даже смены белья. Я решила, что Шлосс не обеднеет, приютив этого бойкого юношу на ночь, ссудила пылкого любовника десятком аров и снабдила несложным поручением. Шлосса я, конечно, предупредила о задуманном через Эриха – наедине я с хозяином имения старалась не встречаться, чтобы не вызывать у Иланы лишних подозрений. (Честно говоря, эта игра в кошки-мышки уже стала мне надоедать: я предпочитаю раскрывать уже совершенные преступления, а не искать то – неведомо что, но деваться было некуда.)

На следующее утро молодой человек, заметно повеселевший и немного разбогатевший, покинул «Яблони», а в доме началась легкая суета. Проветривались и протапливались комнаты правого крыла, вытряхивались и сушились перины, вынималось свежее постельное белье, дрались полы и протирались окна. На резонный вопрос Иланы о том, что, собственно, происходит, Шлосс, сияя, показал ей письмо, написанное изящным женским почерком (пришлось серьезно потрудиться, обычно я пишу как курица лапой), и изложил новости. Оказывается, живущая в городе Алисса, дочь Шлосса, с нарочным передала отцу записку. Она, видите ли, в последнее время стала неважно себя чувствовать, и врачи предписали ей для поправки здоровья полный покой и свежий воздух, а где же получить все это, как не в родном имении! Таким образом, выходило, что Алисса с двумя детьми сразу после праздников прибудет в «Яблони» и поселится в нем на неопределенно долгий срок, а муж ее, конечно, станет навещать любимую жену, по меньшей мере раз в неделю. Шлосс сиял неподдельной радостью (в этом кругленьком человечке дремал недюжинный актерский талант), что и немудрено: дочь он очень любил. Илана, узнав новости, заметно изменилась в лице. Присутствие в доме незаезжей чиновницы, которая не сегодня завтра уберется восвояси, а родной дочери Шлосса, готовой обосноваться тут надолго, явно не было ей нужно. Надеюсь, я не ошиблась в своих расчетах и Илана начнет действовать немедленно...

Я уже говорила, что привыкла полагаться на свою интуицию? Не подвела она меня и на этот раз.

Этим вечером старшая повариха, видимо, на радостях, расстаралась на славу: такой ужин украсил бы и королевский стол, не говоря уж о скромном помещике. Шлосс, впрочем, не замечал, какими яствами уставлен стол, и, не закрывая рта ни на минуту, трещал о своей любимой дочери Алиссе и не менее любимых внуках, сорванцах и негодях, отчаянно похожих на своего дядюшку Марена, того самого, что сбежал юнгой на корабле. Илана давилась нежным жарким, а я терпеливо ждала, что же выйдет из этого представления.

Когда на лестнице раздался грохот, я поняла, что все-таки не просчиталась...

– Что это? – переменялась в лице Илана, а Шлосс поспешил к двери. Я, конечно, последовала за ним, а вскоре к нам присоединилась и Илана.

Как выяснилось, причиной шума стал обрушившийся на пол портрет Малены Шлосс. На самого Шлосса жалко было смотреть, утешил его только тот факт, что полотно ничуть не пострадало, только перекосилась и треснула массивная рама. Шлосс приказал отнести картину к нему в спальню, а с утра вызвать мастера, чтобы починил раму, и мы вернулись к столу.

– Я-то уж думал, что все эти странные чудеса закончились, – удрученно сказал Шлосс. – И за что мне такое наказание?

– И верно, вы не похожи на грешника, – поддакнула Илана и зачем-то потребовала моего согласия: – Не так ли, госпожа Никс?

– Не могу судить, – ответила я, на минуту перестав жевать. Готовили у Шлосса изумительно, даже моя кухарка Рима не могла тягаться с его поварихой. – Случалось мне встречать закоренелых преступников с поразительно невинной внешностью, а также звероподобных людей с душой нежной и чистой... Так что гадать, кто на кого похож, – занятие неблагодарное, нейра Тен.

Илана натянуто улыбнулась и принялась ковыряться в тарелке. Шлосс попытался сменить тему и не нашел ничего лучше, кроме как сказать:

– Госпожа Никс, отведайте-ка вот это блюдо!

– А что это? – поинтересовалась я.

– О! – Шлосс расплылся в довольной улыбке. – Это любимое кушанье моей жены. Случалось, Малена сама его готовила, и, право слово, нынешняя повариха ей в подметки не годится. Делается оно очень просто...

Как именно готовится это и в самом деле аппетитно выглядящее блюдо, Шлосс рассказать не успел. Внезапно со звоном распахнулись окна, порывом ледяного ветра – на улице определенно собиралась метель – задуло все свечи, так что единственным источником света остались рдеющие в камине угли да неверный свет едва проглядывающей сквозь рваные тучи луны.

– Ч-что это?! – вскрикнула Илана голосом женщины, готовой упасть в обморок немедленно, как только почувствует, что ее готов подхватить кавалер. Ни разу не видела, чтобы благородная дама рухнула без чувств на пол. Обычно в таких случаях красавицы или продуманно опускаются на кушетку, стараясь не измять платье, или виснут на руках у случившегося поблизости подходящего мужчины.

– Сейчас я закрою окна... Должно быть, задвижка... – начал было Шлосс, но тут в темном прямоугольнике распахнутого окна появилась зеленоватая полупрозрачная фигура. Ощутимо – для меня – веяло магией. Это определенно не Илана, она сидит совсем рядом со мной, я бы заметила, возьмись она за работу... Значит, все-таки это ее слуга. Приятно сознавать, что я не ошибалась!

– Верен... – прошелестел женский голос, и светлая фигура начала движение по направлению к нам.

– Кто это?! – взвизгнула Илана хорошо поставленным голосом. Для по-настоящему перепуганной женщины тон у нее был слишком уверенным.

– Верен... – продолжала шептать фигура в изумрудном. Тут очень кстати, видимо, раздутые ветром, ярко полыхнули угли в камине, и стало возможно различить лицо гостыи.

Верен Шлосс схватился за сердце, Илана начала клониться со стула, не теряя, однако, сознания: на нас надвигалась Малена Шлосс, словно бы сошедшая со своего портрета.

– Малена?... – прошептал Шлосс, пораженный до глубины души. – Ты?! Но как?..

– Зачем ты тревожишь меня, Верен?... – печально прошептала женщина, и полупрозрачную фигуру колыхнул очередной порыв ветра. Безобразная работа, настоящий призрак от

ветра не колеблется, это всем мало-мальски приличным магам известно! А вот иллюзия – та может... – Зачем ты зовешь меня?..

– Зову? – Шлосс опешил и явно позабыл, что беседует с привидением. – Как?.. О чем ты?!

– Ты не даешь мне упокоиться с миром... – шептала Малена, придвигаясь все ближе. По ногам дул холодный ветер, и легко можно было поверить, что это – проявление потусторонних сил. – Каждый день, каждый час ты, Эрих, все в этом доме вспоминают меня, тревожат меня, зовут меня... Сам этот дом – моя тюрьма, Верен!

– Не понимаю... – На Шлосса было жалко смотреть.

– Здесь, – призрак Малены обвел рукой комнату, – все остается так, будто я еще жива...

Но я умерла, Верен! Отпусти меня!

– Как?.. – помертвевшими губами прошептал Шлосс. Бедолага явно готов был поверить в это безобразие...

Илана постепенно становилась из пепельно-бледной изжелта-зеленой, наверно, заранее приняла слабое рвотное средство: я еще не встречала ни одной актрисы, способной менять цвет лица по своему усмотрению. Я же искренне наслаждалась спектаклем.

– Отпусти меня, – бубнило привидение. Черты лица Малены то и дело искажались, превращая милую женщину в отвратительное чудовище. Паршивый иллюзионист из этого слуги! – Оставь меня...

– Но как это сделать? – дозрел Шлосс.

– Все... все... все держит меня... – хныкал призрак. – Портреты... рисунки Эриха... Дом... Огонь, огонь очистит все!..

– Огонь? – Шлосс на минуту пришел в себя.

– Сожги, сожги все, отпусти меня на свободу! – взмолился призрак с лицом Малены. Эх, вот кого бы дед мог с чистой совестью назвать ремесленниками и дилетантами! Зря Илана не расспросила как следует Эриха, не догадалась, должно быть: призрак был одет, в точности как Малена на портрете, а Эрих рассказал мне, что у Малены никогда не имелось такого придворного платья и драгоценностей, он их придумал. Но откуда было об этом знать парочке заговорщиков? Впрочем, Шлосс никаких несообразностей не замечал.

– Сжечь дом? – потерянно произнес он. – Но... как же дети? Это же им...

– Пойдите! – ринулась в бой Илана, определенно заметив, что Шлосс колеблется. С этим «сожги все» поделницы явно дали маху. – Пойдите, но... разве обязательно уничтожать все? Может быть, только портреты...

– Дом... дом... – стонал призрак.

– А если я... если я выкуплю имение у господина Шлосса? – проявила недюжинную догадливость Илана. Для находящейся в полубоморочном состоянии дамы она очень неплохо соображала. – Сменю всю обстановку, решительно все! Это поможет?

– Не знаю... не знаю... – вздыхал призрак, медленно тая. – Верен, отпусти меня... Ради нашей любви, отпусти меня на свободу...

Илана судорожно всхлипнула, Шлосс глухо простонал, и на этой душераздирающей ноте призрак наконец испарился. Ветер наметал у подоконника небольшие сугробы. Воцарилась мертвая тишина, которую разорвал громкий звук – я от души аплодировала, не забывая, впрочем, о мерах предосторожности: кто знает, чего ждать от этих горе-артистов?

– Госпожа Никс? – встрепенулся Шлосс. – Что...

– Позвольте, я закрою окна, холодно, – сказала я, поднимаясь, и, обогнув окаменевшую Илану, плотно притворила створки. Слугу Иланы я все-таки выпесила, он даже и не думал таиться, полагая, что засечь его некому. Пускай постоит на морозе, скованный моим ловчим заклинанием. Помереть не помрет, но поймет целый букет приятных ощущений. Я с ним еще побеседую...

Я вернулась к столу, неторопливо зажгла свечи и уселась на свое место.

– Вот теперь можно и поговорить.

Шлосс поежился в своем кресле и вытер лоб трясущейся рукой. Илана улыбалась, как фарфоровая кукла.

– Значит, вы, нейра Тен, готовы выкупить имение нейра Шлосса, – подвела я итог. – За полцены, надо думать?

– Что вы! – отмерла Илана. – Я... сейчас я в несколько стесненных обстоятельствах, но как только они разрешатся, а это произойдет очень скоро, я дам за имение полную цену!..

– Если нейр Шлосс согласится его продать, – заметила я.

– Но вы же слышали...

– О да! – Я усмехнулась. – Чего я только не слышала... Нейр Шлосс, вы в порядке? Выглядите вы неважно.

– Да, госпожа Никс, я в порядке... – отозвался Шлосс и налил себе вина. – В моем возрасте такие испытания – это несколько чересчур... Малена... кто бы мог подумать...

– Верен, но вы же не собираетесь в самом деле сжечь дом? – с хорошим чувством момента вступила Илана. – Право, не стоит! Сперва нужно испробовать другие способы...

– А? – опомнился Шлосс. – Нет-нет! Сжечь дом – что за чушь! Малене бы такое никогда и в голову не пришло. Она всегда мечтала, чтобы тут жили наши внуки и правнуки!

Илана заметно переменилась в лице, а я едва сдержала улыбку. Эти интриганы не на того нарвались, Шлосс отнюдь не такой рохля, каким кажется на первый взгляд. Однако пора и мне высказаться...

– Ну что же, нейр Шлосс, я думаю, вы получили все доказательства того, что первопричиной происходящих в вашем доме таинственных событий является эта милая дама и ее слуга, – произнесла я, с удовольствием закуривая. Илана уставилась на меня с неподдельным ужасом, уж не знаю, что его вызвало: моя трубка (до того она меня курящей не видела) или мое заявление. – Слугу я вам потом продемонстрирую, он на улице. Если хотите, я изложу вам свою версию событий.

– Да, конечно, госпожа Никс, – чутьчку воспрянул духом Шлосс.

– Как я и предполагала, злоумышленникам зачем-то непременно нужно ваше имение, – сказала я. – Право, пока не знаю, кто в этой паре верховодит, но отчего-то мне сдается, что «слуга». Хотя, возможно, есть и еще кто-то. Так или иначе, тут присутствуют только двое, о них и будем говорить. – Я поудобнее устроилась в кресле и продолжила: – Операция продумана неплохо. Очевидно, рассчитывая на то, что вы как писатель являетесь человеком впечатлительным, с богатым воображением, появление этой пары в вашем доме обставили весьма романтическим образом: прекрасная женщина, бегущая невеста от кого или от чего, просит пристанища и защиты. Вы как человек благородный отказать ей не смогли. – Шлосс утвердительно кивнул. – Более того, чтобы заинтересовать вас уж наверняка, исполнительницу главной роли подобрали такую, чтобы походила на героиню ваших книг. Не знаю уж, специально искали или это удачное совпадение. Кстати, – обратилась я к Илане, – сдается мне, волосы у вас крашеные.

Илана стиснула зубы, но промолчала. Я довольно улыбнулась и заговорила снова:

– Опять-таки в расчете на вашу впечатлительность продумана и остальная часть операции. Якобы заведшийся в доме призрак, мелкие шалости которого доставляют множество неудобств, должен был создать необходимую атмосферу, заставить вас нервничать и подготовить к финальной сцене, которую мы только что имели удовольствие наблюдать. – Я поджала губы. – Вам является призрак вашей жены и отчего-то упорно настаивает на том, чтобы вы расстались с вашим имением. Неважно, каким способом: спалив ли его дотла или продав этой очаровательной даме, на что, я думаю, она сумела бы вас уговорить. Увы, – я снова обратилась к Илане, – вы несколько просчитались. Очевидно, вы никогда не встречались с настоящими призраками. Впрочем, обывателя ваш трюк мог бы провести. Вы же не могли знать, что гос-

подин Шлосс окажется человеком не только впечатлительным, но и практичным и обратится к профессионалу, чтобы расследовать эти загадочные происшествия.

– И к тому же этот призрак совсем не походил на Малену, – встрял Шлосс. – То есть сперва я почти поверил, но потом... Люди не должны меняться после смерти, так ведь, госпожа Никс? А это... гм... создание говорило совсем не как Малена...

– Вы немного заблуждаетесь, – мягко заметила я. – Человек и его призрак – совсем не одно и то же, но не будем сейчас вдаваться в скучные подробности. Скажу лишь, что удерживаемый на этом свете слишком яркими воспоминаниями близких дух человека – сюжет для романа, не более того.

Я могла бы прочитать обширную лекцию на тему «Призраки, привидения, неупокоенные души: их признаки, обычаи и методы борьбы с ними», но решила не утомлять слушателей. Скажу вкратце: вызывать души умерших рискуют немногие, и еще у меньшего количества это получается, причем даже они сами не могут быть вполне уверены, что именно они вызвали: правда ли дух умершего человека или нечто, лишь принявшее вид этого человека. Тема это достаточно скользкая. Могу сказать лишь одно: присутствие настоящего привидения, призрака или какого-либо духа в доме для опытного мага очевидно. В этом же имении я ничего подобного не наблюдала. Призрак Малены был всего лишь иллюзией, под этим я готова была подписаться обеими руками.

– Таким образом, – подвела я свою мысль к завершению, – я пришла к выводу, что некто крайне заинтересован в приобретении «Яблонь» и почему-то выбрал для этого весьма замысловатый путь. В этом мнении меня укрепил тот факт, что недавно вашему соседу, нейр Шлосс, тому самому, с которым вы судитесь, неким человеком, подозрительно похожим на слугу госпожи Тен, было сделано весьма заманчивое предложение о покупке его земель. – Это я выяснила, побеседовав с тем самым соседом. Если уж я играю какую-то роль, пусть даже судейской чиновницы, то делаю это на совесть. – Он пока пребывает в раздумьях, но, думаю, не согласится. Он, как я поняла, разводит племенных лошадей, и эти земли ему нужны. Вы же, надо думать, и размышлять бы не стали.

– Нет, конечно, – удивленно произнес Шлосс. – Зачем мне продавать «Яблони»?

– Вот-вот. – Я вздохнула. – Поэтому к вам решили найти другой подход. Полагаю, если расспросить других ваших соседей, вполне может оказаться, что предложение о продаже земель получил не один из них. Единственное, чего я пока не могу назвать со всей определенностью, – так это причин охоты за этими землями. Предполагаю, однако, что искомое кроется скорее под землей, нежели над землей, поскольку здешние места совершенно ничем не примечательны ни с военной, ни с коммерческой точки зрения.

Илана неожиданно рассмеялась. Смеялась она долго, чуть не до слез. Я терпеливо ждала, пока женщина успокоится, но, когда смех Иланы начал переходить в повизгивание, поняла, что та вот-вот впадет в истерику, и хладнокровно выплеснула Илане в лицо стакан воды. Отличное успокоительное средство, действует практически безотказно.

– Вы... ох! – Илана утерлась рукавом. – Самого главного-то вы, паршивая ищейка, и не поняли!..

Если Илана хотела меня оскорбить, то зря она выбрала сравнение с собакой. Собак я весьма уважаю, в особенности своих, если так можно выразиться, коллег: королевских ищеек, зверей сильных и умных. Если такая ищейка берет след, сбить ее с него очень и очень сложно. А если собака вцепится в преступника, шансов отбиться у того практически не остается.

– Это мелочи, – ласково улыбнулась я. – Состав преступления налицо, а о конкретных целях вы расскажете на суде. Впрочем, можете и прямо сейчас, нейру Шлоссу, наверно, любопытно.

Тот кивнул. Ему и правда было интересно. А Илане определенно хотелось поделиться сведениями. Случается такое с только что пойманными преступниками.

– Тут... – Илана ткнула пальцем в пол. – Тут настоящее золотое дно. Далли... мой напарник... он неплохой ученый, хоть маг и никудышный. Он высчитал, что здесь, под всеми этими землями, должна залегать железная руда, понятно вам? Он привез меня сюда, чтобы я проверила, – и это оказалось правдой!

Ага, значит, вот что это за фон. Я не ошиблась, это прикладная магия. Илана – рудознатица, часто попадающаяся разновидность слабеньких узконаправленных магов. Интересная, однако, картина...

– У Далли есть капиталец... – Илана налила себе вина и залихватски опустошила бокал, отбросив великосветские манеры. Похоже, она такая же нейра, как и я. То есть никакая. – У меня тоже кое-какие сбережения имеются. Мы решили сперва скупить столько земель, сколько сможем, а потом уж заявить об открытии...

– Неплохой способ делать деньги, – кивнула я.

Однако... Залежи железной руды в непосредственной близости от столицы! Почему же ее раньше не обнаружили? Просто не могли предположить такой возможности? Вряд ли...

Тем не менее это открытие может перевернуть всю экономику королевства. Не то чтобы у нас имелась нехватка руды, но добывалась она в основном на восточных окраинах Арастена, там же располагались предприятия по переработке. В столицу и другие города везли уже не сырье, а железные болванки. Хм... и чем это чревато? Восточные «железные нейры» потеряют значительную часть клиентуры, сконцентрированной в основном в центре страны, да и порт здесь рядом, вывозить металл на экспорт будет выгоднее из наших краев, а не с востока. Полагая, Его величество Арнелий будет размышлять примерно в том же ключе: нарушение хрупкого равновесия нам сейчас совсем ни к чему, а потому нечего и заикаться о разработке нового месторождения. Хотя на заметку его взять стоит...

– Скупить земли, а потом продать втридорога, – вздохнула я. – Как банально!

– Все зарабатывают, как могут! – окрысилась Илана и повернулась к Шлоссу: – Слышите, вы? Теперь вы все знаете! Вы сидите на мешке с деньгами, осталось только руку протянуть! Не хотите продавать имение, так наймите рабочих, пускай копают... Рыть надо с северо-запада на юг, аккуратно вдоль того большого оврага!

– Под моим садом? – удивленно приподнял брови Шлосс.

– Да, под вашим дурацким садом, которым вы мне все уши прожужжали!

– Но, чтобы... э-э-э... копать, как вы говорите, придется выкорчевать деревья?.. – усомнился Шлосс.

– Ну конечно! – Илана посмотрела на Шлосса, как на душевнобольного. – До вас наконец дошло? Слушайте, Верен, мы ведь неплохо ладили... – Сейчас она снова выглядела великосветской дамой, созданной соблазнять. – Мы с Далли возьмем вас в долю, тут на всех хватит. – Илана зазывно улыбнулась. – Вы ведь простите мне этот маленький спектакль? Простите, я знаю, вы великодушный человек! Только отошлите эту ищейку, ведь расследование инициировали по вашей просьбе, так? Если вы откажетесь от своего заявления, его прекратят! Сделайте это... ради меня... – Под таким взглядом и статуя бы расплавилась, что уж говорить о мужчине, но Шлосс не дрогнул. Он о чем-то усиленно думал. – Так вы согласны? – позвала Илана и торжествующе взглянула на меня. Я терпеливо ждала, чем закончится дело.

– Нет, – твердо ответил Шлосс. – Мой сад я тронуть не позволю.

Илана на мгновение онемела, а я залюбовалась Шлоссом.

– Да поймите, дурацкий вы человек, вы же озолотитесь! – предприняла новую попытку Илана. – Сколько там приносит этот ваш сад? Сущие гроши в сравнении с тем, что вы могли бы получить!

– Озолотиться? – недоуменно спросил Шлосс. – Но зачем? Мне хватает, дети обеспечены, чего же еще?

Илана снова потеряла дар речи, а я решила, что пора заканчивать этот фарс.

– По-моему, здесь все ясно, – сказала я. – Вы, именуемая себя Иланой Тен, а также ваш сообщник, поименованный Далли и выдающий себя за вашего слугу, арестованы и будете содержаться под стражей до решения суда. Имение нейра Шлосса, а также земли его соседей с этого момента находятся под защитой Его величества и вплоть до особого его распоряжения не могут быть проданы или переданы в дар кому бы то ни было.

– Не выйдет! – торжествуя воскликнула Илана. – Вы сами говорили, что ваш ранг позволяет вам выносить решения только по общегражданским делам, не затрагивающим интересы короны! А это – затрагивает, и еще как! И вы не можете говорить от имени короля!

– Вы правы, – спокойно ответила я. – Чиновница третьего ранга Флосси Никс не имеет права принимать решения по этому делу. Но, к счастью, компетенции независимого судебного мага Флоссии Нарен для этого хватает с лихвой.

Я замолчала, наслаждаясь произведенным впечатлением. С независимым судебным магом, работающим по заданию короля, мало кто отважится поспорить. А то, что король об этом расследовании ни сном ни духом, я афишировать не собиралась. Впрочем, думаю, Арнелий не очень обидится, узнав, что я решила побыть его голосом. Наши мнения по большинству позиций полностью совпадают.

Илана пыталась что-то еще говорить, но я перебила:

– Нейр Шлосс, если не хотите смущать даму, лучше отвернитесь. Я намерена ее обыскать.

При обыске у очаровательной Иланы обнаружилось шестнадцать магически заряженных безделушек, в общей сложности тянувших года на три заключения за нарушение закона о хранении и применении боевых артефактов. Хорошо еще, она ни один не успела активировать, не то бы имению не поздоровилось. Что ж, отягчающее обстоятельство – это хорошо. Думаю, у господина Далли тоже найдется нечто, что поможет утопить эту парочку окончательно...

...Как я рассчитывала, так и вышло. На следующее утро Шлосс лично проводил меня в город. Илана и Далли путешествовали под охраной нескольких дюжих слуг Шлосса. В столице я передала их с рук на руки своим коллегам из заведения для особо опасных преступников, а сама отправилась испросить аудиенции у Его величества и, конечно, немедленно ее получила. После взаимного расшаркивания и поздравлений с прошедшими праздниками Его величество осведомился, что привело меня к нему, а я изложила ему историю с имением Шлосса во всех подробностях. По мере течения моего рассказа Его величество несколько раз менялся в лице, но когда я дошла до заключительной сцены, заметно успокоился. Как я и предполагала, мои действия были полностью одобрены, а полчаса спустя после моего доклада свет увидел указ, согласно которому подробно перечисленные земли уже официально переходили под защиту короны. Конечно, теперь нелегко придется наследникам Шлосса и его соседей: продать эти угодья абы кому или же самим начать разработку теперь не получится, на это потребуется личное разрешение Его величества. Думаю, когда-нибудь все эти имения перейдут в собственность короны, но это произойдет еще не скоро. Тем не менее Арнелий и особенно его казначей теперь не упустят из виду эту маленькую сокровищницу, так неожиданно обнаружившуюся прямо под боком. Сдается мне, об этом месторождении все же знали, но предпочли позабыть из тех же соображений, которыми руководствовалась я.

Что до Иланы и Далли, их судьба меня мало интересовала. Несколько лет заключения – вот все, что им грозило, больше за мошенничество и хранение боевых артефактов не дают. Хотя... с учетом того, что им известно... Полагаю, на волю они выйдут еще не скоро, если вообще выйдут. Но это уж совсем не мое дело...

...Шлосс встретил меня у дворцовых ворот.

– Я хотел бы еще раз поблагодарить вас, госпожа Нарен, – сказал он. – Кто бы мог подумать... Все началось с привидения, а закончилось делом государственного масштаба...

Я только улыбнулась.

– Ах да, чуть не забыл, – спохватился Шлосс и протянул мне какой-то сверток. – Эрих просил передать вам вот это...

Я развернула плотную оберточную бумагу – под ней таился рисунок, изображающий... меня. Хм... На портрете я получилась несколько привлекательнее, чем являюсь на самом деле. Должно быть, Эрих все-таки не удержался и приукрасил действительность. Впрочем, моя красивая улыбка (тоже семейная черта) ему удалась на славу.

– Передайте Эриху мою благодарность, – сказала я. – Очень мило с его стороны.

Шлосс кивнул и собрался было уходить, но неожиданно вернулся.

– Госпожа Нарен, – произнес он. – Я хотел бы узнать: вы не возражаете, если я опишу эти события в своей новой книге?

– Никаких имен, – предостерегла я. – И никаких упоминаний об этом месторождении.

– О, конечно, – взмахнул руками Шлосс. – Да и потом, я же известный выдумщик, никто не примет это всерьез! А охотиться мошенники будут, скажем, за спрятанным в подземельях под старинными именами кладами...

«Что ж это за подземелья такие, – подумала я, – что простираются на несколько дней пути?» Впрочем, зная фантазию Шлосса, я могла с уверенностью сказать, что книга получится более чем занимательной.

– Пишите, – сказала я. – Только сделайте милость, позвольте мне быть первым читателем. Я хочу иметь возможность исключить любые намеки на реальные события.

Шлосс клятвенно заверил меня, что я увижу рукопись первой, с чем и отбыл в свое имение, а я отправилась домой.

Дома на столе для корреспонденции меня ожидала записка от деда, гласящая, что ежели мне впредь придет в голову оповестить престарелого родственника о своих планах, то пусть я делаю это лично, а не присылаю какого-то недоумка в гвардейской форме, который двух слов связать не может, не говоря уж о том, чтобы ответить на дедовы вопросы. Я только усмехнулась. Бедный Лауринь! Похоже, попался деду под горячую руку, тот по привычке учинил ему натуральный допрос, а Лауринь, конечно, ничего не знал сверх того, что я ему соизволила сообщить. Вот уж точно, попал словно кур в ошип...

Кроме записки, на столе обнаружился небольшой подарок к празднику, зимний букет, традиционный как минимум для трех-четырех наиболее известных религий. Мне доводилось видывать роскошнейшие сооружения, а уж какие букеты украшали королевский дворец, и описать трудно. Этот же букетик был очень прост: две изящно изогнутые веточки «вдовьих слез», украшенные алыми ягодами, особенно яркими на фоне темной хвои черноигольника, и засушенное нежно-золотое соцветие шароцветника. Букет был составлен просто и со вкусом, хотя ни в одну цветочную лавку его бы не приняли: такие плебейские растения впору дарить крестьянкам, а не знатым дамам. С чего бы это деду вдруг вздумалось посылать мне подарки, да еще исполненные собственноручно? Или букет вовсе не от него? Тогда от кого? Эта загадка мне оказалась не по силам, я наказала себе спросить у деда, не он ли прислал мне букет, когда в следующий раз его увижу, после чего злосчастный подарок перекочевал в медную вазочку на каминной полке, а я отправилась к себе...

Шлосс сдержал обещание, написав новый роман поразительно быстро, и прислал рукопись мне, чтобы я, если захочу, могла что-то вымарать или исправить. К его чести стоит отметить, что особенных правок вносить не пришлось, Шлосс очень удачно и с присущей ему выдумкой обошел участие в истории судебного мага. Конечно, готовящееся преступление и на этот раз разгадывал его любимый персонаж, по причине бурана застрявший в поместье скромного писателя. Интриговала, разумеется, несравненная Элейна Дор (а не никому не известная Илана Тен), которая опять ускользнула от правосудия, чтобы и дальше иметь возможность портить жизнь герою, а в зловещих подземельях таились несметные сокровища. Но менее увлекательной из-за этого отступления от истины книга не стала, о чем я не без удовольствия и

отписала Шлоссу. Еще больше украшали повествование иллюстрации Эриха Доржа – и вот за эту-то идею, случайно подаренную Шлоссу, мне стоило потребовать посвящения себе на титульном листе и проценты с продаж, но я решила, что не стану мелочиться...

Вот так закончилась история с небольшим поместьем, вокруг которого разыгрались нешуточные страсти. Праздники кончились, после них, как водится, осталось немало мусора, и выносить этот мусор, фигурально выражаясь, пришлось не только дворникам, но и мне с коллегами. Дворникам, к слову сказать, было проще: мишуру и ломаные ветки можно сгрести в кучу, вывезти подальше за город и сжечь, а вот с человеческим мусором так, увы, поступить нельзя, хотя порой и очень хочется... Так или иначе, но скучать мне было некогда, и продолжалось это чудесное время аккуратно до весны...

Глава 5

Весна в Арастене

Весна, как обычно в наших краях, выдалась сырая и холодная. Снег еще не стоял, с неба сыпалось невнятное подобие дождя, щедро перемешанного со снежной крупой, под ногами хлюпала жидкая грязь, деревья еще стояли черные и голые, и, если честно, более всего от такой погоды тянуло удавиться. Стоило ли удивляться, что именно по этой весенней мерзопакости в городе и разразилась эпидемия, да не чего-нибудь, а красной лихорадки, которой уже лет двадцать как нигде не было замечено!

По правде сказать, у красной лихорадки имеется научное название, длинное и зубодробительное. Однако обыватели по привычке классифицируют болезни по их внешним признакам, невзирая на принципиальные различия в их природе, и в результате у нас имеются лихорадка красная, лихорадка серая и лихорадка черная. Последняя, несмотря на устрашающее название, наиболее безвредна, просто больной ею выглядит так, словно извалялся в грязи. Самое серьезное осложнение после черной лихорадки – некрасивые обесцвеченные пятна на коже. Серая лихорадка уже серьезнее, отвратительного вида гнойники – еще самое безобидное ее проявление. От этой болезни без надлежащего ухода и лечения вполне можно протянуть ноги.

Ну а красная лихорадка – самая гадкая и прилипчивая болезнь из всех вышеперечисленных. Если хоть один человек в городе заболел – все, пиши пропало, эпидемии не избежать. Оставалось только гадать, откуда взялась эта мерзость: на всех въездах в столицу дежурили не только стражники и солдаты, но и маги-медики, для которых это – обязательная цеховая повинность. Любого подозрительного приезжего моментально отправляли в карантин, так что извне зараза пробраться вряд ли могла: период развития у красной лихорадки – меньше шести часов, заболевшего видно сразу, а если учесть, что в карантине у нас мог насидеться и богатый купец с банальнейшим насморком, и заезжий аристократ, то становилось ясно – халатность стражи тут ни при чем. С другой стороны, никто никогда не ставил себе целью разобраться, откуда возникает сия зараза, внимание все больше уделялось методам борьбы с нею. Вернее, так: когда возникала эпидемия, естественно, все силы бросались на ее подавление, и тогда уж было не до первопричин, а когда удавалось от болезни избавиться, все облегченно вздыхали и забывали о ней до следующей вспышки. Кроме исследования подобных заболеваний, обычно находилась масса более насущных проблем, да к тому же красная лихорадка стояла далеко не первой в списке смертельно опасных болезней. От нее, видите ли, можно было излечиться, например, с помощью квалифицированного мага-медика. А кроме того, многие выживали и так и после уж приобретали устойчивость к этой болезни. В общей сложности из сотни заболевших самостоятельно выживали около половины, правда, из этой половины часть оказывалась инвалидами – у кого напрочь отказывали мозги, кто слеп, кто глох, а у кого ноги переставали слушаться. Что и говорить, куда более привлекательная картина по сравнению, скажем, с эпидемией чумы. Той, правда, тоже уж давно не случалось, но зарекаться я бы не стала.

Итак, город мгновенно замкнул ворота, король Арнелий с семейством и приближенными забаррикадировался в своей загородной резиденции, которую очень удачно решил навестить за два дня до того, как разразилась эпидемия: туда никого не впускали, а оттуда никого не выпускали. В распоряжении короля имелись лучшие маги-медики, а потому бояться ему было нечего. Город же словно помер – дома настороженно примолкли, люди спрятались за наглухо затворенными ставнями и запертыми дверьми, хотя это препятствием заразе не являлось. По улицам ходили только вовсе уж отчаянные горожане, ну и маги-медики. В первые дни постигшего столицу несчастья цены на их услуги взлетели было до небес, однако быстро вмешалась Коллегия магов, обязавшая обнаглевших медиков оказывать услуги по обычным (ну разве что

самую малость увеличенным) расценкам и не отказывать никому из страждущих. Тем не менее магов не хватало – больных было слишком много, поэтому ситуация не сильно изменилась к лучшему после оглашения распоряжения Коллегии.

Бороться с этой заразой – занятие почти бессмысленное, поэтому оставалось только пережить. Через несколько недель в городе останется примерно половина жителей, которым придется заняться уборкой трупов. Но и после того долго еще будут жители подозрительно приглядываться к любому, на кого вдруг нападет почихота!

Эпидемии красной лихорадки всегда заканчивались так же неожиданно, как начинались. Известно было, что болезнь не передается ни через пищу, ни через воду, ни через предметы, только от человека к человеку. Город, в котором отбушевала болезнь, переставал представлять опасность для приезжих довольно скоро, хотя, полагаю, Его величество Арнелий перенесет от греха столицу в другой город. А может, и не перенесет, с него станется. Этот человек на редкость непредсказуем в своих поступках, а кроме того, скуп. После того как он угрожал столько средств на перестройку своего дворца, вряд ли он оставит сие здание из-за какой-то там лихорадки...

В свое время высказывались предположения, что красная лихорадка – болезнь магического происхождения, а не естественного. Однако могу со всей убежденностью сказать – это не так. У природы еще немало тайн от нас, посему непонятно, как возникает и почему прекращается эпидемия, но магии в этой болезни ни на грош. А что до распространения болезни магическим путем (скажем, для нейтрализации вражеских сил), то ни один мало-мальски приличный маг, будучи в здравом рассудке, не свяжется с такой непредсказуемой заразой.

Мне по понятным причинам заняться было совершенно нечем. В город никого не впускали, да и в любом случае потенциальные мои клиенты, скорее всего, предпочитали обходить столицу десятой дорогой. Ну а горожанам определено было не до проведения расследований, так что я сидела без дела. Ну, не вовсе уж без дела, наконец-то дошли руки разобраться кое в каких бумагах и привести в порядок самые ценные из своих записей (это благое намерение я пыталась было осуществить зимой, но бросила, как только нашла другое занятие; сейчас же делать было решительно нечего). Почерк у меня до такой степени скверен, что я порой сама с трудом его разбираю, когда же пишешь в буквальном смысле слова на ходу или же на собственной коленке – тут уж и вовсе заметки выглядят замысловатой тайнописью.

Болезнь ни меня, ни моих домочадцев не страшила. У магов в принципе повышенная устойчивость к любой заразе, я могу пройти по зачумленному городу и пообщаться с его жителями безо всяких для себя последствий. Ну а свое подворье я обработала определенным образом, чтобы не пришлось потом возиться с заболевшими слугами. К сожалению, на всю улицу, а тем более на весь город такие чары наложить было нельзя, для этого потребовались бы совместные усилия сотни магов моего уровня. Увы, необходимого количества коллег в наличии не имелось, поэтому пришлось ограничиться собственными владениями, в которых я и сидела безвылазно которые сутки.

Кухарка неслышно молилась каким-то богам в своей комнатухе, конюх пребывал там, где ему и было положено – на конюшне, доглядывая за лошадьми. Припасов в погребе нам троим, людям крайне неприхотливым, хватило бы до следующего лета, поэтому высовывать нос на улицу не находилось никакого повода, тем более что было там неудобно. Судя по дымным столбам, возникающим в небе то с одной, то с другой стороны, еще не заболевшие или, наоборот, уже выздоровевшие горожане принялись за уборку города, совершенно справедливо полагая, что заразу лучше всего выжигать огнем. Главное, чтобы весь город не спалили по своей ретивости. Хотя по нынешней погоде, пожалуй, дома так просто не загорятся – такое впечатление, будто все насквозь пропитано водой, дождь все не прекращается, мелкий, гадкий и холодный.

В одно такое промозглое утро у калитки кто-то постучался. Стучали в мою калитку нередко, и всегда с одной и той же просьбой – пойти и вылечить кого-нибудь. Приходилось вынужденно отказывать – у меня нет лицензии мага-медика на соответствующую деятельность. Это не значит, что я не умею лечить, однако плату за подобное действие обязана брать по расценкам, соответствующим моему статусу судебного мага, иначе не миновать неприятностей как с Коллегией, так и с цехом магов-медиков, которые очень трепетно относятся к посягательствам на свою клиентуру. К несчастью, ни один из обратившихся ко мне не мог позволить себе такой роскоши. Возможно, в царящей суматохе никто и внимания не обратил бы на нарушение правил, однако и создавать прецедент не хотелось.

Итак, в калитку постучали. Да не просто постучали, а отчаянно загрохотали, судя по всему, кулаком. Из кухни высунулась встревоженная Рима, крикнула конюху:

– Поди глянь, кто там такой нетерпеливый!

Сама она выбираться на улицу не собиралась, и правильно: лихорадка лихорадкой, однако можно и банальную простуду схватить, выскочив из теплой кухни под дождь.

– Кто? – мрачно спросил Дим, даже не подумав отпереть калитку. Выслушал неразборчивый ответ, озадаченно почесал в затылке и зашлепал по грязи к дому. – Госпожа! – окликнул он почтительно, не поднимаясь даже на крыльцо.

– Что там еще? – осведомилась я, поняв уже, что визитер к нам явился неожиданный. Выходить наружу не хотелось, но перекрикиваться с Димом было глупо, а в дом дальше прихожей он бы не вошел, потому как, по его скудному разумению, такие вольности конюху не положены.

– К вам, госпожа, гвардеец какой-то, – помявшись, доложил конюх. – Очень, значит, встревоженный. Как бы не случилось чего...

– Ну,пусти этого встревоженного, – вздохнула я, выходя под дождь и поплотнее запахиваясь в плащ. У меня уже зародились смутные предчувствия по поводу личности этого гвардейца. – Да не бойся, – добавила я, заметив колебания Дима, – зараза сюда не войдет.

Просветлев лицом, Дим снял засов с калитки, распахнул ее, и во двор ввалился неожиданный гость. Не тратя времени на предисловия, он рухнул передо мной на колени прямо в грязную лужу и открыл было рот, но осекся, увидев выражение моего лица.

– Нет, – сказала я, отступая на шаг и стараясь при этом не наступить в грязь. – Только не говорите мне, что...

К несчастью, все обстояло именно так, как я предполагала, и даже немного хуже. Очевидно, каким-то высшим силам было угодно снабдить меня постоянно действующим наказанием в лице лейтенанта королевской гвардии Лаурина... С одной стороны, могло быть и хуже, но с другой... Нет, хуже быть не могло!

Как и следовало ожидать, это ходячее несчастье подцепило красную лихорадку. Что удивительно, не на первый же день, а довольно много времени спустя. По словам старого капрала, который, как я помнила, всегда сопровождал незадачливого лейтенанта, пару недель тот еще ухаживал за заболевшими сослуживцами, пока его самого не свалила болезнь. Капрал, бывший, как я поняла, кем-то вроде дядьки при молодом господине, сперва думал, что обойдется, парень лейтенант молодой, сильный (тут я скептически усмехнулась), выкарабкается сам. Однако вскоре стало ясно, что нет, не выкарабкается. Я уже говорила – красная лихорадка болезнь коварная, бывает, после нее выживают старые и убогие, а бывает, что такие вот молодые и сильные умирают на второй день. Тогда капрал поднатужился, собрал все деньги, что имелись в доме, заложил почти за бесценнок своего мерина и коня Лаурина (в самом деле, кому сейчас нужны были лошади?) и пригласил к мальчишке мага-медика.

– И что же? – с некоторым удивлением спросила я. Обычно одного визита бывало более чем достаточно, чтобы излечить больного.

– А ничего, – насквозь промокший капрал, которого не без труда удалось заставить встать с колен, безнадежно махнул рукой. – Пришел, руками поводит, деньги взял. И правда, молодому господину лучше стало, веселый был, шутил даже... а на следующее утро опять свалился.

А вот это уже было совсем странно. Красная лихорадка рецидивов не дает, тем более после квалифицированного вмешательства. Очень интересно... Или капралу попался проходимец, выдающий себя за мага-медика (а за такое полагалось четвертование, к слову сказать), или что-то было не так с самим лейтенантом.

– Ну, а от меня-то вы чего хотите? – мрачно спросила я, хотя прекрасно знала ответ. Денег на то, чтобы еще раз заплатить магу-медику, у капрала больше нет, так что...

Капрал предпринял еще одну попытку повалиться передо мной на колени, но, к счастью, вовремя сообразил, что на меня такие представления не действуют.

– Госпожа Нарен, помогите, небом заклинаю! – дрожащим голосом выговорил капрал. Дождь все шел, и не разобрать было, то ли слезы катились по его вздрагивающим щекам, заросшим седой щетиной, то ли вода. – Все, что хотите, для вас сделаю, в рабство вам запродамся, вместо пса сторожевого буду, у порога жить стану, только спасите мальчика!

Я тяжело вздохнула. Видимо, высшие силы решили, что лейтенант Лауринь еще недостаточно испортил мне жизнь. Дед, конечно, осудил бы меня за мягкосердечие, но старого капрала мне было жаль, и куда больше, чем заболевшего лейтенанта...

– Ладно, – сказала я. – Дим, оседлай мне лошадь. И этому господину, – я кивнула на капрала, – тоже.

Капрал, просияв, все-таки бухнулся в грязь и попытался поймать мою руку, очевидно, с намерением поцеловать.

– Я поеду с вами с одним условием, – предостерегающе произнесла я, отступая на шаг. – Вы прекратите ползать на карачках, хватать меня за руки и благодарить. Терпеть этого не могу...

...Город выглядел весьма удручающе. Вернее было бы даже сказать, что от города почти ничего не осталось. Такой нарядный и гордый снежной зимой, сейчас он напоминал жалкие руины. Собственно, местами именно руины и виднелись на месте сожженных домов. В переулках мелькали какие-то тени, очевидно, мародеры, добропорядочные граждане не стали бы прятаться при виде гвардейского мундира, пусть даже изрядно заляпанного грязью. Где-то уныло выла собака, каркало воронье. Картина неприглядная, что и говорить. Хорошо еще, холодно, иначе непогребенные покойники давно бы уже смердели на всю округу.

Лейтенант, как выяснилось, обитал чуть ли не на другом конце города, на съемной квартире. По словам капрала, их соседи и домохозяева разбежались кто куда еще в самом начале эпидемии, и с тех пор их никто не видел. Лауриню деваться было некуда, поэтому он остался на месте.

Трехэтажный дом на первый взгляд выглядел вполне прилично, только на близком расстоянии становилось видно, что окна первого этажа выбиты, а в комнатах царит хаос. Видно, мародеры успели побывать и здесь.

Лейтенант занимал две крохотные комнатухи под самой крышей, а как он бредит, стало слышно уже на лестнице. Красная лихорадка всегда сопровождается сильнейшим жаром, и многие погибают даже не от самой болезни, а от того, что сердце не выдерживает такой нагрузки.

– Сюда, сюда, госпожа, – суетился капрал, провожая меня наверх. Мне пришлось пригнуть голову – до того тут был низкий потолок. Как можно существовать, когда крыша буквально лежит у тебя на голове, мне было решительно непонятно. – Здесь он...

– Вижу, – сказала я, окинув взглядом открывшуюся мне картину. – Что ж... Выйдите-ка отсюда. Если понадобится, я вас позову.

Капрал неохотно вышел за дверь и, полагая, остался тут же, на лестнице, чтобы в случае чего немедленно броситься на помощь своему господину. А любопытно все же... Кто такой Лауринь, если у него имеется эдакий верный пес? Таких вот дядек обычно приставляют к отпрыскам знатных фамилий: воспитывать мальчишек по мере сил, следить, чтоб те не шалили сверх меры, ну и для прочих надобностей. Когда обремененного длинной родословной юнца налаживали служить в гвардию, дядька обычно отправлялся вместе с ним, получал какой-нибудь младший чин, а по сути так и оставался нянькой при молодом господине. Выходит, мои выводы были верны и Лауринь в самом деле происходит из какого-то знатного рода... Вот только все более-менее известные семьи Арастена и соседних стран я помню наперечет, со всеми их запутанными родственными связями, но фамилия Лауринь мне определенно не встречалась. Из опальных он, что ли? Или служит не под своим именем? Хотя это вряд ли; такие, как этот мальчишка, больше всего зациклены на семейной чести. Впрочем, сейчас его родословная не имела никакого значения, потому как пребывающего в горячечном бреду владетельного князя отличить от простолюдина весьма затруднительно. Да и ни к чему, по большому счету.

Итак, что у нас имеется? Имеется у нас больной красной лихорадкой. На руках и на лице – характерные красные пятна, по которым болезнь и поименована. Жар такой, что на расстоянии чувствуется, можно и лоб не щупать. Пульс – тут уж пришлось взять Лауриня за руку, – а вот пульс мне совсем не понравился. Неровный, слишком частый, с перебоями... Сердце у мальчишки работало на износ и, похоже, готово было в любой момент отказать. Очень плохо. Заняться лечением следовало незамедлительно, однако я все тянула время.

Что-то здесь было не так. С одной стороны – классическая клиническая картина. С другой стороны... Я прощупала окружающую среду на предмет следов магического воздействия. Как я и ожидала, ничего, кроме вмешательства мага-медика, не обнаружилось. Маг-медик был настоящий, вмешательство – вполне квалифицированное, и мне было решительно непонятно, отчего это Лауринь, начав было выздоравливать, снова свалился.

– Мама?... – произнес вдруг хриплый голос, и, повернув голову, я встретила взглядом с лейтенантом. – Мама... ты...

«Неужто я настолько плохо выгляжу, что он перепутал меня со своей мамашей?» – мелькнула в голове неуместная мысль и сгинула. Лейтенант смотрел не на меня, а будто бы сквозь, в дальний угол. Впрочем, не думаю, будто он вообще хоть что-нибудь видел.

– Нет, я не хочу... – внезапно приподнялся Лауринь, все так же не сводя взгляда с пустого угла. – Мама, что ты! Я не могу! Как же девочки?... Ты же просила, чтобы я за ними... Я не могу с тобой пойти... мама... что ты... Не надо, мама!!

Тут Лауринь рванулся с такой силой, что, будь у меня реакция похуже, он выбил бы мне лбом пару зубов. Пришлось крикнуть капрала, и только вдвоем нам удалось повалить совершенно невменяемого мальчишку обратно на постель.

– Мать звал... – пробормотал капрал, со страхом поглядывая на меня.

– Звал, – сказала я сквозь зубы, нащупала нужную точку и резко нажала. Лейтенант разом обмяк, только невидящий взгляд по-прежнему был устремлен в пустой угол. Капрал вскинулся было, но я успокоила: – Не волнуйтесь вы, это чтобы он себе башку не разбил, если начнет буйствовать. Так что там с его матерью?

– Померла она, – неохотно ответил капрал. – Три года уж тому...

– Я так и думала, – ответила я. – Бредит...

Я замерла. Под пальцами по-прежнему бешено билась жилка на шее Лауриня. Вот что меня насторожило еще до того, как я увидела лейтенанта!

Красная лихорадка никогда не вызывает связного бреда. Никогда. Все, кто выжил, описывали свои ощущения одинаково: жар, багровая липкая муть, которая окутывает со всех сторон и не дает дышать, невнятные образы, но никогда никто не видел чего-то определенного.

Конечно, может оказаться, что Лауриню наплевать на все медицинские справочники, но это уж маловероятно.

– Это не красная лихорадка, – сказала я сквозь зубы. Неясное подозрение, ютившееся на краю сознания, дало бурные всходы и пышно расцвело роскошной гипотезой. Которую, естественно, следовало подтвердить либо опровергнуть. – Ивас?

– Да, госпожа Нарен? – вскинулся он.

– Быстро езжайте ко мне домой. Скажите конюху, чтобы запрягал, берите повозку и немедленно обратно. Больного нужно перевезти ко мне, и чем быстрее, тем лучше.

– Да я на руках... – начал было капрал, но я оборвала:

– Я сказала – быстро за повозкой. Я присмотрю за ним пока.

Капрала как ветром сдуло. Я же, в отсутствие его любопытных глаз, занялась делом. Для начала нужно было снять жар, иначе я рисковала остаться с бездыханным телом лейтенанта на руках, а на кой мне сдался его труп? От него и от живого слишком много проблем...

Покончив с этим несложным действием, я открыла окно и, приглядевшись, выбрала на ближайшей крыше ворону покрупней. Лучшего посыльного в городе и не сыщешь; во всяком случае, надежнее бестолкового голубя или воробья, которого по пути может скогтить та же ворона.

Я управилась как раз к возвращению капрала – грохот повозки (предназначенной вообще-то для транспортировки дров и сена) по булыжной мостовой был слышен издали. Что поделать, в моем хозяйстве не водится карет, путешествовать я предпочитаю верхом, на крайний случай, пешком, а зависеть от ровных дорог, которые никогда не ведут туда, куда надо, и от хрупкой четырехколесной конструкции, которая может сломаться в самый неподходящий момент, я не хочу. В случае острой надобности карету всегда можно нанять.

До моего дома добирались в молчании. Капрал правил запряженным в повозку мулом, я ехала позади верхом и вела под уздцы вторую лошадь. Ну и размышляла, естественно. Гипотеза моя казалась настолько безумной, что я сама не вполне готова была в нее поверить. С другой стороны, очень часто самые безумные и неправдоподобные гипотезы как раз и оказываются верными. Но все же совет мне сейчас не помешает...

Пока капрал переправлял бессознательного Лаурина на второй этаж (и в самом деле, на руках втащил, хотя что тут удивительного, капрал был мужчиной могучим, а Лауринь всегда, на мой взгляд, смахивал на подростка, по недоразумению напавшего гвардейский мундир), я успела произвести все необходимые приготовления, а там пожаловал и еще один гость.

– Ты с ума сошла, Флошша! – заявил этот гость вместо приветствия, сбрасывая мокрый плащ прямо на пол. Рима бесшумно подняла плащ и унесла сушиться к камину. – Если тебе так понадобился мой совет, могла бы приехать сама, а не заставлять старика тащиться через весь город под этим мерзким дождем... кха-кха... да еще когда в городе эпидемия... Что там у тебя?

– Видишь ли... – сказала я, отложив трубку (курить под дождем – занятие не из легких, так что сегодня мне пришлось потерпеть). – Сегодня утром один человек попросил моей помощи в излечении больного.

– И ты, надо полагать, потащила к нему? – вскинул клочковатые брови дед. – Что ж, от тебя можно всего ожидать. И что, теперь ты не знаешь, сколько содрать с этого исцеленного за услуги?

– В том-то вся и проблема, что исцеленного нет, – сказала я, – а больной здесь, на втором этаже.

– Ты приволокла больного красной лихорадкой к себе домой? – вытаращился на меня дед. – Ты окончательно разума лишилась, Флошша! На кой тебе это понадобилось? И, в любом случае, при чем здесь я?

– У меня есть сильное подозрение, – сказала я, глядя деду в глаза, – да что там, я почти уверена – в городе свирепствует не красная лихорадка.

– А что же, по-твоему? – ядовито осведомился дед. – Чесотка, быть может?

– Тирота, – коротко сказала я и имела удовольствие наблюдать, как у деда отвисла челюсть.

– Ты точно рехнулась, – убежденно сказал он.

– Если не веришь, пойди и убедись сам, – ответила я. – Собственно, затем я тебя и вызвала. Я больных тиротой никогда не видела, а ты, помнится, рассказывал, что сталкивался с этой дрянью.

– Идем! – Дед с неожиданной прытью ринулся вверх по лестнице, забыв, очевидно, что уже лет десять не расстается с тростью и хромот на обе ноги. Я всегда подозревала, что это не более чем ловкое притворство.

Было от чего позабыть о собственных болячках (если таковые имелись)! Тирота, в отличие от красной лихорадки, уж точно болезнь магического происхождения. Кто и когда создал эту гадость, неизвестно, но в выдумке ему отказать нельзя – даже самый опытный маг-медик с ходу не отличит тироту от красной лихорадки. Симптомы почти идентичны – кроме разве что того самого связного бреда, – вот только после лихорадки люди выживают, а после тироты – нет. (Правда, кое-кого болезнь обходит стороной, и данный факт по сию пору необъясним.) Хотя эта болезнь магического происхождения, вылечить ее магическим же путем невозможно. Так что маг-медик, пользовавший Лаурина, только снял видимые симптомы, но не вылечил болезнь. В том и есть главная опасность тироты – маскируясь под красную лихорадку, она может выкосить целую страну, пока кто-нибудь не догадается, в чем дело. Опять же, создателю тироты в остроумии не откажешь: от не поддающейся магическому излечению болезни спасение все-таки есть. Рецепт, кстати сказать, проста до крайности, но лекарство выходит дивной мерзости. Как, впрочем, и большинство действенных средств.

– Да, ты права, как это ни странно, – заявил дед, закончив разглядывать и ощупывать несчастного лейтенанта. – Действительно, тирота.

Он перевел взгляд на меня.

– Ты понимаешь, что это значит, Флошша? – осведомился он сурово.

– Представь себе, понимаю, – ответила я.

Историю я знала отлично. И знала, разумеется, что еще лет сто пятьдесят назад (как раз во времена бурной молодости моего деда) тирота была запрещена Коллегией магов к применению в военных или любых иных целях, включая исследовательские. На это решение Коллегию подвиг случай, когда в Стальвии по неосторожности какого-то экспериментатора тирота вырвалась на волю и натворила дел – пока спохватились да прособирались, вымерло полстраны. Насколько мне было известно, образцы культуры тироты в распоряжении Коллегии имелись (трудно сказать, чего у них не имелось!), вероятно, сохранились такие образцы и у частнопрактикующих магов, проигнорировавших приказ сдать их Коллегии. Однако обращались с ними, очевидно, весьма осторожно, поскольку за все эти годы не было зафиксировано ни единого случая заболевания тиротой.

Таким образом, случившемуся в столице было два объяснения – или злой умысел, или преступная неосторожность. Так или иначе, в этом следовало разобраться.

– Твой долг, Флошша... – начал было дед, но я перебила:

– Я прекрасно знаю, в чем состоит мой долг. Его исполнением я и займусь сразу после того, как разберусь с этим вот, – я неприязненно покосилась на Лаурина, – недоразумением. Надеюсь, ты мне поможешь.

Дед, мелко захихикав, тем не менее помочь не отказался, лично проверив состав состряпанного мною мерзкого снадобья. Даже не берусь представить, каково оно на вкус. Если бы

Лауринь не пребывал в бессознательном состоянии, вряд ли нам удалось бы заставить его проглотить эту мерзость.

– Я немедленно отправляюсь к Его величеству, – сказала я, когда с этим делом было покончено. – И вас, вы пока можете остаться тут.

– Переоденься хотя бы, к королю собралась, не на конюшню! – крикнул мне вслед дед, но я пропустила его слова мимо ушей. Еще не хватало терять время попусту!

Несмотря на удручающую обстановку, городские ворота все еще охранялись. Не знаю уж, что до сих пор удерживало на ногах этих солдат, явно больных на вид, – должно быть, пресловутый воинский долг. Уговаривать их открыть ворота я не стала, это заняло бы слишком много времени. В конце концов, кроме ворот имелось еще и что-то вроде служебной калитки, которую охранял всего один человек, и ему-то отвести глаза ничего не стоило. Мне повезло, что проезд был достаточно широким и моя кобыла смогла там пройти, а то пришлось бы мне месить грязь на большой дороге...

Впрочем, выйти из города оказалось куда проще, чем войти в королевскую загородную резиденцию. Охранялась она не в пример лучше, причем не только гвардейцами, но и королевскими магами, которые упорно не желали признавать мою особу, очевидно, из мелкой мести. По счастью, сильно разозлить меня они не успели (в противном случае Его величеству пришлось бы заново отстраивать ограду), поскольку кто-то здравомыслящий догадался доложить Арнелию о моем неожиданном визите, и тот приказал меня немедленно впустить.

– Что-то случилось, госпожа Нарен? – спросил Его величество после обоюдного приветствия. Не сказать чтобы он был особенно сильно встревожен: в самом деле, чего ему было опасаться здесь, в тщательно охраняемой резиденции?

– Случилось, Ваше величество, – ответила я. – Как вам известно, в столице эпидемия.

– Ну, с этой новостью вы сильно запоздали, – позволил себе улыбнуться Арнелий. Кто-то из королевских магов сдержанно хихикнул. Ладно, поглядим, как ты захихикаешь сейчас...

– Это не красная лихорадка, – сухо сказала я. – Это тирота.

Кое-кто из магов, те, что постарше, явственно спали с лица – и правда, прозевать такое! Остальные запереглядывались и зашушукались. Увы, эффект от моего заявления был сильно подпорчен тем, что Арнелий о тироте никогда не слышал. Впрочем, кто-то из приближенных магов быстро просветил его на сей счет.

– Однако... – несколько обескураженно произнес Арнелий. – Я не вижу принципиальной разницы. Что та болезнь, что другая...

– Принципиальная разница есть, – не дала я ему договорить. – Первое: после красной лихорадки выживает каждый второй, после тироты не выживает никто из заболевших. Но только в том случае, если болезнь вовремя не распознать и не начать лечить.

– То есть она излечима? – заметно приободрился Арнелий. – Чудесно... А второе?

– Второе, – отчеканила я, глядя королю в глаза, – данная эпидемия является следствием либо чьего-то злого умысла, либо халатности. Поэтому по праву судебного мага я требую инициации расследования.

– По вашим обычным расценкам, разумеется? – скривился Арнелий.

– Разумеется, – кивнула я. – Однако это прежде всего в ваших интересах, Ваше величество. Кто может поручиться, что завтра эпидемия тироты не вспыхнет в другом городе?

– Да, да, конечно... – пробормотал Арнелий, уже подсчитывая убытки. По счастью, рядом не случилось нейра Деллена – его вполне мог бы хватить удар. – Хорошо, госпожа Нарен, мы даем вам наше согласие на проведение расследования. А вы, – он повернулся к своим придворным магам, – отправляйтесь в столицу. Раз проглядели эту... гм... тироту, теперь займетесь лечением.

Я ухмыльнулась, представив, как эти напыщенные индюки будут подносить отвратное зелье простым работягам. А ведь будут, потому что с Арнелием шутки плохи и спорить с ним не стоит, если вы, конечно, не независимый судебный маг...

...Домой мне удалось попасть только на вторые сутки – пришлось взять на себя руководство королевскими магами. Затем их наконец передали в распоряжение магов-медиков, мое участие более не требовалось, и я смогла отправиться к себе.

Город потихоньку оживал, или же так казалось оттого, что дождь наконец перестал и выглянуло солнце. Лужи пока еще не просохли, но под утренним солнцем и они выглядели не особенно мерзко.

Дома было тихо. Дим принял у меня лошадь и увел ее на конюшню. Я поднялась на второй этаж, заглянула в комнату. Капрал, дремавший на стуле у двери, встрепенулся, услышав мои шаги, вскочил и вытянулся в струнку, поедая меня преданным взглядом. «Стало быть, – заключила я вполне благодушно, – Лауринь жив и, очевидно, идет на поправку». Кстати сказать, неплохо было бы выставить лейтенанта в его собственное обиталище. Я не люблю, когда у меня в доме обретаются посторонние люди, особенно если один из этих посторонних – лейтенант Лауринь. Кроме того, мне необходимо сосредоточиться и поразмыслить над тем, как разыскивать неизвестного злоумышленника, а это лучше всего делать в тишине и одиночестве.

За такими мыслями я вошла в комнату и посмотрела на кровать. Лейтенант мирно спал, вернее, делал вид, что спит. Притворялся он плохо: чересчур сильно вздрагивали плотно сомкнутые ресницы, а дыхание было слишком неровным и частым для спящего.

– Лейтенант! – сказала я. – Прекратите прикидываться.

Лауринь неохотно открыл глаза и попытался принять сидячее положение, однако безуспешно. Дело в том, что одновременно он пытался прикрыться простыней, а тело еще плохо вато его слушалось (я, признаться, в суматохе позабыла о том, что обездвижила лейтенанта для его же собственного блага и продержала в таком состоянии чуть дольше, чем было необходимо).

– Перестаньте вы ерзать, – поморщилась я. – Что я, по-вашему, голых мужчин не видела? Да и поверьте, вы – не то зрелище, от которого женщина может потерять покой и сон.

Лауринь залился краской и перестал елозить на кровати.

– Госпожа Нарен... – выдавил он через силу. – Я... я вам обязан жизнью... Я расплачусь, только... не сразу.

– Лейтенант, чтобы оплатить мои услуги, вашего жалованья не хватит, даже если вы в течение пары лет не будете есть, пить, менять одежду, платить за квартиру и посылать деньги сестрам, – вздохнула я.

– Откуда вы знаете? – вскинулся Лауринь.

– О сестрах? – уточнила я. – Вы сами проговорились, пока валялись в бреду. А что, это большой секрет?

– Н-нет... – как-то неуверенно проговорил Лауринь, глядя на меня исподлобья. – Только, госпожа Нарен... прошу вас, не говорите об этом... никому.

– Меня не интересуют ваши семейные тайны, – дернула я плечом. – И, кстати, лейтенант, вы не могли бы не запинаться на каждом слове? Это страшно раздражает.

Лауринь молча кивнул, снова начиная краснеть.

– Так вот, – продолжила я. – Конечно, вы, лейтенант, доставили мне немало хлопот. Однако благодаря этому всем нам удалось избежать гораздо более серьезных неприятностей. Так что, Лауринь, забудьте о том, что вы мне что-то должны, и... – не сдержалась я, – ради всех богов, выметайтесь поскорее из моего дома!

– Конечно, госпожа Нарен, – ответил Лауринь. На коротких фразях он не запинался. – Как вам будет угодно...

– Вот и чудесно, – подвела я итог и, уже выходя из комнаты, бросила взгляд через плечо. Лауринь смотрел в окно, и по тому, как упрямо были сжаты его губы, я поняла, что о «долге» своем он забывать не намерен, а стало быть, со спокойной жизнью я могу распрощаться.

Глава 6

Неслучайные встречи

Так или иначе, но на некоторое время мне все же удалось забыть о лейтенанте: верный капрал увез своего подопечного домой, а я смогла спокойно заняться расследованием. Признаться, с чего начать, мне было не вполне ясно: эпидемия – это ведь не кража и не убийство, даже самые замысловатые. Там обычно действует один и тот же принцип – ищи, кому выгодно. Даже если на первый взгляд кажется, что убивать того или иного индивидуума было совершенно не за что, а смерть его не приносит никакой выгоды окружающим, в результате все равно оказывается, что какой-то повод избавиться от потерпевшего у его родственников, знакомых или даже кажущихся посторонними людей имелся. Рано или поздно этот мотив можно раскопать. С другой стороны, эпидемию вполне можно рассматривать как покушение на убийство большого числа людей. Но кому это могло быть выгодно? И совершено ли это преступление ради выгоды или по неосторожности? Так или иначе, но тот, кто выпустил на свободу тироту, как минимум одно преступление совершил: я ведь уже говорила, что использование культур тироты в любых целях строжайше запрещено.

Хорошо, с тем, почему тирота вырвалась на свободу, можно разобраться позже. Сперва же неплохо бы найти того, кто ее выпустил. Кого-то, быть может, удивляет тот факт, что я говорю о заразной болезни, как о живом существе, но, по большому счету, я не слишком преувеличиваю. Опасности от, фигурально выражаясь, сбежавшей от исследователя заразы исходит не меньше, чем от удравшего из зверинца хищного зверя, а то и побольше. Впрочем, это все лирика, мне же надлежало заниматься вещами куда более прозаическими.

Итак, виновник... Вполне вероятно, что болезнь занесена извне, но тогда, я полагаю, в столицу уже дошли бы слухи о том, что где-то в окрестностях тоже бушует эпидемия: тирота не менее заразна, чем красная лихорадка, передается еще легче, и одним заболевшим дело никак не обойдется. Однако же в округе царила тишина и благолепие, и я полагала, что корни происходящего надлежит искать в самой столице. Если бы еще быть уверенной, что виновник произошедшего не пал первой жертвой эпидемии!

Впрочем, гадать, жив он или нет, было затеей бессмысленной, поэтому я занялась более насущным делом: вычислением очага заражения. Для этого мне потребовалось не так уж много усилий, стоило только навеститься к главе цеха магов-медиков и как следует расспросить его.

Господин Жерво Кархен был уже немолод, хорошо знал моего деда еще со времен их бурной юности и, кстати сказать, недолюбливал его. Надо полагать, у него имелись на то причины, дед вообще славился умением наживать себе врагов благодаря своему скверному нраву и дурной привычке называть вещи своими именами, то бишь резать правду-матку в глаза. Ясное дело, что это обыкновение мало кому нравилось. Уж не знаю, чем дед насолил господину Кархену, но тот, едва заслышав мою фамилию и удостоверившись, что я прихожусь родней Фергусу Нарену, мгновенно принял вид недоброжелательный и высокомерный. Мне, в общем-то, было наплевать на то, как господин Кархен относится к нашему славному семейству, тем более что у меня на руках имела милая грамотка за подписью Его величества, предписывающая всем и каждому оказывать мне самое живое содействие. Другое дело, что я никогда не торопилась пускать в ход этот козырь, предпочитая справляться своими силами.

– Никак не пойму, чего вы от меня хотите, госпожа Нарен, – поджал губы Кархен, выслушав мою просьбу.

– Я могу повторить, – любезно улыбнулась я. – Я прекрасно знаю, что ваш цех ведет подробнейшие записи касательно массовых заболеваний, имевших место в городах и селениях, а кроме того, каждый маг-медик делает собственные записи. И не может такого быть, чтобы

в этих записях не оказалось зафиксировано, в каком именно районе города началось распространение болезни. Эта информация мне и нужна.

– Но, госпожа Нарен... – Кархен придал своей толстощекой физиономии выражение глубочайшего сожаления. – Боюсь, в этот раз мы мало чем сможем вам помочь. Эпидемия разразилась так неожиданно, что ни у кого не было времени систематизировать записи относительно этого события! Разве только опросить всех магов-медиков...

По губам его скользнула ехидная усмешка, почти неуловимая, но я все же ее заметила. Ясно, господин Кархен весьма переживает по тому поводу, что ни он, ни его коллеги не распознали вовремя куда более опасное заболевание, нежели красная лихорадка... да и с той, признаться честно, справиться не смогли. Конечно, еще неделя, а может, пара дней, и они заподозрили бы неладное, но, увы, я успела первой...

Итак, из всего этого следовало, что профессиональные знания и умения магов-медиков подверглись вполне справедливому сомнению со стороны как простых обывателей, так и, что несравненно более неприятно, Его величества. Ну а поскольку зло Кархену сорвать больше не на ком, то он решил отыграться на мне, тем более что я являюсь родной внучкой его давнего недруга (нужно будет, кстати, узнать у деда, что за размолвка вышла у него с Кархеном; иногда складывается впечатление, будто дед умудрился испортить отношения абсолютно со всеми жителями столицы, за исключением, как ни странно, власти предрежащей). Дескать, пускай нахальная представительница постылого семейства посбивает башмаки, мотаясь по городу и допрашивая одного мага-медика за другим. Однако уважаемый Кархен не на ту напал, в чем я с удовольствием позволила ему удостовериться.

– Господин Кархен, – сказала я голосом сухим и бесцветным. – Вы должны прекрасно понимать, что времени на опрос каждого мага-медика в этом городе у меня нет. Также вы должны понимать, что, отказываясь оказать содействие мне, судебному магу на службе Его величества, и тем самым затягивая расследование, навлекаете на себя определенные подозрения. Если вы этого не понимаете, я могу объяснить вам более подробно.

Господин Кархен понимал, это было видно по его враз ставшей натянутой улыбке. В самом деле, как можно расценить его нежелание делиться отнюдь не секретной информацией? Да очень просто: он сам замешан в этой истории! Кому и знаться с опасной заразой, как не магу-медику... А с какими целями – это уже вопрос другой, в этом будет разбираться Коллегия, потому что любого мага судят отнюдь не светские власти. Думаю, господину Кархену вовсе не улыбалось предстать перед Советом Коллегии по подозрению в преступлении, которого он не совершал (как ни был мне неприятен этот господин, я никак не могла предъявить ему обоснованное обвинение: не было ни мотивов, ни доказательств). Понял он и то, что я отнюдь не шучу и вполне могу устроить ему такое приятное времяпрепровождение – отсутствие доказательств еще не повод для отметания гипотезы, а даже гипотеза судебного мага для Совета является вполне достаточным поводом для начала разбирательства.

– Не стоит беспокоиться, госпожа Нарен, – выдавил Кархен. – Я... понимаю. Я сейчас же отдам соответствующие распоряжения, и вам предоставят все имеющиеся в наличии сведения. Боюсь, они будут несколько... м-м-м... неструктурированными...

– Ничего, – любезно улыбнулась я. – Я умею работать с информацией.

...Да уж, чему-чему, а работе с информацией хорошего судебного мага учат едва ли не с тех самых пор, как он произнесет свое первое слово. На этот раз никаких особых сложностей я не испытала, это вам не в изъеденных мышами и жучками архивах многовековой давности копать. Магов-медиков тоже неплохо учили, во всяком случае, записи их были достаточно четкими, внятными, и, хотя они и изобиловали профессиональным жаргоном, главное я понять могла без труда.

К сожалению, первые случаи заболевания не удостоились особенного внимания. Вполне возможно, те заболевшие просто не обращались к магам-медикам, поэтому в записях были

отражены уже более-менее массовые случаи, когда люди начали заболевать целыми семьями. Впрочем, удалось сделать главное – локализовать тот район города, в котором началась эпидемия, а это уже было немало. Другой вопрос, что отыскать в этом самом районе человека, который мог быть причастен к распространению тироты, было не легче, чем песчинку на отмели. Впрочем, идея о том, как сделать это по возможности быстро, у меня имелась, нужно было только как следует все просчитать. Обдумыванием этого вопроса я занималась почти всю ночь и к утру составила неплохой план действий.

Положим, тот человек, к которому я намерена была обратиться, поможет мне, ни о чем не спрашивая. Но вот остальные вполне могут оказаться не столь стоворчивыми. Увы, в нашей славной столице далеко не все впадают в священный трепет при звучании слов «независимый судебный маг», а кое-кто даже и не слышал о таком диковинном звере, особенно в бедных кварталах, куда мне и предстояло направиться. Убеждать этих людей в своей значимости – долго и утомительно. А вот вид военной формы действует весьма умиротворяюще решительно на все сословия. Вопрос в том, где мне раздобыть парочку гвардейцев или хотя бы обычных солдат в самые сжатые сроки. Больше и не нужно: двое – это всего лишь сопровождение, а трое и более – уже выглядит слишком солидно и даже угрожающе. Можно попросить Его величество, он не откажет, но двумя служивыми точно не ограничится, пришлет минимум десяток, и что мне прикажете с ними делать? Да и долго это, пока посыльный доберется до Арнелия – он все еще пребывал в загородном имении, – пока отданные под мое начало солдаты вернутся в город...

Решение, как это обычно водится, лежало на поверхности. Я невольно улыбнулась: конечно, я в очередной раз обременила себя одним весьма неуравновешенным молодым человеком, но, с другой стороны, он чувствует себя обязанным мне, а значит, должен слушаться беспрекословно. Я написала короткую записку и отправила Дима по уже известному адресу, сама же приказала Риме готовить завтрак.

За завтраком мне особенно хорошо думается, не был исключением и этот раз...

– Госпожа, к вам лейтенант этот и еще один... старый... – буркнула, просунувшись в дверь, Рима. Теперь охранять мой покой во время трапезы было некому, и о посетителях мне докладывали немедленно. – Пустить?

– Пригласи, – велела я. Ну вот, позавтракала в тишине и покое! Впрочем, кто мог знать, что лейтенант окажется настолько расторопен и прибудет немедленно, едва только получив мою записку?

Прогрохотали сапоги, и в дверях появился Лауринь. Капрал отчего-то пренебрег моим приглашением; впрочем, судя по доносящемуся разговору, Рима повела его к себе на кухню.

– Доброе утро, госпожа Нарен, – сдержанно поздоровался Лауринь.

– Доброе, доброе... – пробормотала я, набивая трубку и разглядывая лейтенанта. Выглядел он, надо сказать, неважно, и это вовсе не было следствием перенесенной болезни. Лицо бледное, осунувшееся, глаза голодные. А накрытый стол, между прочим, благоухает так, что даже у меня слюнки текут. – Не маячьте в дверях, Лауринь, садитесь за стол.

– Благодарю, госпожа Нарен, я уже завтракал, – мужественно отказался Лауринь, хотя некая внутренняя борьба в нем явно происходила.

– Лауринь, я не могу есть, когда кто-то стоит у меня над душой, – процедила я. – Поэтому прекратите ломаться, как капризная барышня, и сядьте. В вашем возрасте второй завтрак лишним быть не может. Рима!

Впрочем, Рима, не дожидаясь распоряжения, сама принесла второй прибор и, неодобрительно покосившись на лейтенанта, бесшумно вышла за дверь.

Надо сказать, что руководствовалась я вовсе не человеколюбием, а исключительно собственными интересами. Выводы мои были просты до крайности: денег у лейтенанта ни рисса (все потрачено на мага-медика, а ведь надо еще коня выкупить!), до следующего жалованья две недели с лишком, а в долг он не возьмет, скорее удуется. Хорошо еще, жалованье платят

регулярно, несмотря ни на что... Стало быть, живет Лауринь впроголодь, а у мальчишек в его возрасте аппетит волчий. Ну и на кой мне сдался этакий спутник? Он того и гляди в голодный обморок свалится?!

Надо сказать, Лауринь сдерживался как мог, изображая из себя по горло сытого человека, но в конце концов все же сдался и воздал должное восхитительной стряпне Римы. Собственно, после такого завтрака спокойно можно не обедать и даже не ужинать, как я обычно и поступаю.

– Думаю, я достаточно понятно написала, зачем вы мне понадобились, – сказала я, решив внести некоторую ясность. – Собственно, от вас, лейтенант, требуется только одно: сопровождать меня в моей поездке по городу. С этим справился бы любой человек, носящий гвардейскую форму, но так уж случилось, что под рукой оказались только вы и ваш капрал. Опять же, как я вижу, вы не отказались от дурацкой идеи о том, будто вы мне что-то должны. Так ведь?

Лейтенант молча кивнул. Мне очень нравилось, когда он молчал, не изрекал благоглупостей и не задавал дурацких вопросов, так что я была искренне благодарна тому, кто научил Лауриня не разговаривать с набитым ртом.

– Тогда поступим очень просто: услуга за услугу, – сказала я. – Вы с капралом некоторое время побудете моей тенью, и можете считать, что мы квиты. С одним условием, – чуть повысила я голос, видя, что лейтенант собирается что-то сказать. – Вы слушаетесь меня беспрекословно, ни во что не лезете и ничего не предпринимаете без моего прямого на то указания. Вы согласны?

Лейтенант снова коротко кивнул. Положительно, когда он пребывал в столь молчаливом настроении, переносить его общество было не в пример легче!

– Чудесно, – сказала я. – А теперь, лейтенант, посидите еще немного молча, я закончу завтрак, а потом мы с вами отправимся в одно очень любопытное место...

...Место, куда привели меня поиски неведомого то ли злоумышленника, то ли преступно неосторожного исследователя, было и впрямь если не интересным, то весьма колоритным. Это оказался один из самых бедных кварталов города, зажатый между окраинным рынком, на котором сбывали товар приезжие крестьяне и мелкие торговцы, и рекой, вместе со своим рукавом делившей город на три неравные части. Обитали тут люди самых разных занятий, от вполне благопристойных ремесленников и грузчиков, подвизавшихся на рынке, до всевозможного жулья и прочих далеко не законопослушных личностей. Более-менее прилично одетым горожанам соваться в глубь этого квартала, именуемого когда Рыночным, а когда и просто Разбойным, не рекомендовалось: если на центральных его улочках все выглядело относительно чинно и мирно, то где-нибудь на задворках за пару риссов могли и чем-нибудь тяжелым по голове огреть, и нож под ребро сунуть. Все об этом знали и все равно навевывались в сие славное местечко – кто из жажды приключений, кто для удовлетворения какой-нибудь надобности. А для удовлетворения надобностей тут было все или почти все: и всегда имеющиеся в наличии гуляющие девки разной степени потасканности, и дешевая выпивка, и не менее дешевые наемники, готовые за умеренную плату на многое, а также еще много чего полезного. Девки и выпивка мне были без надобности, наемники тоже, а вот разжиться информацией я очень надеялась.

Однако до Рыночного квартала еще надо было добраться, а это оказалось делом не столь уж легким. Мало того, что грязь на улицах развезло неимоверную, так еще то и дело приходилось объезжать натуральные завалы: это славные горожане растаскивали на дрова опустевшие и полусгоревшие дома, без особых затей сваливая добытое добро прямо посреди улицы. Не прибавляло скорости нашему путешествию и то обстоятельство, что под седлами у моих спутников оказались сущие одры, добытые, не иначе, на скотобойне. Своих лошадей, надо полагать, они выкупить еще не успели, а потому либо взяли казенных, либо за скромную плату получили этих несчастных животных на время у какого-нибудь трактирщика. Я уже успела обругать себя за то, что не велела оседлать для гвардейцев лошадей из своей конюшни, но не

возвращаться же теперь было! С другой стороны, были в нашем неторопливом продвижении по городу и положительные моменты: я успела вдоволь наглядеться на произведенные пожарами и мародерами опустошения. Зрелище было малоприятным, понятно, почему Арнелий с семейством не торопился возвращаться из загородной резиденции.

То тут, то там попадались наряды стражников, временами проезжали высокие добротные фургоны с крохотными зарешеченными оконцами – в таких перевозили обычно заключенных.

– Это мародеров ловят, – подтвердил мои рассуждения словоохотливый капрал Ивас. Лауринь, как ему и было велено, молчал, словно воды в рот набрав, ограничиваясь краткими «да, госпожа Нарен, как прикажете, госпожа Нарен», за что я была ему весьма признательна. – Расплодилось их сверх всякой меры, пускай посидят теперь... У людей несчастье, а им лишь бы...

Капрал махнул рукой, всем своим видом выказывая презрение к означенным личностям, готовым нагреть руки на чем угодно, даже и на разорении опустевших после смерти хозяев домов и лавок. Я в целом была с капралом согласна, кроме разве что одного пункта: я придерживалась мнения, что застигнутых на месте преступления мародеров надлежит немедленно вешать. Увы, Его величество придерживался более гуманных взглядов, а потому предпочитал их сперва подвергать справедливому суду, после которого осужденных ждала либо тюрьма (что было прямым расходом казенных средств), либо каторга (тут от них была хоть какая-то польза, пусть и весьма сомнительная), либо пресловутая виселица. Единицы, правда, все же оказывались на свободе...

Впереди прогрохотали сапоги, раздался окрик, потом грубая ругань, и на улицу перед нами выскочили трое: средних лет коренастый бородатый мужчина и два молодых парня. Бородатый тащил на плече небольшой, но явно увесистый мешок, был такой же и у одного из парней, но он бросил его наземь у нас на глазах. Понял, видимо, что с поклажей ему от стражи не уйти. Троица разделилась: бородатый и один из парней бросились налево, в переулок, второй парень, пометавшись на месте, вдруг ни с того ни с сего кинулся назад, откуда все еще доносилась отчаянная ругань и топот. С его появлением, видимо, ругань стала громче, потом стихла, а вскоре из проулка показались несколько стражников, уверенно волочивших давешнего юношу. Я бросила на него взгляд: если бы не грязь и свежие кровоподтеки, он мог бы показаться привлекательным, у него было славное лицо парня из хорошей семьи ремесленников или даже торговцев, не отмеченное, как нынче модно выражаться, печатью порока. Даже странно, что он занялся мародерством...

– С чего это он назад-то побегал? – недоуменно спросил капрал. Поскольку я ответа не знала, то предпочла промолчать. Впрочем, ответ этот вскоре явился нашим глазам: вслед за парнем стражники волокли еще какое-то существо, при ближайшем рассмотрении оказавшееся женщиной. – А, вон оно что... за подружкой решил вернуться.

Лейтенант вдруг издал некий странный звук, напоминающий полузадушенный возглас, и вытаращился на пленницу стражников. Что его так удивило в этой замарашке? Я присмотрелась: спутанные грязные волосы свисали неопрятными космами, почти закрывая лицо. Оборванная, слишком короткая юбка, состоявшая, казалось, из одних заплат, открывала голые, все в синяках и ссадинах, покрасневшие от холода ноги в разбитых мужских башмаках. Стражники волочили свою добычу не сказать чтобы очень деликатно, поэтому один рукав у пленницы почти оторвался, обнажая на удивление красивой формы плечо и руку, хотя исцарапанную и грязную донельзя. Надо отметить, что добром девица – а теперь ясно было видно, что женщина еще совсем молода – не шла, упиралась изо всех сил, брыкалась, норовила кусаться и ругалась так, что позавидовал бы портовый грузчик, я уж не говорю о молодом гвардейце. И только когда сквозь спутанные пряди волос не распознаваемого под слоем грязи цвета яростно сверкнули голубые глаза, я наконец опознала оборванку. Ну надо же!

– Это же... – хрипло выговорил лейтенант. – Госпожа Нарен! Это же ваша...

– Лейтенант, вы, кажется, обещали, что будете немы как рыба, – заметила я, без особого интереса наблюдая, как парочке мародеров ловко вяжут руки и заталкивают в подъехавший фургон. Капрал тем временем показывал стражнику, куда побежали еще двое. – Вот и помалкивайте.

– Но...

– Лейтенант, не испытывайте мое терпение. – Я послала лошадь вперед. – Я и без вас прекрасно вижу, кто это. Я ведь вам говорила, что она не пропадет. Кстати, красивого мужчину она все-таки получила, вы не обратили внимания? Этот парень весьма недурен собой. Не знаю уж, как там насчет щедрости...

Лауринь явно проглотил заготовленную фразу и долго пытался откашляться, а я только вздохнула. Что ж, Лелья в самом деле не пропала. Надо думать, во время эпидемии девицы из того заведения, куда ее определил капрал (в том, что он это проделал, старый служака передо мной отчитался, и не думая лгать; вот Лауринь, доверь я ему это деликатное дело, вполне мог Лелью отпустить, а потом попытаться нагородить небылиц), разбежались кто куда, а может, бóльшая часть и перемерла. Так или иначе, но Лелья оказалась на улице и, как видно, не пропала. Кого жаль, так это ее дружка; похоже, парень в самом деле из приличной семьи. С другой стороны, не будь у него самого преступных наклонностей, вряд ли бы Лелья так просто сбила его с пути истинного. А с третьей стороны, эта маленькая дрянь, как выяснилось, смогла облапошить даже меня, что уж говорить о глупом мальчишке... И довольно думать о ней, участь ее ждет незавидная.

Дальнейший путь мы проделали в молчании, что меня устраивало как нельзя больше.

К моей большой радости, трактир с простеньким названием «Три кружки», спрятавшийся в уютном переулочке, оказался цел и невредим, равно как и его хозяин. Пробираться к нему, правда, пришлось через завалы горелых бревен, перегородивших улицу, но в самом переулке уже было прибрано.

«Три кружки» были заведением достаточно необычным для Рыночного квартала. Прежде всего здесь нельзя было встретить вусмерть пьяных матросов с речных барж или, упаси Небо, мрачно гуляющих мясников. Для того чтобы вразумлять нежеланных клиентов, у хозяина имелось несколько вышибал, одного задумчивого взгляда которых обычно хватало для охлаждения пыла рвущихся в трактир подозрительных субъектов, а также сторожевые псы, отличающиеся редкостной величиной и свирепостью. В округе все прекрасно знали, что при нужде хозяин, папаша Власий, этих хорошо натасканных псов, каждый из которых был размером с хорошего теленка, без колебаний спустит с цепи, а потому старались с ним не задираться.

Привечал же папаша Власий публику иного рода: торговцев средней руки, владельцев все тех же злосчастных речных барж; словом, достаточно приличных людей. Кроме того, привлеченные недорогим и достаточно неплохим пивом, сюда частенько наведывались студенты из тех, что победнее. К последним папаша Власий относился покровительственно и порой даже соглашался налить кружечку пива в долг: его младший сын сейчас глодал булыжники университетской премудрости, наведываясь домой лишь за тем, чтобы наестся от пуза, а потому вечно голодные и веселые студенты могли рассчитывать в «Трех кружках» на радушный прием. До тех пор пока не начинали буяннить, конечно. Впрочем, папашу Власия уважали и дебошей в его трактире не устраивали, для этого имелись заведения рангом пониже.

Мы въехали на двор, незнакомый слуга тут же кинулся к лошадям, а на пороге воздвигся папаша Власий собственной персоной. Сеть информаторов у трактирщика была знатная: по моему, он приплачивал уличным мальчишкам, вечно выющим у ворот, чтобы ему заранее сообщали о приближении дорогих гостей. Любому приятно, когда его встречают так, будто только его и ждали, а потому папашу Власия любили еще и за обхождение.

– Госпожа Нарен! – расплылся в улыбке папаша Власий и раскинул руки. Обниматься с ним, понятное дело, я не собиралась, не по чину, просто трактирщик всех так приветствовал. – Какими судьбами?

– Все теми же, Власий, все теми же, – усмехнулась я.

Сзади послышалось сдержанное фырканье и сдавленное ойканье. Я обернулась: Лауринь застыл в неестественной позе, явно не осмеливаясь пошевелиться, а его с большим интересом изучали в два черных носа сторожевые псы Власия.

– Свои, – шикнул папаша Власий на псов, те оставили Лауриня в покое, покосились на капрала и подошли ко мне – здороваться.

– Что это у вас собаки не на привязи? – полюбопытствовала я, погладив страхолюдного вида зверюг по головам. Псы меня прекрасно знали, держали за свою и позволяли разные вольности.

– Так шляются всякие... – развел руками папаша Власий. – За всеми не уследишь, так и норовят стянуть что-нибудь. Вот и пришлось собачек спустить, эти-то уж точно чужих на двор не допустят... Да что же я вас на улице держу, госпожа Нарен, проходите, проходите!

Я усмехнулась и направилась вслед за трактирщиком.

– Г-госпожа Нарен!.. – негромко окликнул Лауринь. – Нам вас здесь подождать?

– Нет, вы пойдете со мной, – решила я. – И вас, а вы обождите в общем зале, мы ненадолго.

Сторонясь собак, оба гвардейца проследовали за мной. Капрал, как ему и было велено, устроился за столом у окна, а я привычно направилась через весь зал к неприметной двери. Там папаша Власий оборудовал небольшие комнаты для тех из клиентов, кому требовалось обсудить какие-нибудь хитрые торговые дела, не привлекая постороннего внимания. Собственно, от этих клиентов ему и поступал основной доход, а шумные студенческие компании гуляли в общем зале в основном для отвода глаз.

Избавившись от пристального внимания сторожевых псов, Лауринь заметно расслабился, и я не упустила возможности поинтересоваться:

– Что это вы, Лауринь, так собак боитесь?

– Не боюсь я собак, госпожа Нарен, – буркнул бравый лейтенант.

– О да, я имела удовольствие наблюдать, как именно вы их не боитесь, – хмыкнула я. – Окажись во дворе дерево, вы бы мигом на его макушке оказались.

– Нет уж, госпожа Нарен, под носом у таких псов лучше не дергаться, – мрачно ответил Лауринь.

– Это вы верно заметили, – миролюбиво сказала я. – Располагайтесь, Лауринь, сейчас придет наш хозяин, тогда и побеседуем.

Папаша Власий не заставил себя ждать, взяв на себя труд лично принести огромный поднос, от которого исходили такие ароматы, что не соблазниться было невозможно, невзирая даже на недавний плотный завтрак.

– Вам, госпожа Нарен, как обычно? – ласково прогудел трактирщик, ставя передо мной кружку темного пива и блюдо с закуской. – Что господин гвардеец предпочитают, простите, не знаю, ну да, думаю, найдут себе что-нибудь по вкусу. А нет, так скажите, мигом состряпаем!

– Господин гвардеец неприхотливы и едят, что дают, – поспешила я утихомирить папашу Власия. – Тем более что невкусно у вас готовить не умеют, а пиво лучшее во всем городе.

Трактирщик расплылся в довольной улыбке, потом вдруг спохватился, что забыл принести какое-то невероятное кушанье, и с редким для его комплекции проворством метнулся обратно на кухню.

– Лауринь, – сказала я лейтенанту, с опаской изучающему содержимое своей кружки. – Не вздумайте предложить хозяину денег. Оскорбите смертельно. Вам ясно?

– Так точно, госпожа Нарен. – Лауринь, по-моему, отчаялся что-то понять, а потому решил просто выполнять мои указания. Давно бы так!

Впрочем, ничего особенно странного в происходящем не было. Знакомство с папашей Власием я свела несколько лет назад, когда он проходил главным подозреваемым по делу об убийстве. Все улики недвусмысленно указывали на него как на виновника преступления, и если бы дело папаши Власия случайно не пересеклось с тем делом, что вела я, болтаться бы ему в петле, осиротив многочисленных родственников. Мне же, объединив два дела в одно, без труда удалось доказать, что относительно убийства папаша Власий чист перед законом, как первый снег, и его просто подставили, так что трактирщика полностью оправдали. С тех пор папаша Власий считал меня своей спасительницей, чуть не молился на меня и готов был выполнить любую мою просьбу, я уж не говорю о том, чтобы потчевать бесплатными обедами. Ни просьбами, ни обедами я не злоупотребляла, но сейчас выдался именно тот случай, когда без папаши Власия и его коллекции слухов и сплетен было просто не обойтись.

Обменявшись обязательными взаимными комплиментами, мы с трактирщиком перешли непосредственно к беседе.

– Как у вас дела идут? – спросила я.

– Налаживаются помаленьку, – погладил бороду трактирщик. – Сейчас людишки малость отойдут, карантин с города снимут, тогда и вовсе хорошо будет. Пока-то клиентов мало, сами видели, госпожа Нарен, зал, считай, пустой.

– Здорово вам эпидемия подгадила, – сказала я.

– Еще бы не здорово... – Папаша Власий помрачнел. – Мои-то, хвала Матери Ноанн, почти все живы остались, только младшая невестка померла, троих мальцов сиротами оставила... Ну да ничего, вон у колбасника с соседней улицы дочка овдовела, хорошая девка, так мой сын на ней женится, уж договорились.

– Опять же и колбасы не по рыночной цене покупать будете, – поддела я, но трактирщик не обиделся. Ничего зазорного в таком положении вещей он не видел, я, если поразмыслить хорошенько, тоже, а вот Лаурина мы, должно быть, шокировали. – А что-то Грена не видно?

Гренем звали старого раба: сколько помню, он всегда прислуживал «особым» клиентам – Власий доверял темнокожему невольнику, как себе. Насколько я знала, Грена давным-давно купили для присмотра за малышом Власием, для игр опять же – его семья могла себе это позволить, он происходил из вполне зажиточного рода, – с тех пор они и были неразлучны. Грен, кажется, был годами десятью не то двенадцатью старше Власия, однако своеобразной их дружбе это никак не мешало. Власий, унаследовав семейное дело и все имущество, не однажды пытался дать старику вольную, а тот только отмахивался: куда, мол, ему податься, вся жизнь прошла в Арастене. А коли оставаться с Власием, то какая разница, вольный Грен или нет?

– Так и Грен помер... – Власий совсем расстроился. – Обидно как, госпожа Нарен, ведь и болячка-то к нему не прилипла!..

– А что же случилось?

– Что... старый стал, – вздохнул Власий. – За эту неделю испереживался весь, за меня, за детей, вот и...

– Тяжело вам без него придется, – вздохнула я.

– Да уж нелегко, – печально ответил он. – Ладно, госпожа Нарен, что мы обо мне да обо мне! Вы ведь по какой-то надобности пришли!

– Хорошо, ближе к делу, – кивнула я.

Трактирщик посерьезнел и приготовился слушать.

– По моим сведениям, распространение эпидемии началось из этого района, предположительно, из приречных кварталов, – сказала я. – К сожалению, информации у меня не так уж много. Мне нужно установить со всей возможной точностью место возникновения очага заразы. Если этому будут сопутствовать сведения о том, кто пал первыми жертвами эпидемии, совсем хорошо. Впрочем, все слухи и сплетни тоже пригодятся. Как вам задачка, а, Власий?

Я мимоходом пожалела о Грене: он мог бы здорово помочь в этом деле. Насколько я его знала, слухи – это было по его части...

– Задача, задача... – пробурчал трактирщик, складывая руки на обширном животе. – Дайте подумать минутку, госпожа Нарен, глядишь, что и вспомнится...

Думал трактирщик не минутку, а добрых полчаса, за которые я успела прикончить кружку пива, а Лауринь окончательно извелся. Не стоило тащить его с собой, пусть бы с капра-лом посидел в общем зале...

– В приречных кварталах дома сдаются, – изрек наконец папаша Власий. – Да не целиком, а комнатами и углами, у кого на что денег хватает.

Я молчала, зная, что трактирщик – человек обстоятельный и доберется до интересующей меня информации, излагая все по порядку.

– В последние года два там студенты обосновались, – сообщил папаша Власий. – Хитро устроились, стервецы: до университета рукой подать, только мост перейти, а жилье стоит куда дешевле, чем на богатой стороне.

Я вызвала в памяти карту города. В самом деле, неглупо придумано. В старой части города, в которой располагалось и главное здание университета, бедным студентам и думать нечего было снять жилье, стоило оно запредельно. То же относилось и к Заречью, где, как я уже упоминала, обитали в основном добропорядочные зажиточные граждане. Заречье и застроено было не так тесно, как Старый город, тут попадались настоящие усадьбы с приличными наделами земли, не то что в Старом городе, где дома стояли впритирку один к другому. На окраинах жилье, конечно, было много дешевле, чем рядом с университетом, но оттуда на своих двоих добираться – полдня уйдет. Ушлые студенты придумали выход: стали большими компаниями селиться в Рыночном квартале. Жили, надо думать, на головах друг у друга, но в юном возрасте это особенно не стесняет. Зато университет – вот он, только через рукав реки переберись и пройди немного по городу. А уж мостов у нас в городе в избытке и лодочников тоже хватает.

– Так вот, накануне того, как об эпидемии объявили, у меня, как обычно, эти студенты и гуляли, – продолжал трактирщик. Лауринь наострил уши, сообразив, видимо, что папаша Власий не просто так разговоры разговаривает. – Сдается мне, госпожа Нарен, они-то вам и нужны. Потому как все шутили, что, должно быть, холодный ветер с реки для здоровья дюже вреден, а потому как следует «прогреться» надо, чтобы болячки не липли, как к другим. Стало быть, уже тогда кто-то болел, только студенты – они ж безалаберные, пока молнией не вдарит... – Папаша Власий махнул рукой.

Я помолчала, набивая трубку. Похоже на правду. От речной сырости и холода и впрямь многие заболевают, так что никто особенно и не обеспокоился, пока не стало слишком поздно. Опять же студенты... Некоторых хлебом не корми, дай выкинуть что-нибудь этакое. Могла ли кому-нибудь из них попасть в руки культура тироты? А почему нет? На моей памяти случались вещи и более странные. Впрочем, в приречных домах ведь не одни студенты живут, мало ли кто и с какими целями мог там обосноваться! Документов там не спрашивают, это вам не приличный постоялый двор, где постояльца разглядят и чуть не обнюхают со всех сторон. Тут кто платит, тот и хорош.

– Появляются у вас эти студенты? – спросила я.

– Давненько уж не было, – отвечал папаша Власий. – Двоих или троих видал на улице, но и только, госпожа Нарен.

– Ясно, – вздохнула я. – Что ж, вы мне очень помогли.

– Если я еще что могу сделать, госпожа Нарен, вы только скажите! – Папаша Власий молитвенно сложил руки и воззрился на меня.

– Пока больше ничего не нужно, – вежливо улыбнулась я. Информатором папаша Власий был отменным, поэтому приходилось терпеть его обожание. Впрочем, не так уж сильно оно меня и раздражало.

Что поделатъ, придется отправляться в приречные кварталы, только сперва нужно подготовиться. Планы, похоже, придется менять на ходу, а от гвардейцев – избавляться. Это обыватели более-менее уважают мундиры, а вот со студенческой братией эффект может оказаться обратным желаемому. Почти двести лет назад именно королевская гвардия жестоко подавила студенческий бунт (право слово, из-за чего началась заварушка, уже и не упомнить; то ли в долг какому-то студюозусу не налили, то ли девицу он с кем-то не поделил, но беспорядки случились знатные). Первопричина давно забылась, но классовая ненависть студентов к гвардейцам угасать не собиралась. Чего только не изобретали богатые на выдумку студенты, чтобы насолить своим извечным врагам! Иногда получалось смешно, иногда гнусно, но скучать не приходилось никому, тем более что гвардейцы, будучи окончательно выведены из себя, случалось, мстили, и тоже весьма изобретательно. Городские власти до поры до времени закрывали глаза на эти безобразия, считая, что молодежи надо выпускать пар и, пока до смертоубийства и поджогов не дошло, пускай юнцы резвятся.

Таким образом, появиться в импровизированном студенческом общежитии в сопровождении двух гвардейцев – значит попросту завалить дело, в этом я не сомневалась. Жаль, конечно, что папаша Власий указал именно на этот квартал, а не на скотобойни, скажем, или квартал веселых домов, но тут уж ничего не попишешь.

– Господа, в ваших услугах я более не нуждаюсь, – сказала я вполне вежливо, когда мы выехали на улицу. – Можете возвращаться, дальше я поеду одна.

Капрал, не возражая, козырнул и завернул лошадь. А вот Лауринь его примеру следовать не спешил.

– Ну что еще? – спросила я, видя, что лейтенант никак не соберется с духом.

– Госпожа Нарен, позвольте мне сопровождать вас! – выпалил он.

– Лейтенант, я ведь сказала – более ваши услуги мне не требуются, – терпеливо повторила я. – Там, куда я еду, гвардейский мундир – верный способ получить из-за угла камнем по затылку.

– Мундир можно снять, – упрямо заявил Лауринь.

– И что, в одной рубашке поедете? – прищурилась я. – Хотите подхватить воспаление легких? Я вас больше лечить не стану, и не надейтесь.

– Я... ну... – Тут лейтенанта озарило: – Я по пути лавку старьевщика видел... Госпожа Нарен, я вас прошу, обождите немного!..

– Ждать не стану, – отрезала я. – Охота вам – догоняйте, я торопиться не буду. Не догоните – ваши проблемы, я вас с собой не звала.

На этом мы и расстались. Лауринь куда-то погнал своего костлявого мерина, а я направила свою кобылу к реке. Я и в самом деле не торопилась, потому что по пути мне следовало кое-что обдумать. Это заняло совсем немного времени, а потом мои мысли за неимением другой темы вернулись к моему сопровождающему. С чего бы это лейтенанту вздумалось тащиться за мной? Казалось бы, дурацкий свой «долг» исполнил, баш на баш, как говорится, и радовался бы... Или, по его мнению, верховая прогулка по городу и обед в трактире – слишком маленькая плата за лечение? Вполне может быть. Или – тут я усмехнулась – это банальное мальчишеское любопытство. По правде сказать, служба в гвардии, особенно если у тебя нет денег, – очень скучное занятие: ни выпить с приятелями, ни погулять вволю... А тут, изволите ли видеть, тайны, эпидемии, трущобы... Есть чем пощекотать нервишки. Так что, думаю, «долгом» своим Лауринь прикрывает желание узнать, чем же кончится дело, вполне может быть, и сам это не вполне осознавая.

Сзади послышался неровный топот, и вскоре меня нагнал принарядившийся Лауринь, нещадно погоняя своего одра. Судя по всему, лавку старьевщика он перевернул вверх дном в крайне сжатые сроки: ни за что не поверю, что такие замечательные предметы гардероба могли оказаться на самом виду! На лейтенанте красовалась заношенная кожаная куртка из тех,

что обычно носят наемники, вытертая до такой степени, что вполне сошла бы за замшевую, и местами заплатанная. К тому же куртка Лауриню была заметно велика. Широленные штаны, напаянные, похоже, прямо поверх форменных, я описать и вовсе не берусь, для этого нужен какой-нибудь литератор вроде нейра Шлосса. На голове у лейтенанта красовалась совершенно невозможная шляпа. Словом, лучшего способа привлечь к себе всеобщее внимание и придумать было нельзя!

– Вы бы еще фальшивую бороду приклеили, – сказала я, обозрев то чучело, в которое превратился обычно аккуратный и подтянутый лейтенант. – И повязки на один глаз не хватает. Лауринь вспыхнул и промолчал, а я сжалась:

– Ладно, сойдет. Только шляпу эту кошмарную выкиньте подальше. И рукава закатайте, что вы их поддегиваете все время! А штанины напустите на голенища побольше, а то очень уж у вас сапоги казенного вида. Да, вот так...

После этих манипуляций Лауринь приобрел вид давно и прочно сидящего на мели юнца, решившего податься в наемники, но застрявшего в районе первого попавшегося трактира. Не такой сопровождающий полагался бы прилично одетой женщине вроде меня, но выбирать было не из чего.

Путь до приречных кварталов мы проделали в молчании, я за неимением другой темы размышляла о нынешней гвардии. Картинка получалась так себе. Когда-то, как принято говорить, в незапамятные времена, королевская гвардия была элитой армии, попасть в число гвардейцев могли только лучшие из лучших. Потом, в недоброй памяти времена правления одного из предков Арнелия, который бездарно реформировал все, что попадалось ему под руку (все-таки и в этой династии не обошлось без паршивой овцы), гвардия превратилась в этакий заповедник для отпрысков знатных семей, которые только и умели, что изящно носить мундиры, дуэлировать, потреблять горячительные напитки в неумеренных количествах и лихо ухлестывать за дамами. На поле боя толку от этих вертопрахов не было никакого, это ясно показала первая же военная кампания, в которой участвовала «обновленная» гвардия. Нет, были и в ее рядах талантливые военные, но в подавляющем меньшинстве.

К нынешнему времени ситуация немного выправилась. Рядовых гвардейцев набирали, как и обычных солдат, разве что старались подбирать повиднее и посмышленнее. Капралы и сержанты обыкновенно выслуживались из рядовых, а вот офицеры все как на подбор были благородного происхождения. Лейтенантов в гвардии было едва ли не столько же, сколько рядовых, и большинству из них в жизни не доводилось командовать своим отрядом по причине полной своей бездарности. (С этой точки зрения Лауринь меня удивлял: на мой взгляд, он никак не тянул на человека, которому можно доверить командование хотя бы десятком солдат; с другой стороны, у него имелся разумный и опытный капрал.) Кое-кто ухитрялся сделать карьеру и стремительно взлетал к вершинам, а многие так и оставались на всю жизнь в своем невеликом звании, ничуть не считая это зазорным. Так что при дворе вполне можно было встретить и убеленного сединами лейтенанта, и очень молодого генерала. Несмотря на все это, в народе королевских гвардейцев любили нежной любовью (особенно, конечно, женщины всех возрастов и сословий), за исключением разве что студентов, ну да об этом я уже рассказывала. Они по-прежнему считались элитой армии, хотя звание это было уже несколько незаслуженным. На мой пристрастный взгляд, стоило перетряхнуть гвардию сверху донизу и разогнать бездельников по домам, но Арнелий пока не спешил принимать столь радикальных мер, используя вышеупомянутых бездельников самыми разнообразными способами. Приставлял в качестве эскорта к разным важным шишкам, например: и тем приятно внимание, и служаки вроде бы при деле...

Моя кобыла недовольно фыркнула, и я очнулась от раздумий. Похоже, мы прибыли на место. Местечко то еще, должна сказать: река отнюдь не благоухала, от мостовых несло еще хуже, чем от реки, а на тесных улочках развезаться вдвоем было проблематично. Лауринь со

свойственной ему удачливостью едва не угодил под поток помоев, выплеснутых кем-то из окна прямо на улицу, после чего стал стараться держаться ближе к середине проезжей части. Это, конечно, вызывало недовольство у встречных, а потому лейтенант слышал о себе премного интересного...

Глава 7

Собачник

Искомые дома стояли у самого берега и внешне выглядели вполне прилично. Видимо, их периодически красили за казенный счет, чтобы не оскорблять взоры прогуливающих на лодках господ видом облупленных стен. Хотя... покажите мне того ненормального, что будет кататься на лодке именно здесь, где на выходе из города река несла в себе все сточные воды и отходы разных производств! Как ни запрещали городские власти сливать в реку всякую дрянь, не помогало, каждого за руку не поймаешь. Коллегия уже не первый год обещала разработать какие-то фильтры для воды, но все никак не могла собраться это сделать. А в реке тем временем, говорят, уже и рыба без чешуи, а то и с тремя глазами попадаться стала...

Что в трех одинаковых домах обитают именно студенты, было ясно с первого взгляда. Во-первых, из окна каждого здания свешивался «флаг» с эмблемой университета, намалеванной красной краской то ли на простынях, то ли на скатертях. Во-вторых, перед крайним слева домом, прямо в жалком подобии клумбы, не успевшем еще порости сорной травой и одуванчиками, сладко спал небритый юноша, одетый с тем нищенским шиком, с каким умеют одеваться только столичные студенты. Спал юноша в обнимку с большой полупустой бутылкой, так что ясно было – простуда ему не грозит.

Остальные обитатели домов показываться на глаза не спешили, так что я решила для начала обойтись тем, что имелось в наличии.

Я спешила и, передав поводья Лауриню, подошла к спящему студенту. Был он рыж, веснушчат, а при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж юным, во всяком случае, старше Лауриня, то есть не первокурсник, а почти что выпускник. (Каким образом студенты, ведущие столь разгульный образ жизни, умудрялись выносить какие-либо знания из своей цитадели наук, а потом еще и ухитрялись прославиться, оставалось загадкой не для меня одной.) Я наклонилась и потрясла парня за плечо. Никакого эффекта. Я встряхнула сильнее.

– Уйди, милая... – томно произнес парень, переворачиваясь на другой бок. – Я пуст...

Стало ясно, что обычными методами тут не обойтись. Оглядевшись, я нашла в кустах пустую бутылку и с размаху грохнула ее о камни над ухом у спящего. Если и это не поможет... Однако помогло. На этот раз сон с пьянчужки как рукой сняло. Студент подскочил как ошпаренный, ощупал свое пузатое сокровище, убедился, что оно совершенно цело, и с явным облегчением перевел дух. Потом перевел взгляд на меня.

– Вы кто? – удивленно спросил он. – Если за деньгами, так мы ж за месяц вперед заплатили. Или это в прошлый раз было?..

– Я не за деньгами, – успокоила я его. – Я ищу здесь кое-кого.

– А, ну тогда вы по адресу! – обрадовался парень, поднялся на ноги, аккуратно пристроил свою бутылку на клумбе и отвесил мне вполне галантный поклон. – Ганнис Вайш к вашим услугам, госпожа... э-э-э?

– Нарен, – ответила я и с удовлетворением отметила, что эта фамилия ни о чем студенту не говорит. Вот и славно...

– Госпожа Нарен, стало быть... – кивнул Ганнис. – А кого ищете и зачем? Дочку вашу изобидели или еще что?

– Скорее еще что, – невольно усмехнулась я. – Вот что, господин Вайш, не пройти ли нам куда-нибудь в более уютное место?

– И то правда, – согласился студент и ловко подхватил бутылку под мышку. – Пойдемте в дом. Там, правда, разруха и вообще свинарник, зато тепло. Так что ежели вас не смущают тараканы, то милости прошу!

– Лауринь, идемте, – скомандовала я.

– Лошадок тут привяжите, – посоветовал Ганнис. – Никто не возьмет, здесь наша территория. Так что все знают: если у нас что сопрут – найдем и руки поотшибаем...

Тараканы в студенческом жилье и в самом деле чувствовали себя вольготно. Парочка рыжих великанов примостилась прямо на столе, задумчиво шевеля усами и обсуждая, видимо, незваных гостей. Ганнис привычно смахнул усачей на пол, водрузил на стол свою заветную бутылку и галантно предложил мне единственное в комнатухе сиденье – колченогую табуретку. На табуретку, похоже, когда-то что-то пролили, но я к таким мелочам отношусь философски, тем более что пролитое давно высохло. Сам Ганнис устроился на низкой лежанке, покрытой почему-то лошадиной попоной, а Лауриню указал на стопку толстенных книг, прикрытую кокетливой вязаной салфеточкой. Лауринь, впрочем, шаткой конструкцией не прельстился, заявив, что лучше постоит.

– Я тут вроде старосты, в этом доме, – пояснил Ганнис, витиевато извинившись за отсутствие угощения. – Так что у меня отдельные апартаменты, без жильцов, если не считать тараканов.

– Что же вы, господин Вайш, в клумбе-то тогда спите? – иронически попеняла я.

– Ума не приложу, как такое получилось, госпожа Нарен, – развел руками Ганнис. – Помню, что домой шел, да, видать, не дошел. Главное, самое важное не разбил...

– Что у вас там? – поинтересовалась я из любопытства. – Орта?

– Да что вы, какая орта! – возмутился Ганнис. – Горючая жидкость! Наши химики попросили раздобыть, я и добыл, и даже донес. Хорошо, не разбил по дороге, а то пожар бы устроил.

Я отметила про себя, что, если приречные кварталы выгорят дотла, я буду знать, кто в этом виноват, и сказала:

– Давайте ближе к делу, господин Вайш.

– Давайте, – радостно согласился Ганнис. – Только прошу вас, без «господина», а то я себя как на экзамене чувствую! Вы вроде сказали, будто ищите кого-то? Что он натворил?

– Не гоните коней, Ганнис, – попросила я. – По порядку. Вы, значит, староста в этом доме?

– В этом раньше был, – кивнул он, – а теперь и за двумя другими присматриваю, потому как тамошние старосты наш бранный мир не так давно покинули, а новых выбрать все недосуг.

– Умерли во время эпидемии? – подняла я брови.

– Ага, – кивнул Ганнис. – Денег на врачей и магов-медиков у нас нет, так что народу перемерло прилично. Зато теперь хоть не по очереди спать можно.

Лауринь возмущенно фыркнул.

– С другой стороны, – невозмутимо продолжал Ганнис, – и платить тоже некому, так что будем новых жильцов искать.

– С этим ясно, – кивнула я. – Стало быть, вы всех здешних обитателей знаете?

– Да, пожалуй, всех, – ответил Ганнис, подумав. – Из наших-то домов всех если не по именам, так хоть в лицо узнаю, да и соседи примелькались.

– А не появлялось ли среди них незадолго до начала эпидемии новеньких? – поинтересовалась я.

– Что-то вы, госпожа, уж очень много вопросов задаете, – прищурился вдруг Ганнис. – Прямо как будто из сыскного отделения...

– Почти угадали, – холодно ответила я. – Однако чести служить в сыскном отделении не имею. Считайте меня частным сыщиком.

– Ага... – Ганнис призадумался. – А частных сыщиков обычно нанимают люди не бедные... А у нас за жилье не уплачено...

– Я хорошо плачу за информацию, – произнесла я. – Но я подчеркиваю – за информацию, а не за пустую болтовню.

– Тогда, считайте, договорились, – хмыкнул Ганнис.

– И своего сдадите? – приподняла я брови.

– Если это такой дурак, что влип в какие-то темные делишки и остальных за собой утянуть может, – сдам, – сердито ответил Ганнис. – Спрашивайте уже, что время-то тянуть.

– Хорошо. – Я помолчала. – Итак, для начала расскажите мне: в здешнем квартале люди начали заболевать до того, как объявили об эпидемии, или после?

– Да разве теперь упомнишь... – почесал в затылке Ганнис. – Тут, у реки, сыро, холодно, все время кто-нибудь соплями двигает. Да и потом... – Он принял смущенный вид. – За всеми не углядишь, кто у себя сидит, кто в кутузке, кто по городу бегают, кто пьяный дебоширит... Но вообще-то... Скорее все-таки до карантина. Точно! – Ганнис вдруг подпрыгнул на своей лежанке, так что вторая стопка книг, находившаяся в опасной близости от его башмака, опасно закачалась. – Вспомнил! Тут неподалеку пекарня одна есть, а у пекаря дочка маленькая. Так мамаша ее, помню, приходила к нашим лекарям чего-нито от простуды попросить, говорила, простудилась девчонка. Наши-то по доброте душевной сходили посмотреть, микстуру какую-то приготовили... Не помогло, правда. А после этого кто-то из лекарей слег, точно. – Он поскреб в затылке. – А вообще это бы хорошо у девчонок наших спросить. Они у нас не пьянствуют особенно, должны лучше помнить, что к чему. Погодите-ка...

Ганнис выскочил из комнаты и через несколько минут вернулся с худой бледной девицей, закутанной в огромную серую шаль, отчего девица сильно смахивала на платяную моль. Некоторое время ушло на то, чтобы втолковать ей суть дела, потом девица напряглась и по некотором раздумье подтвердила слова Ганниса:

– Не знаю уж, у дочки пекаря наши заразились или нет, но только трое из лекарей слегли сразу. Да ты сам-то вспомни, – обернулась она к Ганнису. – Жайс-Репейник, Яника и дружок ее, Вит. Все втроем и убрались, чем их только ни пичкали. А про эпидемию мы уже потом узнали. Так что, – повернулась она ко мне, – выходит, это с нас зараза пошла?

– Может быть, с вас, может, и нет, – задумчиво ответила я, отметив про себя, что молеобразная девица далеко не глупа. – Ганнис, вернемся к самому первому моему вопросу: никаких новичков не появлялось в округе незадолго до этих событий?

– Да не припоминаю что-то, – почесал в затылке Ганнис. – Тут ведь все про всех знают, как в деревне, чужака живо приметят. К нам чужой не подселится, своих мы всех знаем, ну если только подружку кто приведет или парня, но это ж ненадолго...

– Врешь, – отрезала бледная девица. – Кто с Мирой, швеей, полгода жил, не ты ли?

– А вы так прямо все возмущались, – хмыкнул Ганнис. – Она ж вас всех обшила, пока тут жила. Да это когда было-то!..

– У нас чужих точно не появлялось, – сказала бледная девица, не обращая внимания на Ганниса. – А за соседние дома ручаться, как Ганнис, не стану, за всеми ведь не уследишь.

С этими словами она удалилась.

– Что это за чудо природы? – спросила я.

– Это? Это Нея Госс, из химиков, – ответил Ганнис. – Жуткая девка, мало того что страшная, так еще и стерва. Прославиться мечтает. Тьфу ты, бутыль-то я ведь ей и нес...

– Что ж, судя по всему, больше вы меня никакими сведениями порадовать не можете, – вздохнула я.

– Что знал, то рассказал, – пожал плечами Ганнис.

– И это уже что-то... – задумчиво сказала я, выкладывая на стол один за другим несколько аров. – Скажите-ка теперь, как этого пекаря найти, у которого дочка заболела...

Выбираться из грязного, но теплого студенческого обиталища на улицу не хотелось, но выбора не было. Лауринь ежился и отчаянно мерз в своей слишком просторной куртке, которую продувало насквозь. Я не мерзла, но на улице мне не нравилось – не люблю пронзительный сырой ветер.

Шокированный размерами гонорара Ганнис лично вызвался проводить нас к пекарю, что и исполнил, всю дорогу заверяя меня в своей искренней любви к частным сыщикам, их богатым нанимателям, а также приглашая обращаться с вопросами в любое время дня и ночи. Это было бы нелишнее, я взяла Ганниса на заметку. Студенты хоть и безалаберны, зато бывают в самых разных местах и видят и слышат много интересного. Если умеючи спросить, можно получить любопытные результаты...

– Все, дальше я ни ногой, – сказал Ганнис, указывая на невысокий домик, зажатый между двумя строениями повыше. – Пекарь на нас зуб имеет с тех самых пор, как наши медики его дочку вылечить не смогли... Всего вам хорошего, госпожа Нарен!

– И вам того же, – кивнула я. – Что встали, Лауринь, идемте, поговорим с этим пекарем, что ли...

От кого-то ведь эта несчастная девочка должна была получить заразу? Сама по себе тирота не возникает, я уже говорила, это не красная лихорадка. Я чувствовала, что вот-вот нападёт на след, жаль только, след этот успел изрядно остыть, не пропустить бы его...

– Закрыто, – ответили из-за двери пекарни на мой решительный стук.

– Сыскное отделение, – отчеканила я, резонно рассудив, что с законопослушным пекарем надо разговаривать иначе, чем со студентами. – Соболаговолите открыть.

Дверь распахнулась моментально, едва не стукнув меня по носу. На пороге обнаружился хозяин, невысокий шупленький человечек, за его спиной маячила дородная женщина, очевидно, жена, а к ее юбке жались то ли двое, то ли трое малышей.

– П-проходите, прошу вас... – вымолвил пекарь. – Простите за такой прием, госпожа, только сейчас кто только по улицам не ходит, боязно...

«Что же ты у меня документы-то не спросил? – усмехнулась я про себя. – А если бы и спросил, как понял бы, что они подлинные?» Этак сыскарем мог назваться и отъявленный бандит, как проверишь?

– Вы проходите как свидетель по делу студентов-медиков, – заявила я, без приглашения усаживаясь за стол.

– К-каких студентов? – оцепенел пекарь.

– Тут неподалеку студенты живут большой компанией, – терпеливо пояснила я. – Среди них есть медики, лекари, если хотите. Так вот, уважаемый, эти недоучки занимались медицинской практикой, что строго запрещено. Вы, насколько мне известно, тоже пали жертвой их непрофессиональных действий. Вернее, не вы, а ваша дочь. Будете отрицать?

– Н-нет! – выпалил пекарь. – Так все и было!

– Расскажите подробно, – велела я.

– Дочка у нас заболела... – Пекарь сел напротив меня и пригорюнился. Его жена так и стояла в углу, сложив руки на животе. – Простыла, должно быть. Щенок у ней был, а он возьми да заболит, то ли отравился чем, то ли что, а она с ним все возилась во дворе, вот и простыла... Мы люди небогатые, на хороших лекарей денег нет, так мать ее травками пользовалась, да без толку все, хуже да хуже... Тогда соседка ее и надоумила: пойдешь, говорит, к студентам, они тоже лечить умеют, сама у них какое-то зелье покупала. – Пекарь вздохнул. – Моя дура и потащилась. А они аж втроем пришли, переругались тут, что за болезнь и как лечить. Оставили микстуру, только не помогло, померла дочка, кровиночка единственная...

– А эти чьи? – нахмурилась я, кивнув на крутящихся вокруг женщины малышей.

– Соседские, – махнул рукой пекарь. – Та самая соседка, советчица-то, возьми да и помри, а у нее трое, и мужа нет. Взяли вот к себе пока что, может, какая родня объявится, а нет...

– Сами вырастим, – впервые подала голос женщина. – Их мать мне вместо сестры была, так что о приюте и не заикайся, не дам!

– Цыц, дура! – прикрикнул пекарь. Видно, спор этот начинался у них не в первый раз.

– Больше никто посторонний не приходил? – спросила я безнадежно.

Так же безнадежно задала я и обязательные вопросы о подозрительных новых жильцах и гостях соседей. Ничего пекарь с женой не заметили...

Ненадежная ниточка оборвалась. Ищи теперь лист на дереве... Можно опросить хоть всех жителей приречного квартала, толку-то? После шока, вызванного эпидемией, они и думать забыли о всяких подозрительных личностях, которых, может быть, и не было вовсе! А если были, то не подозрительные. Или... я не знаю что!

– Госпожа Нарен... – Пока пекарь пререкался с женой, Лауринь подошел ко мне и склонился к моему уху. – Госпожа Нарен, а собака?

– Какая собака? – нахмурилась я, повернув голову и встретившись взглядом с Лауринем.

– Щенок этой девочки... – напомнил Лауринь. – От него она заразиться не могла?

Собаки тиротой не болеют, как и вообще животные, это я знала наверняка. Но...

– Чем болела собака? – спросила я, перебивая спор пекаря с женой.

– А? – вытаращились они на меня.

– Собака, – повторила я. – Щенок, с которым возилась ваша дочь.

– Да кто его разберет... – пожал плечами пекарь. – Это у Эрлена спросить надо, он про собак все знает.

– Какого еще Эрлена? – насторожилась я.

– Ну, постояльца соседского, – пояснил пекарь удивленно.

– А давно он тут живет? – След, вроде бы остывший, вновь потеплел.

– Да уж который год... – Пекарь посмотрел на жену. – Наша-то дочка еще пеленки пачкала, а он уж был. Тому, стало быть, лет семь, а то и больше.

– Кто такой, чем занимается? – Я напряглась. С чего я взяла, что виновный обязательно должен быть чужаком? Если не заикливаться на этом предположении... – Фамилия?

– Да разве разберешь, кто такой... Фамилию он не называл вроде, а никто не спрашивал. На кой она нам? – Пекарь почесал в затылке. – Говорил вроде, что его из студентов выгнали. Я ж говорю, он все с живностью возится, с собаками, кошками, лечит их, даже денег с хозяев не берет. Тут Собачником прозвали.

– А живет на что? – задала я резонный вопрос.

– Должно быть, родители присылают, – вздохнул пекарь. – Ну и подрабатывает, где может, нам вот иногда дрова колет, кое-как на жизнь хватает, надо думать.

– Он все еще здесь? Жив?

– А что ему сделается... Вчера вроде его видели, так, мать? – Пекарь снова покосился на жену в поисках поддержки.

– Видели, – подтвердила та и снова замерла.

– Хорошо. – Я встала. – Объясните, как пройти к этому Эрлену. Лауринь, не стойте столбом, за мной, живо!

Неизвестный Эрлен обитал совсем рядом, через улицу. На стук дверь открыла средних лет женщина, на вопрос о своем квартиранте указала нам лестницу, ведущую наверх, и тут же потеряла к нам всякий интерес. Должно быть, гости к Эрлену ходили часто.

– Не заперто! – откликнулся на мой стук в очередную дверь приятный мужской голос. – Входите!

Я воспользовалась приглашением и оказалась в довольно просторной, бедно обставленной комнате. Узкая кровать, стол, стул, самодельные полки на стене – вот и вся мебель. Стол был заставлен разномастной посудой, наводившей на определенные подозрения. Пахло чем-то очень знакомым, но чем именно, я пока понять не могла.

– Вы – Эрлен? – спросила я, не тратя времени на приветствия.

– Да, – улыбнулся тот. Он оказался довольно высоким светловолосым юношей, скорее худым, чем стройным, с удивительно изящными для мужчины кистями рук. Я не удивилась

бы, услышав о его дворянском происхождении: физиономия у него была вполне породистая. – Что у вас случилось?

– Вопросы буду задавать я. – Я встала напротив Эрлена, заложив руки за спину. У меня не было никаких доказательств, но моя интуиция говорила мне, что в этого улыбчивого парня нужно вцепляться мертвой хваткой и трясти до тех пор, пока на свет не появится что-то ценное.

– А вы, простите, кто? – удивился он.

– Флоссия Нарен, – ответила я без улыбки. – Независимый судебный маг.

– О!.. – Лицо Эрлена озарилось совершенно детской улыбкой. – Никогда не видел судебных магов... А что все-таки случилось?

– У дочери вашего соседа, пекаря, был щенок. Он чем-то болел. Вы можете мне сказать чем? – спросила я, не обращая внимания на его вопросы.

– Отравился крысиным ядом, – обескураженно произнес Эрлен. – Бедная собака... Я попробовал ему помочь, но было уже слишком поздно...

– Что значит – помочь? Вы лекарь?

– Нет... то есть диплома у меня нет... – смутился Эрлен. – Но денег я с пациентов не беру, так что незаконную практику вы мне не прищете!

– Ах вот как вы заговорили, – протянула я. – Чудесно. Как же вы лечите животных?

– Кое-какие рецепты узнал, когда еще учился в университете, кое-что придумал сам, – оживился Эрлен.

– За что, кстати, вас выгнали из университета? – поинтересовалась я.

– Меня не выгоняли, – удивился он. – Я сам ушел. Там меня никто не понимал, надо мной даже смеялись. Говорили, что я сумасшедший.

«Сдается мне, они не слишком ошибались», – подумала я, вслух же спросила:

– Чем же вы так смешили однокашников?

– Я... – Эрлен замялся. – Я... понимаете... я не знаю, как объяснить, чтобы вы поняли... В общем, у меня когда-то была собака, большой такой волкодав, я очень его любил... А он где-то подхватил нутроеду и умер... – Рен поднял на меня несчастные глаза. – Я никогда не забуду, как он мучился перед смертью, госпожа Нарен... И я решил, что обязательно придумаю средство от этой заразы! Только в университете мне никто помочь не захотел, просто талдычили, что нутроеду вылечить нельзя, и все тут...

– И как, получилось? – поинтересовалась я. Нутроеда и правда была мерзкой болезнью, для человека, к счастью, не опасной. Раньше полагали, что во внутренностях животного заводится червь и выедает их, отсюда и название. Болезнь эта и в самом деле считалась неизлечимой.

– Да, я уверен, что получилось! – Эрлен снова сиял энтузиазмом. – Только мне пока не представилось случая испробовать это средство. То есть... на этом щенке я попробовал. Симптомы были очень похожи... а теперь я думаю, если бы я раньше понял, что он просто отравился, я бы успел его спасти...

«Если окажется, что он случайно, стряпая свое лекарство для собак, вывел культуру тироты, я съем свою косынку», – мысленно пообещала я. Это было из области невероятного, но... других объяснений я пока не видела!

– Знаете, говорят, клин клином вышибают, – опять обрел присутствие духа Эрлен. – Тот господин мне очень помог...

– Какой еще господин? – почти зарычала я. Да сколько же в этой истории действующих лиц?!

– Господин с постоялого двора, тут неподалеку, там лошадь захромала, и меня позвали помочь, – объяснил Эрлен. – Мы с ним разговорились, я рассказал ему про нутроеду...

По рассказу этого блаженного выходило, что неизвестный господин живо заинтересовался его историей, а потом, посетовав на нехватку времени, дал юноше какое-то снадобье,

сказав, что это результат его многолетних исследований. Дескать, он по молодости лет стремился изобрести лекарство от всех болезней сразу, а вышло вот это, тот самый «клин», которым можно вышибить даже опасную заразу, не всякую, правда, но с нутроедой попытаться стоит. Теперь этот господин в своих лекарских талантах разочаровался и вообще страшно спешит, но в Эрлене видит продолжателя своего дела, и так далее, и так далее. Еще таинственный господин предостерег Эрлена: для здорового человека это снадобье может быть смертельно опасно, а потому при работе с ним непременно следует принять противоядие. Так, на всякий случай...

Так вот чем пахло в комнате! А я-то ломала голову... Это был всего лишь мерзкий запах лекарства от тироты! Так что же, выходит, неизвестный господин просто так взял и всучил этому идиоту склянку с культурой тироты?!

– Как его звали, куда он направился? – Я готова была вывернуть Эрлена наизнанку, чтобы получить ответ.

– Имени он не назвал, а ехал... – Эрлен задумался. – Он уезжал из города, сказал, что был проездом, по делам, а теперь едет домой, в Эсталь.

Боюсь, челюсть у меня отвисла. Краем глаза я видела, как вытянулась физиономия у Лауриня. Эсталь – столица соседнего государства, Стальвии, где правит Его величество Никкей, и...

Что это значит? Если тот господин в самом деле был подданным Никкея, то эту ситуацию иначе как диверсией и не назовешь. А если не был? Если... Я вспомнила не столь уж давние события, когда меня банально похитили все те же стальвийцы. Тогда я решила, что подобная ситуация – отличный повод для развязывания военных действий, только не смогла понять, кому и зачем это надо. Но теперь – то же самое! Легко представить, как отнесутся добрые горожане к новости о том, что наши соседи едва не выморили всю столицу. Беспорядков точно не избежать. Стоп! Откуда бы этим добрым горожанам узнать подробности? Ведь злоумышленник не мог знать, что я начну расследование... С другой стороны, могу представить себе ход его мыслей: в городе не так уж мало магов, рано или поздно хоть один да заметит нестыковки, а если тироту опознают, то расследования не миновать. Если же маги окажутся, как один, слепы, и город вымрет почти полностью... То рано или поздно где-нибудь объявится заблаговременно принявший лекарство Эрлен со своим чудодейственным собачьим снадобьем – и снова вспыхнет эпидемия. Когда-нибудь его точно поймут, а если это произойдет, то подробности относительно господина из Эстали он выложит на первом же допросе, как пить дать. А иголки в кармане не утаишь...

Значит, или нас провоцирует сам Никкей, или некая третья сторона. Если верно последнее, то в ответ на обвинение с нашей стороны Эсталь может оскорбиться и ответно обвинить нас в поклепе на своих добрых граждан. Слово за слово, и тут тоже может полыхнуть. Не такие уж добрые отношения у Арнелия с Никкеем, как может показаться со стороны. Но кому и зачем это надо?!

Я вспомнила, что стою посреди комнаты в глубокой задумчивости, а Лауринь и Эрлен пялятся на меня, как на заморскую диковину. Ладно, о мотивах неизвестного преступника я подумаю потом, пока же надо нейтрализовать Эрлена.

– И где же ваше волшебное средство? – поинтересовалась я.

– Здесь... я как раз хотел разобраться, из чего оно составлено и... – начал было Эрлен.

– Дайте сюда немедленно, – велела я.

– Но... – Юноша окончательно стал похож на обиженного ребенка.

– Немедленно! – рявкнула я.

– Вы тоже... – Брови Эрлена поползли вверх, казалось, он сейчас заплачет. – Такие же, как вы, мне не верили! А теперь вы хотите забрать то, что мое по праву?! Ну уж нет!

Эрлен метнулся к окну. Я решила было, что он собрался сигануть на улицу, и приготовилась ловить прыгуна «сеткой»: не расшибся бы о мостовую! Однако прыгать Эрлен не стал. Откуда-то, чуть ли не с подоконника, юноша выхватил шпагу, чем окончательно убедил меня в своем благородном происхождении: шпага была старинная, явно очень дорогая, в обычной лавке такую не купишь. Неужели фамильная?

– Не подходите! – взвизгнул он, бочком продвигаясь к столу и выставив перед собой шпагу.

Я начала было поднимать руку, чтобы обезоружить парня (жаль было шпагу, но что поделаешь!), но тут вмешался Лауринь, которому явно надоело стоять без дела.

– Госпожа Нарен, позвольте, я... – Не договорив, Лауринь метнулся вперед, лязгнула сталь, Эрлен попятился.

Я в фехтовании разбираюсь слабо, но мне показалось, что оба юнца весьма неплохи, только вот Эрлен, очевидно, давно не тренировался. Перейти в контратаку Лауринь ему так и не позволил, к тому же у лейтенанта хватило ума оттеснить противника подальше от стола и прижать к стенке. Лязгнуло в последний раз – шпага Эрлена со звоном упала на пол.

– Отлично, – сказала я. – Вы провозились больше времени, чем это бы заняло у меня, но вышло зрелищно. Свяжите этого остолопа вон хотя бы простынями, а я пока посмотрю, что у него тут имеется...

Склянку с культурой тироты я вычислила сразу – она разительно отличалась от разнокалиберных, заслуженного вида посуды, служивших Эрлену для опытов. На всякий случай, однако, я запечатала комнату наглухо, так, чтобы вскрыть ее смогли только маги из Коллегии или я сама, склянку же забрала с собой. А забавно получится, если окажется, что тирота в самом деле может справиться с нутроедой! Правда, это то же самое, что поджигать дом, чтобы избавиться от тараканов...

Связанного Эрлена погрузили на лошадь – если бы я не озаботилась набросить на нас заклинание, полюбоваться зрелищем сбежалось бы полквартала. Меня ждал доклад Его величеству...

... – И если это диверсия, Ваше величество, то очень странная, – завершила я свою речь. – Вряд ли злоумышленник мог предугадать, когда именно Эрлен воспользуется этим зельем. Ему повезло, что соседская собака отравилась буквально через несколько дней после встречи Эрлена с «господином из Эстали». Животные тиротой не болеют, но девочке хватило и общения с животным, попотчеванным микстурой, достаточно было капле собачьей слюны попасть на ее кожу... Дальше началась цепная реакция. Свои идеи по поводу причин диверсии я вам уже изложила.

– Да, госпожа Нарен, я согласен, все это выглядит более чем странно, – медленно произнес Арнелий. – Не думаю, чтобы мой августейший собрат смог сам придумать столь сложную схему. Значит, все же некая третья сторона... Благодарю вас. Мне нужно будет обдумать сложившуюся ситуацию. Она мне очень не нравится.

– Что вы предполагаете делать с Эрленом? – спросила я.

– История с «господином из Эстали» не должна быть предана огласке, – произнес Арнелий.

– Тем не менее достаточно много людей знает, что в городе бушевала не красная лихорадка, а тирота и по этому поводу велось расследование, – напомнила я. – Простите, Ваше величество, при всем моем к вам уважении я не могу заявить, что расследование не увенчалось успехом. Это повредит моей репутации.

– Ваша репутация – это святое, госпожа Нарен, – тонко улыбнулся Арнелий. – Впрочем, ничего скрывать не потребуется, обвиняемый у нас есть.

– Эрлен? – вскинула я брови.

– Да. – Арнелий нахмурился. – Вы, кстати, были правы, он из очень хорошей семьи – Литты, знаете таких? Старший сын... Если бы он не свихнулся на собаках, мог бы стать известным ученым. Впрочем, теперь неважно. Официальная версия будет гласить, что этому юноше в ходе кустарных экспериментов случайно удалось вывести культуру тироты.

– Это бред, – отрезала я, вспомнив, как выдвинула такую же версию за неимением лучших. И свое обещание, кстати, тоже. Но поскольку это неправда, то косынку мне есть все же не придется... – В это никто не поверит.

– Обыватели – поверят, – отрезал Арнелий. – Пусть спорят, возможно это или нет. Коллегии, если заинтересуется, можно, полагаю, сообщить правду – но без упоминаний об Эстали. Просто – «некий господин». Мои маги уже занимаются памятью юноши, слова «Эсталь» он больше не произнесет.

– Что с ним будет дальше? – спросила я.

– Скорее всего, отправится в лечебницу для душевнобольных, – скривил губы Арнелий. – Юноша явно не от мира сего. Возможно, со временем его вернут родным.

– Если им заинтересуется Коллегия, как опасным самородком, и потребует его себе, они запросто вытряхнут из Эрлена все подробности о «некоем господине», как бы ни старались ваши маги, – сказала я. – Тем более... вы им полностью доверяете?

– Коллегия Эрлена не получит, – отрезал Арнелий, не ответив на мой вопрос. Все было предельно ясно: в скором времени беднягу Собачника ждал несчастный случай. Или самоубийство.

– В таком случае, Ваше величество, данное расследование можно считать завершённым, – наклонила я голову. – Позвольте откланяться.

– Всего доброго, госпожа Нарен, – кивнул Арнелий.

Домой я сразу не поехала, отправилась прогуляться по парку. Зря я это сделала – вскоре меня нагнал Лауринь.

– Вам нравится назначать свидания в парке, Лауринь? – любезно осведомилась я. – Вы меня второй раз здесь подкарауливаете.

– Простите, госпожа Нарен... – Лауринь смутился. – Я только хотел узнать – что будет с Эрленом? Его... казнят?

– Не думаю. – Я пнула подвернувшийся под ногу камешек. – Его уже объявили душевнобольным, а таких не вешают. – Я искоса посмотрела на лейтенанта. – Лауринь, вы вообще поняли, что произошло? Ситуация вам ничего не напоминает?

– Так точно, госпожа Нарен. – Лауринь посерьезнел. – Вы... вы имеете в виду господина из Эстали?..

– Забудьте это словосочетание раз и навсегда, Лауринь, – предостерегла я. – Иначе рискуете оказаться в одной уютной камере с нашим Собачником.

– Да... я... Госпожа Нарен, это... то же самое, что было осенью? – сформулировал наконец Лауринь. – То, о чем вы мне велели молчать?

– Да, лейтенант, оно самое. На сей раз Его величество в курсе. – И зачем я говорю об этом Лауриню? – Надеюсь, вам не нужно повторять дважды о необходимости держать язык за зубами?

– Я буду молчать, госпожа Нарен... – серьезно заверил Лауринь.

– О вашем участии в этой истории, кроме меня и Эрлена, не осведомлен никто, – заметила я. – Но Собачник не знает вашего имени и не знает, что вы гвардеец. А мало ли кто мог служить мне проводником... Вы уяснили?

– Меня не было с вами, госпожа Нарен, – понятно кивнул Лауринь. Что это с ним, неужели проблески разума появились?

– Да. Вы сидели дома и скучали. Или болтались по улицам и страдали от неразделенной любви. Не важно. – Я хмыкнула. – Вы мне очень надоели, лейтенант, но мне все равно не хотелось бы, чтобы вам на голову случайно упал перелетный кирпич.

– Спасибо, госпожа Нарен, – мрачно ответил Лауринь. – Позвольте последний вопрос?..

– Давайте.

– Я... Правильно ли я понимаю, что живым Эрлен на свободу не выйдет?

Я помолчала немного. А ведь Лауринь отнюдь не настолько глуп, как кажется на первый взгляд. И он умеет задавать неудобные вопросы. К счастью, еще он умеет молчать, иначе бы пришлось думать, как избавиться от него.

– Да, Лауринь, – сказала я. – Вы совершенно правы.

– Мне... мне очень жаль его... – сознался Лауринь. – Знаете, госпожа Нарен, вам это, конечно, неинтересно... Я мог бы быть на его месте. У меня тоже была собака, и я очень ее любил...

– Она умерла от болезни? – спросила я невесту зачем.

– Нет, госпожа Нарен, просто от старости. – Лауринь смотрел на кроны деревьев, вздернув острый подбородок, и моргал часто-часто. – А от старости вылечить нельзя...

Я двинулась дальше по аллее, оставив за спиной лейтенанта. Правильно ли я поступила, что позволила ему сопровождать меня? Не знаю, не знаю... В конце концов идею о больной собаке подбросил именно он. Что ж, посмотрим, что будет дальше. Даже удобно иметь постоянного сопровождающего, не привыкая каждый раз к новым физиономиям и выкрутасам очередного безусого мальчишки, отданного Его величеством в твое распоряжение по доброте душевной. Хотя я бы предпочла капрала Иваса, если честно. Другой вопрос в том, что можно и чего нельзя слышать Лауриню. Он уже знает достаточно, больше даже, чем Арнелий, а это, знаете ли... У меня пока нет причин сомневаться в его умении держать язык за зубами, но есть умельцы, которые легко развязывают любые языки. Нет, удобства удобствами, а таскать за собой Лауриня больше не стоит. Хватит на его долю тайн. Чем меньше будет знать каждый из окружающих в отдельности, тем меньше у меня будет проблем.

Глава 8

Везение

К моему большому облегчению, доклад, сделанный королевскому совету, был принят прекрасно. Еще бы, на этот раз я пользовалась поддержкой самого Арнелия, готового в любой момент пресечь ненужные вопросы. Коллегия пока отмалчивалась, очевидно переваривая невероятные сведения и пытаясь понять, действительно ли какой-то самоучка способен случайно вывести культуру тироты в домашних условиях. Вскоре маги придут к выводу, что это невозможно, и тогда Арнелию придется скормить им заранее заготовленную историю с таинственным господином из ниоткуда и быстро избавиться от Эрлена. Остаются еще, конечно, придворные маги, которые работали с парнем... С одной стороны, они связаны договором с Его величеством, но с другой – обязаны заботиться об интересах Коллегии. Кто знает, что они предпочтут: держать язык за зубами или выслужиться... Самое обидное: если один из них и донесет, невозможно будет узнать, кто именно это был. Впрочем, магов своих Арнелий знает хорошо, вряд ли бы он подпустил к Эрлену вовсе уж ненадежных людей...

Так или иначе, немного времени у нас есть. Станет ли Коллегия копать дальше – большой вопрос. Я бы, конечно, предпочла, чтобы не стала, но, с другой стороны... С другой стороны, мне очень хотелось знать, кто стоит за всем произошедшим. Я не люблю действовать вслепую, мне важно понимать причинно-следственные связи. Но следствие было на виду, корни же причин по-прежнему таились во мраке... Оставалось лишь ждать, в надежде что рано или поздно что-то прояснится.

Жизнь тем временем шла своим чередом, уже через несколько дней ко мне наведался первый после долгого перерыва клиент, и я временно оставила мысли о таинственном заговоре. Никаких особенно интересных дел не попадалось, так, рутина. Впрочем, я была этим даже довольна: хватит с меня пока что таинственных происшествий, в которых без бутылки орты и не разберешься, а с нею – так и тем более!

Новый клиент появился рано утром, поэтому ему пришлось ждать, пока я соизволю встать и позавтракать. Ожидание окончательно доконало бедолагу, уж не знаю, чем он был так расстроен. Впрочем, это должно было выясниться в самое ближайшее время.

– Чем могу быть полезна? – спросила я, разглядывая посетителя. С виду – торговец средней руки, не слишком удачливый, судя по всему, но и не бедствующий. Таких много в столице и окрестностях. Впрочем, не всем же процветать или нищенствовать, должна быть и золотая середина!

– Госпожа Нарен, вы моя последняя надежда! – Торговец умоляюще уставился на меня. Я невольно поморщилась – эти слова я на протяжении своей карьеры слышала примерно столько раз, сколько клиентов у меня было, а это уже цифра даже не трехзначная.

– Охотно верю, – сказала я. Еще бы не поверить; если судить по выражению лица, этот человек в полном отчаянии. – Только представьте для начала, будьте так добры. А потом изложите суть дела.

– Да, простите... Зовут меня Доро, Доро Лимес, я торговец... – Мужчина жалобно посмотрел на меня. – А суть дела очень проста, госпожа Нарен. У меня лошадей украли...

– Лошадей?! – Я вскинула брови. Конокрадов мне только и не хватало! – Вы уверены, что пришли по адресу? В сыскное отделение обращаться не пробовали?

– Конечно, пробовал, первым делом, как пропажу обнаружил, к ним бросился! – заверил меня Лимес. – Приходили они, смотрели, искали, даже ищейку привели – не берет собака след! Да и на земле-то следов не было, даром что накануне дождь шел, грязь на улице развезло... То есть отпечатков копыт не было, других-то следов там достаточно. Тогда мне и посоветовали

к вам обратиться, госпожа Нарен, потому что если не вы... – Он вдруг отчетливо всхлипнул. – Повешусь, как есть повешусь!

– Так, господин Лимес, давайте-ка по порядку, – поморщилась я. – Кто вы, откуда взялись, что за лошади и почему вы собрались из-за них вешаться?

– Я, госпожа Нарен, лошадьми торгую, – завел свою, без сомнения, печальную повесть Доро Лимес. – Ну и посредничаю, бывает, потому как торговля у меня не больно шибко идет, а жить на что-то надо. Так вот...

Если выбросить из речи почтенного торговца бесконечные причитания, то получалось вот что: некий помещик из наших краев купил несколько лошадей, заплатил задаток, а Лимесу вменялось в обязанность пригнать лошадей покупателю, получить остальную плату и, за вычетом своей невеликой доли, вернуть продавцу. Лимес, как я поняла, был не слишком удачлив в делах, зато честен, тому самому продавцу хорошо известен, услуги подобного рода оказывал уже не раз, потому его и выбрали для этого поручения. К тому же Лимес неплохо разбирался в лошадях, прекрасно с ними обращался, и ему можно было доверить ценный товар. В столице Лимес был проездом, остановился на постоялом дворе, чтобы утром отправиться дальше, к покупателю, – тот жил, как выяснилось, в окрестностях столицы. Названное имя показалось мне знакомым, и тут я вспомнила его: конечно же, сосед нейра Шлосса, тот самый, что держал небольшой конный завод. Надо же, как тесен мир! Не первый раз в этом убеждаюсь, кстати говоря...

– Хорошо, значит, вы остановились на ночь на постоялом дворе, лошадей поставили там же на конюшню, а что было дальше? – спросила я.

– В том-то и дело, что ничего, – еще больше расстроился Лимес. – Проспал всю ночь... Эх, знамо бы дело, сам бы остался на конюшне, так нет, понадеялся на Зайца...

– Какого еще Зайца? – терпеливо поинтересовалась я.

– Заяц, подручный мой, – пояснил Лимес. – Прозвище у него такое, потому как маленький, ушастый и зубы торчат, как есть заяц. Он как раз на конюшне и остался, за моими красавицами приглядеть...

– И что же, он ничего не заметил?

– Так пропал он, вместе с лошадьми пропал, о чем я и толкую! – занервничал Лимес. Про своего подручного он до сих пор ни слова не сказал, если честно.

– А вы не допускаете мысли, что этот ваш Заяц лошадей и увел? – спросила я. – Тем более что они к нему привыкли и не заволновались бы.

– Я уж любую мысль допускаю, госпожа Нарен, – опечалился Лимес. – Но только почему ж сторожа ничего не слышали и не видели, а ищейка след брать отказывается? Нечисто тут, верно вам говорю!

– Сторожа можно заплатить, а ищейке – перебить чутье, – пожалала я плечами. – И вот тут мы с вами, господин Лимес, подходим, пожалуй, к самому интересному вопросу в вашей истории. Чем так ценны эти ваши лошади, что ради них кому-то потребовалось устраивать этакое непотребство, если этот кто-то, конечно, существует в природе?

– Так я разве не сказал? – удивился Лимес. – Это ж вейрены, госпожа Нарен. Шесть племенных кобыл... Повешусь я!!

– Подождите пока, – велела я совершенно серьезно.

Теперь мне было понятно отчаяние Доро Лимеса. Вейрены считались самой дорогой породой верховых лошадей, и они того стоили. Я не считаю себя большим знатоком лошадиных статей, но у меня при взгляде на вейрена неизменно перехватывает дух от его красоты. Впрочем, лошади эти были не только красивы, но еще и быстры, очень выносливы и на диво неприхотливы. Сколько стоила породистая племенная кобыла, я примерно представляла. Однако у нейра помещика дела идут неплохо, раз он может позволить себе купить целых шесть лошадей! С какой целью, интересно? Не иначе нацелился сделаться поставщиком королевского двора:

Арнелий, что неудивительно, предпочитает именно эту породу лошадей, даже его знаменитая скупость в этом случае сдается без боя.

Я могла навскидку назвать несколько версий произошедшего. Первая и самая очевидная: нашему конезаводчику показалось глупым отдавать бешеные деньги, если можно получить лошадей и так. Задаток, ясное дело, пропадет, но по сравнению с общей суммой это ничтожно мало. Мог ли почтенный помещик организовать кражу? А почему бы и нет? Но он не мог не понимать, что подозрения первым делом падут на него. К тому же куда как проще было бы подстеречь Лимеса где-нибудь на большой дороге, взяв с собой нескольких слуг покрепче и прикинувшись грабителями, да и угнать лошадей, чем лезть на постоянный двор. Кстати...

– Вы что же, только вдвоем путешествовали? – спросила я. – Без охраны?

– Да что вы! – замахал на меня руками Лимес. – Как же можно! Со мной трое людей господина Витца, а еще троих прислал нейр Рем.

Витц – это, надо думать, его наниматель, а Рем – наш помещик. Хм... Со своими людьми в отряде Рему было бы еще проще завладеть лошадьми, но тут есть одно маленькое «но». Как бы потом достопочтенный помещик объяснил, откуда у него взялись шесть племенных кобыл, якобы похищенных бандитами на большой дороге? Думаю, он не мог этого не понимать. Вейрена ни с какой другой породой не перепутаешь, для этого надо быть слепым от рождения, так что выдать их за обычных лошадей не получится. Да и потом, не для собственного же удовольствия Рем их покупал, а для дела! Но окончательно эту версию отметить не стоит, порой жадность творит с людьми поразительные вещи...

– И где же была эта ваша охрана, когда воровали лошадей? – поинтересовалась я.

– Так по очереди сторожили во дворе... – уныло ответил Лимес. – Как обычно. И ниче-гошеньки не видели и не слышали! Сами теперь казнятся...

Тогда другой вариант: лошадей угнали посторонние, возможно, по чьему-то заказу. Вероятно также, с помощью этого самого пропавшего Зайца и внезапно оглохших и ослепших охранников. Могу даже придумать еще более фантастическую версию: заказчиком был господин Витц, которому захотелось и деньги получить, и лошадей не отдавать. Но все это требовало тщательной проверки...

– Ну что ж, – сказала я, глядя на несчастного Лимеса. – Вас просветили относительно моих расценок?

Тот печально кивнул.

– У меня, госпожа Нарен, денег хватит вам только за три дня работы уплатить, – сказал он уныло.

– Значит, попробуем управиться за три дня, – пожала я плечами. – А там видно будет.

Прежде всего я велела показать мне тот злосчастный постоянный двор, на котором была совершена кража.

– Ну вы и нашли где остановиться! – покачала я головой, глядя на облупленную вывеску, гласившую «Отдохни немного» и изображавшую спящего в обнимку с кружкой и бараньей ногой толстяка.

– А что такое? – всполошился Лимес.

– Да теперь уж ничего... – буркнула я. Этот постоянный двор пользовался заслуженно дурной славой: здесь вечно что-то происходило. То постоялец вешался в своей комнате, то кто-нибудь падал с лестницы и ломал себе шею, а горело тут за последние полгода раза три, не меньше. Да расположен он... Впритык к Рыночному кварталу, а какая там обитает публика, я уже рассказывала. – Кто вам посоветовал это место?

– Никто не советовал, я всегда тут останавливаюсь, когда в столицу приезжаю, – удивился Лимес. Я смерила его взглядом. Хм... а не мог ли этот тип сам организовать кражу? Не для себя, понятное дело, что он будет делать с шестью кобылами вейренской породы! Но если ему неплохо заплатили... Чем не вариант?

– Ладно, идемте, взглянем на конюшню, – вздохнула я. Вокруг уже начинала собираться толпа, и это мне совершенно не нравилось.

Надо ли говорить, что и на улице, и около конюшни все было затоптано так, будто по этому месту прошелся весь город? Немудрено, что ищейка не взяла след! Хотя собаку, по уверению Лимеса, приводили рано утром, когда тут еще не отметились все любопытствующие.

Конюшня оказалась ничем не примечательна, добротное чистое строение. Сейчас там стояли с десяток самых обычных лошадей, принадлежащих постояльцам, и только.

– Ваши лошади стояли все вместе или по отдельности? – спросила я, отметив, что пустых денников достаточно много.

– Я попросил, чтобы всех рядом поставили, – ответил Лимес. – Они друг к другу-то привыкли, а когда чужие лошади рядом, нервничают...

В самой конюшне ни малейших признаков магического вмешательства мне обнаружить не удалось. Если лошадей отсюда и вывели, то сделали это обычным способом – через ворота. Хорошо, посмотрим, что во дворе, может быть, что-то и прояснится...

Но прежде я решила переговорить с охранниками Лимеса и со здешними сторожами. Охранники, как на подбор, оказались здоровенными молодыми парнями, которых не то что заирать не каждый отважится, а и просто подойти побоится. Двоих я, кстати, помнила в лицо, видела их в поместье нейра Рема еще зимой. Они меня, по счастью, не вспомнили.

По их рассказу выходило следующее: двое парней отдежурили свою часть ночи (караулили они попарно – один человек Рема, один Витца, вполне разумно), растолкали следующую пару и ушли спать. Их сменщики тоже благополучно просидели во дворе несколько часов, затем их место заняла последняя смена. И ни те, ни другие, ни третьи ничего не видели и не слышали. То есть в трактире напротив до полночи шла гульба, порой бдительно брехал на прохожих сторожевой пес, но во двор никто посторонний не заходил и уж тем более не выходил, за это парни ручались головой. Либо они очень хорошо сговорились заранее, либо каким-то непостижимым образом и правда прозевали лошадей. Местный же сторож, как очень быстро выяснилось, только делал вид, что бдил не смыкая глаз, а на самом деле гнусно напился и прохрапел всю ночь. Так что с него взятки были гладки – такое похмелье сыграть никому не под силу.

Постояльцы опять-таки ничего подозрительного не заметили, а скорее не обратили внимания. Даже если кто и слышал стук подков, то не придал этому никакого значения – на то и постоялый двор, постоянно кто-то приезжает или уезжает. Хозяин – так тот вообще трясся от страха, что с него взыщут стоимость украденных лошадей, и ничего вразумительного сказать не мог. Из него удалось выудить только, что новых постояльцев, кроме Лимеса и его ребят, ни вчера, ни позавчера не появлялось, да и сегодня с утра никто из прежних обитателей не выразил желания немедленно сорваться в бег. Впрочем, это тоже мало о чем говорило.

Из слуг толково разговаривала одна кухарка, которая поднялась еще до рассвета, чтобы начать стряпать завтрак.

– Пес наш очень уж брехал, – сказала она, подумав, в ответ на мой вопрос, не слышала ли она ночью чего-нибудь подозрительного. – Понятно, напротив гуляли, расходились поздно, но только это около полуночи было, а кобеля нашего разобрало уже под утро, и я вставать собралась. Еще, помню, разозлилась, что разбудил рано, окаянный!

– А обычно он по ночам не лает? – спросила я.

– Ну, если кто в ворота постучит или через забор попырует полезть, тогда брешет, конечно, – ответила кухарка обстоятельно. – А если просто мимо кто идет – то не станет, иначе б мы рехнулись давно, тут постоянно народ туда-сюда снует. По ночам куролесят, бывает, а вот перед рассветом самая тишина, одни только заснули, другие еще не проснулись, не на кого лаять-то...

Очень любопытно. Значит, какое-то движение возле ворот все же наблюдалось, раз пес лаял. Но люди ничего подозрительного не видели и не слышали. Значит, либо врут, либо тут и впрямь не все чисто. Что ж, проверим...

Во дворе, как я уже говорила, все было затоптано так, что обычному человеку искать следы и смысла не было. Другое дело, если вы маг...

Для человека несведущего мои действия выглядели бессмыслицей: я прошлась туда-сюда, там постояла молча, тут присела на корточки, подобрала какой-то камешек... Вывод был очевиден – магией тут все же пользовались, очень осторожно и, я бы сказала, не без изящества. Со временем кражи тоже наступила ясность: судя по остаточным проявлениям чужой магии, кража была совершена именно перед рассветом. Неплохо придумано, это самый глухой час, как верно выразилась кухарка, – одни еще спят, другие уже спят, а охранники клюют носом. Исключать причастность последних к преступлению я бы пока не стала, но если даже допустить, что они не врут, картина складывается любопытная.

Я склонна была считать, что главное действующее лицо – это кто-то, пришедший извне: постояльцев и слуг я проверила, никто из них магическими способностями не обладал, а значит, не мог выступать в роли исполнителя. В сговоре они быть могли, но это уже другой вопрос, речь пока не об этом. Итак, наш таинственный некто, дождавшись подходящего часа, проникает в конюшню. Для мало-мальски сносного мага несложно проделать это таким образом, чтобы люди во дворе ничего не увидели и не услышали. (Кстати, то же самое можно проверить и без помощи магии, я была когда-то знакома с подобными умельцами.) Только собаку магией не обмануть, поэтому пес и поднимает лай. Но злоумышленник резонно рассчитывает, что особого внимания на собачий брех никто не обратит. Войдя в конюшню, наш некто выводит лошадей... А вот тут маленькая неувязка: в одиночку с шестью лошадьми управиться не так-то просто, а околдовать их не получится, на лошадей магия почти не действует, а если действует – то непредсказуемо, они могут взбеситься и устроить тарарам. Это в планы вора никак не входит. Значит, или вор был не один, или он воспользовался спящим на конюшне мальчишкой, как бишь его, Зайцем. Человека, в отличие от лошади, можно заставить делать то, что нужно, особенно если застать его спящим и не дать прийти в себя либо заранее опохмелить кое-каким снадобьем.

Дальше – больше. Судя по всему, неизвестный маг воспользовался «воздушной дорожкой», чтобы вывести лошадей со двора. Это достаточно простой и действенный прием: над поверхностью земли создается тонкая воздушная прослойка, по которой вполне можно ходить. Удобное средство для передвижения, скажем, по болоту, для того и было придумано. Здесь, правда, «дорожкой» воспользовались, чтобы не оставить следов, которые может взять собака. Опять же и копыта не будут сильно стучать, не нужно возиться и обматывать их тряпьем. Умно, ничего не скажешь. Думаю, вор не мог не понимать, что такой необычной кражей могут заинтересоваться и маги, поэтому злоупотреблять «дорожкой» не стал: за воротами постоянного двора все признаки магического воздействия рассеивались без следа. Впрочем, ищейки теперь вор мог не опасаться: до той поры, как пропажи хватились, по улице успело пройти столько народу, что в какофонии запахов не разобралась бы ни одна, даже самая лучшая собака. К тому же, если вор умен, он мог подстраховаться с помощью какого-либо состава, отбивающего собакам чутье, благо в этом добре недостатка нет.

Итак, с тем, как была совершена кража, мы отчасти разобрались. Осталось выяснить, кто ее совершил и куда подевались лошади.

Я была уверена: долго прятать в городе шесть племенных вейренов не станут, просто потому, что они слишком бросаются в глаза. Вывести их из города сразу тоже не попытаются, потому что Лимес, как и следовало ожидать, немедленно бросился в сыскное отделение, а там уж дали распоряжение проверять на выезде из города лошадей вейренской породы. Нужных легко можно было отличить по клейму заводчика. Нейр Витц клеймил лошадей по хитрой

системе – не просто своим знаком, а еще и набором цифр и букв, обозначающих дату появления лошади на свет и принадлежность ее к той или иной племенной линии.

Прятать всех лошадей скопом бесполезно и опасно. А вот по одной... В столице не так уж мало людей, способных позволить себе купить вейрена, проверять все конюшни города долго и бессмысленно. Надо полагать, у спланировавших кражу людей есть в запасе еще какие-то приемы. К примеру, они могут попытаться избавить лошадей от клейма Витца, это самое простое решение, учитывая, что среди них есть маг. А если нет клейма, то поди докажи, что это именно украденная кобыла, а не купленная самым что ни на есть законным образом!

Н-да... Надо поторопиться, иначе в самом деле придется прочесывать город!

Среди зевак, пришедших поглазеть на место преступления, я вдруг заметила знакомую веснушчатую физиономию.

– Эй, господин Вайш, подите-ка сюда! – позвала я.

– Госпожа Нарен! – расплылся в улыбке рыжий студент. – Вы, гляжу, опять вся в работе? В тот-то раз нашли, кого искали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.